

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Русская СЛОВА РЕЧЬ

2026

ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**
Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.	Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь» Телефон: +7 495 637-27-35 E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru Сайт: http://slavras.ru , http://russkayarech.ru/	© Российская академия наук
Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).		

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

2026

JANUARY-
FEBRUARY

НАУКА
— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrew A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru

Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *С. В. Князев*. Сколько здесь ИК? («Шляпные» конструкции в русском литературном языке)
- 26..... *О. А. Мещерякова, У. И. Турко*. Языковые особенности цифрового этикета в академической среде
- 39..... *Т. В. Сатина*. Синтаксический потенциал существительных с модальной семантикой

Из истории русского языка

- 54..... *Т. С. Садова*. Указали Мы: о формуляре именных указов Петра II
- 66..... *И. С. Юрьева*. Когда стало можно разболеться, уже болея, и не умереть?

Язык художественной литературы

- 76..... *Ван Вэньюй*. Концепт «гроза» в одноименных пьесах «Гроза» А. Н. Островского и Цао Юя
- 90..... *М. М. Парочкина*. Драгоценные камни как образное воплощение времени в русской поэзии Серебряного века
- 104..... *О. А. Селеменова, Н. А. Бородина*. «Дикий лавр, и плющ, и розы...»: семантика и функции фитонимов в поэзии И. А. Бунина
- 120..... *О. И. Федотов, А. П. Дмитриева*. Идиллия над рекой (о двойчатке безголовых сонетов Валерия Брюсова с диссонансными рифмами)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Sergey V. Knyazev*. How Many Intonational Constructions Are There?
("Hat Patterns" in Standard Russian)
- 26..... *Olga A. Meshcheryakova, Ulyana I. Turko*. Linguistic Features
of Digital Etiquette in an Academic Environment
- 39..... *Tatyana V. Satina*. The Constructive Potential of Nouns
with Modal Semantics

From the History of the Russian Language

- 54..... *Tatiana S. Sadova*. "We Have Indicated": On the Form of Personal Decrees
of Peter II
- 66..... *Irina S. Yuryeva*. When Did It Become Possible to Razbolyet'sya
'To Become Seriously Ill' While Already Ill, and Survive?

The Language of Fiction

- 76..... *Wang Wenyu*. The Concept of 'Thunderstorm' in the Plays
"The Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky and Cao Yu
- 90..... *Mariya M. Parochkina*. Gemstones as a Figurative Embodiment of Time
in Russian Poetry of the Silver Age
- 104..... *Olga A. Selemeneva, Nadezhda A. Borodina*. "Wild Laurel, Ivy, and Roses...":
Semantics and Functions of Phytonyms in I. A. Bunin's Poetry
- 120..... *Oleg I. Fedotov, Anastasia P. Dmitrieva*. "Idyll over the River":
On the Twinning of Valery Bryusov's Headless Sonnets
with Dissonant Rhymes

Сколько здесь ИК? («Шляпные» конструкции в русском литературном языке)

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук (Москва, Россия), svknia@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826010018

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию просодии вопросительных и восклицательных предложений, которые оформляются в литературном русском языке «шляпным» интонационным контуром, в сопоставлении с утвердительными высказываниями с разным типом информационного фокуса на материале «эталонных» дикторских произнесений, представленных в звуковом приложении к [Брызгунова 1981]. Результаты проведенного экспериментально-фонетического анализа свидетельствуют о том, что ядерный тональный акцент в восклицательных «шляпных» контурах фонологически является восходяще-нисходящим; его фонетическая реализация обусловлена количеством сегментного материала между ним и предшествующим ему предъядерным восходящим акцентом. Наоборот, в нейтральных вопросительных «шляпных» конструкциях, являющихся частотным способом оформления вопросов с вопросительным словом, представлен ядерный акцент, аналогичный тому, который наблюдается в первой интонационной конструкции — нисходящий с очень ранним таймингом: падение тона начинается на согласном инициали ударного слога или на предударном гласном, а заканчивается в середине ударного гласного; некоторое отличие наблюдается лишь в несколько более позднем завершении тонального падения в специальных вопросах по сравнению с нейтральными утверждениями с широким фокусом. Таким образом, эти «шляпные» контуры не могут считаться одной и той же интонационной конструкцией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, интонация, восклицание, частный вопрос, тональный акцент, тайминг

для цитирования: Князев С. В. Сколько здесь ИК? («Шляпные» конструкции в русском литературном языке) // Русская речь. 2026. № 1. С. 7–25. DOI: 10.7868/S3034592826010018.

Issues of Modern Russian Language

How Many Intonational Constructions Are There? ("Hat Patterns" in Standard Russian)

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), svknia@gmail.com

ABSTRACT: This paper presents the results of an experimental analysis of the phrase intonation in exclamations, wh-questions and statements with so called "hat tonal patterns" in model utterances of Modern Standard Russian. The study reveals that the melodic contours in question differ from each other in the timing of the nuclear pitch accent, which is relatively late in exclamations and extremely early in wh-questions, this difference is almost the same as the distinction between the phrase prosody of declaratives with broad and narrow information foci. Moreover, the basic phonological type of the nuclear pitch accent in exclamations is not purely falling but rather rising-falling; its phonetic realization is a function of the number of syllables between the initial rising prenuclear pitch accent and the final nuclear one. Thus, we argue that all these "hat tonal patterns" can not be treated as a single intonational construction (IK-5). Meanwhile, determining the exact type of intonational construction in wh-questions' "hat pattern" (whether it is fully identical to IK-1 or not) depends on the specifications of prenuclear rising pitch tune, and some further research is needed along these lines.

KEYWORDS: Russian, intonation, exclamations, wh-questions, pitch accent, timing
FOR CITATION: Knyazev S. V. How Many Intonational Constructions Are There? ("Hat Patterns" in Standard Russian). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 7–25. DOI: 10.7868/S3034592826010018.

Термин «шляпа» ('hat') для описания мелодического контура был введен в широкое употребление представителями нидерландской школы перцептивного анализа интонации. Авторы описывают этот просодический тип как состоящий из

- (a) начального незначительного понижения тона (деклинации) в нижнем регистре,
- (b) резкого повышения тона,
- (c) участка с небольшим понижением (деклинацией) в верхнем регистре,
- (d) резкого понижения тона,
- (e) конечного участка с деклинацией в нижнем регистре, продолжающего начальный [Cohen and 't Hart 1967: 183].

Классики нидерландской интонологии изначально называли «шляпой» восходяще-нисходящий мелодический контур как с задержкой падения, так и без ровного участка между повышением и понижением частоты основного тона (ЧОТ). Впоследствии эти типы были разграничены как 'flat hat' и 'pointed hat' ['t Hart et al. 1990], в терминологии М. Пост применительно к русскому диалектному материалу — «широкая шляпа» и «острая шляпа» [Пост 2007; Post 2005, 2008]¹. Мы в дальнейшем под «шляпой» будем понимать только первый тип, то есть такой мелодический контур, в котором два независимых тональных движения (обычно восходящее и нисходящее) соединены отрезком ровного высокого тона (плато) с возможной деклинацией на нем.

В нидерландском языке «шляпный» мелодический контур является одним из самых распространенных, им оформляется до 60% высказываний

¹ Кроме «шляпы» в нидерландском языке представлены сходные контуры, названия которых можно перевести как «пилотка» ('valley') и «кепка» ('cap') [Collier and 't Hart 1971: 880–881]. В последнем случае просодически выделен только один из слогов — тот, на котором происходит подъем (а падение тона в конце только маркирует интонационную границу); в предпоследнем между подъемом тона и его падением наблюдается «вмятина», а потом инклинация — некоторое повышение ЧОТ [Collier and 't Hart 1971: 880–881].

[Nooteboom 1997: 653]. То же наблюдается и в севернорусских архангельских диалектах, где «шляпа» используется как в общих вопросах, так и в утвердительных диалогических репликах [Князев 2023].

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) этот контур изначально считался не столь частотным и был первоначально описан Е. А. Брызгуновой как пятая интонационная конструкция (ИК-5, см. рис. 1) для восклицательных предложений, а впоследствии — и для некоторых типов вопросов с вопросительным словом: «ИК-5, в отличие от других интонационных конструкций, имеет два центра, которые следуют друг за другом или разделены несколькими слогами; поэтому ИК-5 возможна в предложении, имеющем минимум два слога. В предцентровой части колебания тона сосредоточены в средне-нижней полосе ее диапазона. Гласный первого центра произносится с восходящим движением тона выше уровня предцентровой части. <...> Уровень тона между центрами выше предцентровой части, но ниже уровня первого центра. На гласном второго центра тон понижается. <...> ИК-5 употребляется преимущественно при повествовании и частично при волеизъявлении и вопросе. При повествовании ИК-5 служит средством выражения высокой степени проявления признака: *Како⁵й скучный фильм!* <...> В предложении с вопросительными местоименными словами ИК-5 служит средством выражения нетерпения, досады: *Когда⁵ же он придет?*» [Брызгунова 1980: 115–116]. Нейтральные специальные вопросы, даже оформленные фонетически при помощи «шляпного» контура, Е. А. Брызгунова фонологически интерпретирует как ИК-2: см., например, [Брызгунова 1980: 112, рис. 33].

Многие фонетисты считают, однако, «шляпную» конструкцию типа ИК-5 стандартным мелодическим контуром для оформления специального вопроса в СРЛЯ. Н. Д. Светозарова указывает, что он при этом «лишен свойственной ИК-5 восклицательности» [Светозарова 1982: 92], то есть в нем «отсутствует особое выделение вопросительного слова» [Светозарова 1982: 92], при этом «такое интонирование представляется нейтральным, в то время как подчеркивание вопросительного слова²... нередко кажется резким, даже грубым» [Светозарова 1982: 111–112]. Л. Л. Касаткин прямо указывает на то, что, по его мнению, собственно «ИК-5 часто встречается и в вопросительных предложениях с вопросительным словом: *Куда⁵ ты идё⁵шь? Како⁵й у неё го⁵лос?*» [Касаткин 2003: 84].

С. В. Кодзасов также считал «шляпную» конструкцию типа ИК-5 стандартным контуром специального вопроса в СРЛЯ [Кодзасов 2009: 21, 108, 180–181] (см. рис. 2). Он уточняет описание Е. А. Брызгуновой, отмечая различия между контурами, которые он трактует как ИК-5, в восклицаниях и частных вопросах: «Комбинация /-/-\ уже давно была описана

² То есть частный вопрос с прототипической ИК-2. — С. К.

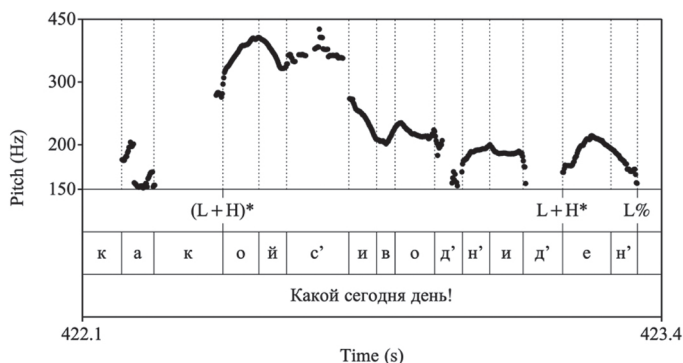

Рис. 1. Кривая ЧОТ фразы *Какой сегодня день!* (восклицание, ИК-5, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 1. Fundamental frequency curve for *Kakoy segodnya den'!* exclamation (5-th intonational construction, Standard Russian) from [Bryzgunova 1981] with our phonological interpretation

Рис. 2. Кривая ЧОТ фразы *Как пройти на Красную площадь?* (специальный вопрос, ИК-5, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 2. Figure 2. Fundamental frequency curve for *Kak proyti na Krasnuyu ploshchad'?* wh-question ("5-th intonational construction", Standard Russian) from [Bryzgunova 1981] with our phonological interpretation

Е. А. Брызгуновой (ИК-5). В качестве типичного контекста употребления приводятся обычно восклицательные предложения вида (28) — *Какой(/--) сегодня день(--)!* При этом не отмечается, что такие восклицания обычно произносятся в медленном темпе и придыхательным голосом (характерна также деклинация тона на «плато»). При отсутствии этих компонентов мы имеем обычный специальный вопрос: (29) — *Скажите, какой(/--) сегодня день(--)?»* [Кодзасов 2009: 21].

Мы полагаем, что в это описание следует внести и дальнейшие уточнения; ниже анализируются «шляпные» конструкции в восклицаниях и частных вопросах в СРЛЯ.

Один из основных параметров мелодического контура — это соотношение изменения тона со звуковой последовательностью, которое называется **таймингом**; в описание интонации русского языка оно впервые введено Сесилией Оде [Odé 1989]. Так, именно таймингом нисходящего тонального акцента отличаются друг от друга в СРЛЯ нейтральное утверждение, в котором отсутствует «смысловое противопоставление или сопоставление» (ИК-1) [Брызгунова 1980: 109], и утверждение со смысловым выделением или противопоставлением (ИК-2) [Брызгунова 1980: 111]: в первом случае тайминг более ранний (падение тона начинается в инициали ударного слога словоформы-акцентоносителя и заканчивается в середине ударного гласного), чем во втором (понижение ЧОТ начинается на ударном гласном и завершается на заударном слоге) [Игараши 2002; Igarashi 2005], см. рис. 3 и 4.

Мы предполагаем, что вопросительный «шляпный» контур отличается от восклицательного не только характером движения тона на участке, соединяющем восходящий и нисходящий тональные акценты, но и как минимум еще таймингом — более ранним в первом случае, нежели в последнем.

Для проверки этой гипотезы было проведено экспериментальное исследование, **материалом** для которого служили следующие «эталонные» для СРЛЯ предложения из звукового приложения к книге [Брызгунова 1981], записанные профессиональными дикторами³ и аннотированные в терминах ИК самой Е. А. Брызгуновой:

- нейтральные утвердительные предложения без «смыслового противопоставления или сопоставления» типа *Это наша машина*, произнесенные с прототипической ИК-1 (см. рис. 3) — 130 примеров;
- предложения разных типов⁴, произнесенные с прототипической ИК-2 (см. рис. 4) — 103 примера;
- восклицательные предложения, произнесенные с прототипической ИК-5, типа *Какой у нее голос!* (см. рис. 1) — 27 примеров⁵;
- «нейтральные» специальные вопросы, оформленные шляпной конструкцией, типа *Как пройти на Красную площадь?* (см. рис. 2) — 55 примеров.

Основным материалом служили «шляпные» конструкции последних двух групп; материал двух первых использовался в качестве эталона для сравнения тайминга двух типов ядерных тональных акцентов в произношении именно этих дикторов.

³ О. С. Высоцкой, М. А. Ивановой, В. Н. Балашовым и Ю. С. Ярцевым.

⁴ Специальный вопрос с одним тональным акцентом, утверждения с контрастным фокусом, приказ и т. п.

⁵ Их количество невелико в том числе и потому, что такой тип высказывания в русском языке является достаточно редким.

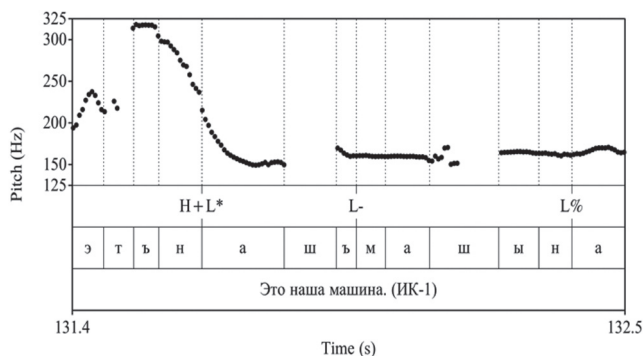

Рис. 3. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина* (нейтральное утверждение, ИК-1, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 3. Fundamental frequency curve for *Eto nasha mashina* broad focus statement (1-st intonational construction, Standard Russian) from [Bryzgunova 1981] with our phonological interpretation

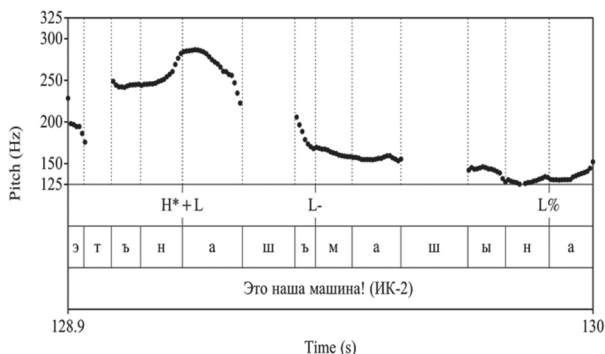

Рис. 4. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина!* (ненейтральное утверждение, ИК-2, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 4. Fundamental frequency curve for *Eto nasha mashina!* narrow contrastive focus statement (2-nd intonational construction, Standard Russian) from [Bryzgunova 1981] with our phonological interpretation

Во всех примерах (общее число — 315) был измерен тайминг последнего (ядерного) тонального акцента, а именно

- 1) промежуток (в мс) между началом ударного гласного словоформы-акцентоносителя и точкой начала понижения частоты основного тона;
- 2) промежуток (в мс) между началом ударного гласного словоформы-акцентоносителя и точкой завершения падения ЧОТ.

Результаты исследования отражены ниже на рис. 5–7 и в табл. 1.

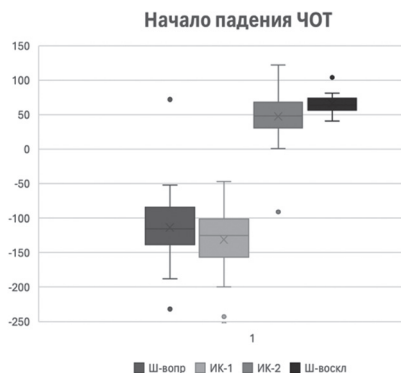

Рис. 5. Начало падения ЧОТ относительно начала ударного гласного словоформы-акцентоносителя

Fig. 5. Start of the fundamental frequency drop in relation to the focused word's stressed vowel start-point

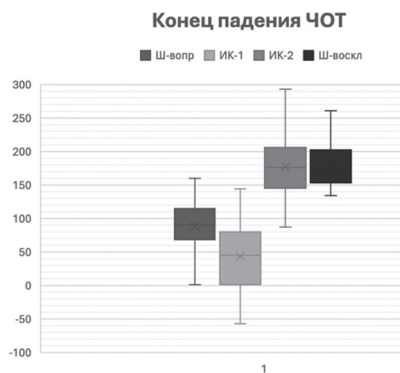

Рис. 6. Завершение падения ЧОТ относительно начала ударного гласного акцентоносителя

Fig. 6. End of the fundamental frequency drop in relation to the focused word's stressed vowel start-point

На рисунке 5 для всех четырех исследованных типов высказываний приведены полные данные о начале падения ЧОТ, на рисунке 6 — полные данные о конце падения ЧОТ, на рисунке 7 и в таблице 1 — средние данные о начале и конце падения тона.

Рисунки 5 и 6 представляют собой «ящики с усами» (диаграммы размаха), которые показывают первый и третий квартили (собственно ящик), соответствующие средней половине всех данных выборки, и «усы», отражающие данные первой и последней четвертей данных выборки. Таким образом, границы «ящика» соответствуют границам первого и третьего квартилей, линия, разделяющая «ящик» на две части, представляет собой медиану, а нижняя и верхняя границы «усов» отражают минимальное и максимальное значения всей выборки данных (точки — экстремальные значения, крестик — среднеарифметическое значение каждого набора данных). Расстояния между отдельными частями ящика позволяют определить степень «плотности» данных на определенном отрезке шкалы.

Условные обозначения:

- Ш-вопр: «шляпные» конструкции в специальных вопросах,
- Ш-воскл: «шляпные» конструкции в восклицаниях,
- ИК-1: предложения, оформленные ИК-1,
- ИК-2: предложения, оформленные ИК-2,
- Т-нач: точка начала падения в мс до или после начала ударного гласного,
- Т-кон: точка окончания падения в мс до или после начала ударного гласного.

Таблица 1. Начало и конец падения ЧОТ относительно начала ударного гласного словоформы-акцентоносителя: средние значения

Table 1. Start and end of the fundamental frequency drop in relation to the focused word's stressed vowel start-point: mean values

	Ш-вопр	ИК-1	ИК-2	Ш-воскл
Т-нач	-114	-131	44	66
Т-кон	88	44	185	179

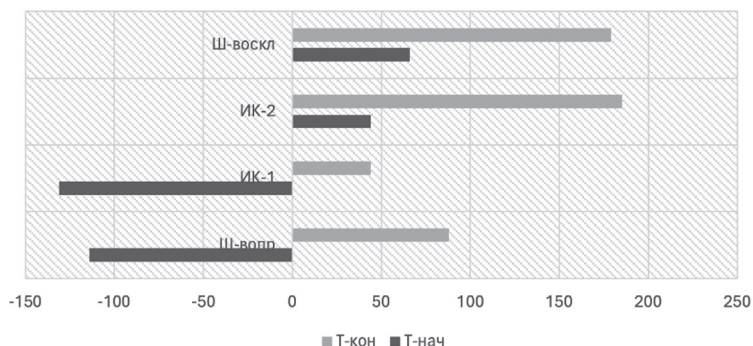

Рис. 7. Начало и конец падения ЧОТ относительно начала ударного гласного словоформы-акцентоносителя: средние значения

Fig. 7. Start and end of the fundamental frequency drop in relation to the focused word's stressed vowel start-point: mean values

Для анализа статистической значимости полученных данных относительно начала падения ЧОТ была построена регрессия в среде R, версия 4.1.1 (R Core Team 2021), с использованием функции `lm`⁶. ЧОТ был задан в качестве зависимой переменной, а предиктором выступал тип вопроса (4 уровня: Ш-вопрос, ИК-1, ИК-2, Ш-воскл). Результаты свидетельствуют о том, что тип вопроса является значимым предиктором ЧОТ ($p < .001$). Контрасты четырехуровневой факторной переменной «тип вопроса» были проанализированы с помощью пакета `emmeans` версии 1.7.0 (Lenth et al. 2018). Этот анализ показал, что ЧОТ в Ш-вопрос не отличается значимо от ЧОТ ИК-1, а ЧОТ в Ш-воскл не отличается от ЧОТ ИК-2. Однако ЧОТ Ш-вопрос значимо ниже ЧОТ Ш-воскл ($\beta = -179.8, p < .0001$) и ИК-2 ($\beta = -161.1, p < .0001$). Схожим образом ЧОТ ИК-1 значимо ниже ЧОТ Ш-воскл ($\beta = -197.4, p < .0001$) и ИК-2 ($\beta = -178.6, p < .0001$).

Для анализа статистической значимости полученных данных относительно завершения падения ЧОТ была построена регрессия в среде R,

⁶ Я благодарю М. К. Пронину (Dept. de Filologia Catalana i Lingüística General, Universitat de les Illes Balears) за помощь в статистической обработке данных.

версия 4.1.1 (R Core Team 2021), с использованием функции *lm*. ЧОТ был задан в качестве зависимой переменной, а предиктором выступал тип вопроса (4 уровня: Ш-вопрос, ИК-1, ИК-2, Ш-воскл). Результаты показали, что тип вопрос является значимым предиктором ЧОТ ($p < .001$). Контрасты четырехуровневой факторной переменной «тип вопроса» были проанализированы с помощью пакета *emmeans* версии 1.7.0 (Lenth et al. 2018). Этот анализ показал, что ЧОТ Ш-вопрос значимо ниже, чем ИК-2 ($\beta = -88.99, p < .0001$) и Ш-воскл ($\beta = -91.06, p < .0001$). Схожим образом ЧОТ ИК-1 значимо ниже, чем ИК-2 ($\beta = -133.30, p < .0001$) и Ш-воскл ($\beta = -135.37, p < .0001$).

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что ядерный tonальный акцент в восклицательных «шляпных» контурах в наибольшей степени сходен с тем, что представлен в ИК-2 — его тайминг является относительно поздним. Наоборот, в нейтральных вопросительных «шляпных» конструкциях фиксируется акцент, аналогичный тому, что имеет место в ИК-1 — нисходящий с очень ранним таймингом: падение ЧОТ начинается в начале согласного инициали ударного слога или даже на предупредном гласном, а заканчивается в середине ударного гласного; некоторое отличие наблюдается лишь в несколько более позднем завершении тонального падения в специальных вопросах по сравнению с нейтральными утверждениями с широким фокусом.

Таким образом, вопросительный «шляпный» контур отличается от восклицательного не только характером движения тона на участке, соединяющем предъядерный восходящий и ядерный нисходящий тональные акценты, но и таймингом второго акцента: в восклицаниях падение тона начинается позже, чем в частных вопросах (на согласном, предшествующем ударному гласному). Тем самым эти контуры нельзя считать одной и той же интонационной конструкцией: фонетически они отличаются друг от друга точно так же, как отличается ИК-1 от ИК-2, и соотносятся при этом с разными коммуникативными значениями.

Тот факт, что нейтральный вопрос с вопросительным словом может в русском языке оформляться тем же мелодическим контуром, что и нейтральное утверждение, уже неоднократно отмечался в лингвистической литературе. Так, еще В. Н. Всеволодский-Гернгросс указывал, что при наличии вопросительного слова «смысловое значение интонации падает, так как и без нее вопросительное значение ясно благодаря специальному члену» [Всеволодский-Гернгросс 1922: 51]⁷, а А. М. Пешковский писал о том, что «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто

⁷ Фонетически этот тип интонации, по мнению В. Н. Всеволодского-Гернгросса, представляет собой мелодический контур с подъемом тона на вопросительном слове и падением тона в «логическом центре» высказывания [Всеволодский-Гернгросс 1922: 51].

грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот» [Пешковский 1959: 181]. Наконец, О. Йокояма отмечает: «Нейтральная интонация используется не только в повествовательных высказываниях, но и в вопросительных... Местоименные вопросы не упоминаются в работе [Брызгунова 1980] среди употреблений ИК-1⁸, конструкции, соответствующей, по-видимому, нисходящей части (ВН) ядра нашей нейтральной интонации. О возможности оформлять их нейтральной интонацией, однако, говорится в работах [Всеволодский-Гернгросс 1922; Гвоздев 1949; Светозарова 1978; Yokoyma 1986] и др.» [Йокояма 2003: 106]. Сама «нейтральная интонация», по мнению О. Йокоямы, к которому мы вполне присоединяемся, как раз и представляет собой «шляпный» мелодический контур: «Мы считаем, что характерное для нейтральной интонации ядро НВ ВН соответствует ИК-1» [Йокояма 2003: 117]⁹. Практически так же описывает О. Йокояма и ИК-5, которая оформляет, по ее характеристике, «манерное восклицание»: «Думается, что двуцентровой ИК-5, с первым центром восходящим, а вторым нисходящим, следует уделить отдельную «статью» в интонационном лексиконе. Ядро этой ИК тонологически можно обозначить как НВ В-ВН» [Йокояма 2003: 120]¹⁰.

Таким образом, анализ О. Йокоямы предполагает, что ИК-1 в нейтральных утверждениях и вопросах с вопросительным словом отличается от ИК-5 в «манерных восклицаниях» отсутствием высокого тона, связывающего первый (восходящий) и второй (нисходящий) тональные акценты в первом случае с его наличием в последнем. На самом деле, как это показал С. В. Кодзасов (см. выше соответствующую цитату, а также рис. 1 и 2), в действительности дело обстоит в некотором смысле ровно противоположным образом: в утверждениях и специальных вопросах высокий тон (плато) между предъядерным восходящим и ядерным нисходящим акцентами как раз сохраняется, а в восклицаниях тон между акцентами плавно нисходящий. И как раз это понижение тона нуждается, на наш взгляд, в специальной интерпретации: ведь фонетически и физиологически поддерживать высокий тон на плато не является проблемой, но в восклицаниях он по какой-то причине понижается (и это не простая деклинация, результатом которой было бы гораздо менее существенное понижение тона).

⁸ Е. А. Брызгунова считала, что «подлинная повествовательная интонация» возможна во фразах с вопросительными словами, только если они выступают в функции заголовков. — С. К.

⁹ О. Йокояма использует символ «Н» для обозначения низкого тона, «В» — высокого. «НВ» означает, соответственно, восходящий тон, «ВН» — нисходящий.

¹⁰ Дефисом обозначается тон, связывающий тональный акцент (центр ИК) с конечным пограничным тоном.

Обратимся к анализу интонограмм литературных восклицаний, приведенных Е. А. Брызгуновой в качестве эталонов ИК-5 в Русской грамматике [Брызгунова 1980: 117]; они представлены ниже на рис. 8. На нем хорошо видно, что во втором и третьем случаях (графики 53 и 54) тон между первым восходящим и вторым «нисходящим» акцентами существенно понижается — и это несмотря на небольшое число слогов между ними (два в первом случае и всего один во втором). При этом тщательный анализ графиков показывает, что тон второго акцента в этих случаях не просто нисходящий, как это можно было бы предположить для ИК-2, а явно содержит ровный участок в середине или начале ударного гласного. В четвертом примере (график 55) ровный тон отмечается уже на всем протяжении ударного гласного слова *сказал*; можно было бы предположить, что акцентное понижение тона к этому моменту уже завершилось, и этот ровный тон является конечным пограничным, однако, во-первых, выше было показано, что в восклицаниях не бывает раннего тайминга, во-вторых, тон этот хоть и ровный, но не низкий, он гораздо выше начального базового.

Еще необычнее выглядит первый пример (график 52): в нем после первого акцента некоторое время наблюдается ровный высокий тон, но на гласном, предшествующем второму акценту, реализованному на слове *тишь* (то есть на заударном гласном слова *море*), происходит резкое падение ЧОТ, а сам второй акцент вовсе не нисходящий, а явно восходяще-нисходящий. Примеров такого типа немало и в звуковом приложении к книге [Брызгунова 1981], см., например, выше рис. 1.

Эти факты позволяют предположить, что второй (ядерный) тональный акцент в составе восклицательного мелодического контура СРЛЯ (ИК-5) является не нисходящим, а восходяще-нисходящим, а понижение тона вместо высокого тонального плато после первого (предъядерного) восходящего акцента необходимо именно для того, чтобы реализовать восходящую часть этого акцента (для чего нужно, чтобы тон в ее начале был не высокий, а низкий).

Для проверки этого предположения мы измерили значение частоты основного тона в начале, середине и конце ударного слога словоформы-акцентоносителя в предложениях, извлеченных из звукового приложения к [Брызгунова 1981] и аннотированных Е. А. Брызгуновой как ИК-2 и ИК-5. Полученные результаты приведены на рис. 10. На нижнем рисунке хорошо видно, что в случае ИК-2 тональный акцент, как этого и следовало ожидать, собственно нисходящий с поздним таймингом: на всем протяжении ударного гласного словоформы-акцентоносителя тон последовательно понижается.

В случае ИК-5 картина принципиально иная: в тех случаях, когда между первым (восходящим) и вторым тональными акцентами достаточно

С. В. Князев. Сколько здесь ИК? («Шляпные» конструкции в русском литературном языке)
 S. V. Knyazev. How Many Intonational Constructions Are There? ("Hat Patterns" in Standard Russian)

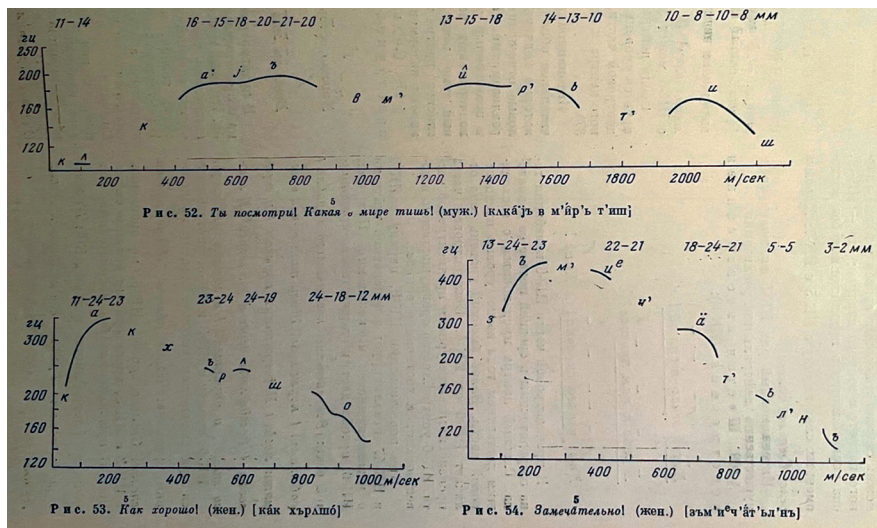

Рис. 8. Графики ЧОТ фраз с ИК-5 [Брызгунова 1980: 117]

Fig. 8. Fundamental frequency curves for 5-th intonational construction, from [Bryzgunova 1981]

сегментного материала (более двух слогов, в предложениях типа *Какой сегодня день!*, *Какой у нее голос!*, верхний рисунок), частота основного тона на ударном гласном сначала повышается (в среднем со 167 до 200 Гц), а затем понижается (в среднем до 136 Гц). Это повышение ЧОТ несомненно является акцентным: в современной интонологии принято считать, что надежной границей, позволяющей отличить наличие тонального акцента от его отсутствия, является изменение в три полутона (ST) [’t Hart 1981: 811; ’t Hart et al. 1990: 29]. Однако другие исследования показывают, что и изменения в полтора полутона могут быть достаточно надежными показателями просодического выделения, при условии что они имеют

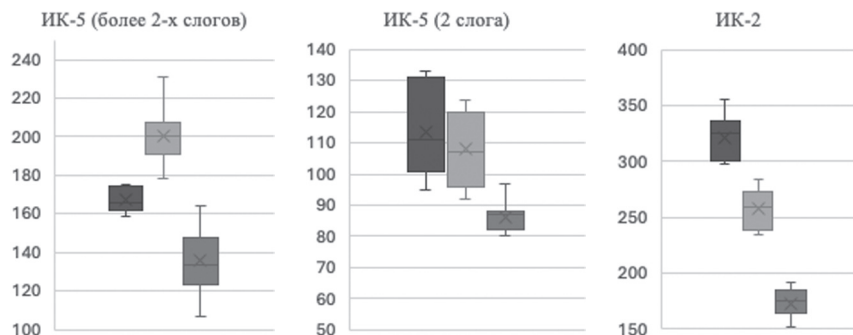

Рис. 9. Значения ЧОТ в начале, середине и конце ударного гласного словоформы-акцентоносителя в восклицаниях с ИК-5 (более двух слогов между акцентами — слева; 2 слога — в середине) и конструкциях с ИК-2 СРЛЯ (справа) на материале звуковых примеров из [Брызгунова 1981]

Fig. 9. Fundamental frequency values for start-point middle-point and end-point of the focused word's stressed vowel in IC-5 exclamations with more than two syllables between pitch accents (left) and with just two syllables between pitch accents (middle) and IC-2 (right); sound from [Bryzgunova 1981]

место в одном и том же типе тонального контура [Rietveld & Gussenhoven 1985: 304]. В данном случае мы наблюдаем повышение приблизительно на четыре полутона, так что акцент этот, несомненно, восходяще-нисходящий.

Если же между предъядерным и ядерным акцентами ИК-5 сегментного материала недостаточно (менее двух слогов, в предложениях типа *Какие стихи!*, средний рисунок) ситуация несколько иная: тон в начале гласного ровный (а в конце происходит падение к низкому конечному пограничному тону); это связано с тем, что за два слога между акцентами ЧОТ не успела понизиться до низкого уровня, с которого должно было начаться повышение, а достигла только среднего (базового)¹¹, поэтому фонологическое восходяще-нисходящее движение тона фонетически реализуется как уровневый тон в среднем регистре, но это в любом случае позволяет надежно отличать данный акцент от собственно нисходящего, который реализован как крутое понижение ЧОТ на ударном гласном.

Еще одним важным аргументом в пользу трактовки второго (ядерного) акцента ИК-5 как восходяще-нисходящего, а не собственно нисходящего, является тот факт, что в случае другого (не инвертированного) порядка темы и ремы в предложениях того же типа *Погода у нас такая!* (а не *Какая у нас погода!*) тематический акцент (в данном случае на слове *погода*), которому не предшествует высокий тон, явно реализуется как восходяще-нисходящий (см. рис. 10).

¹¹ Различия в абсолютных значениях ЧОТ на рис. 9 несущественны, они объясняются тем, что предложения *Какой сегодня день!*, *Какой у нее голос!* произносит диктор-женщина; *Какие стихи!* — мужчина.

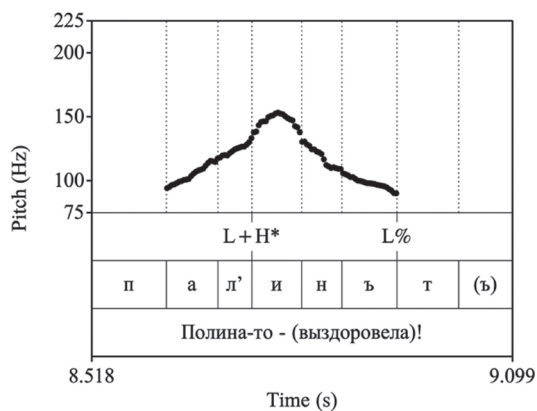
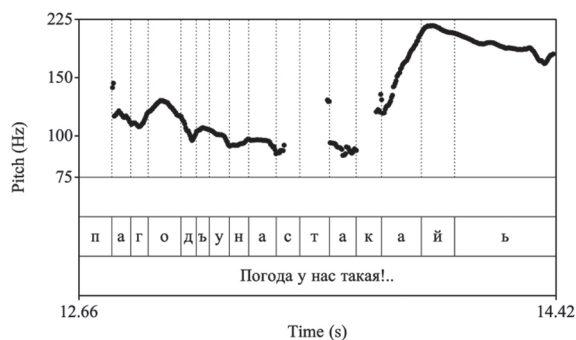
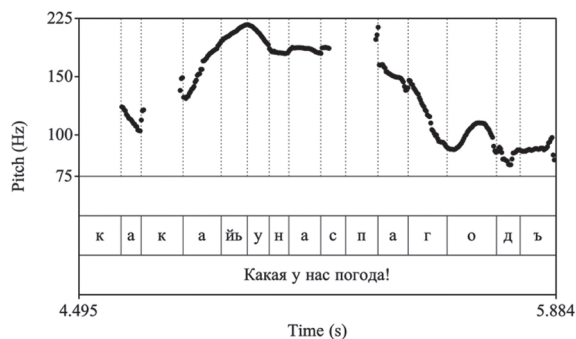

Рис. 10. Кривая ЧОТ фраз *Какая у нас погода!* (слева сверху); *Погода у нас такая!..* (слева внизу) и слова *Полина* из фразы *Полина-то – выздорела!* (справа)

Fig. 10. Fundamental frequency curve for exclamations *Kakaya u nas pogoda!* (upper left), *Pogoda u nas takaya!* (lower left), *Polina-to – vyzdorovela!* (right)

Наконец, некоторых замечаний требует сам вопрос о существовании восходяще-нисходящего тонального акцента в интонационной системе русского литературного языка: в наборе, представленном в системе ИК Е. А. Брызгуновой, он отсутствует (в него входят только восходящий и нисходящие акценты). Однако такой акцент уже неоднократно был описан на материале СРЛЯ: для тем с частицей *-то* (*Полина-то — выздоровела!*) [Bonnot, Fougeron 1987] (см. рис. 10), а также для «апеллятивных акцентов» (вокативов): — *Ва-ань(∧)! Пойди-ка сюда!* и утверждений «с оттенком удивления»: — *Кто же это сделал? — Петя. — Ах, Пе-етя(∧).* [Кодзасов 2009: 18].

Итак, наш анализ «эталонных» произнесений, представленных в звуковом приложении к учебному пособию [Брызгунова 1981], свидетельствует о том, что

1. Весьма частотным способом интонационного оформления нейтральных вопросов с вопросительным словом в литературном русском языке являются «шляпные» конструкции.
2. Эти конструкции идентичны тем, что используются в нейтральных утверждениях, ядерный нисходящий тональный акцент (как и весь мелодический контур) идентичен в них тому, который свойствен ИК-1.
3. Шляпные конструкции в восклицательных предложениях (ИК-5) отличаются от нейтральных утверждений и частных вопросов типом ядерного тонального акцента: это восходяще-нисходящий, а не собственно нисходящий акцент; этим обусловлено и понижение частоты основного тона между первым (предъядерным восходящим) и последним акцентами (отсутствующее в вопросах и утверждениях).
4. В своем полном виде (повышение ЧОТ с последующим понижением внутри ударного слога) восходяще-нисходящий акцент в составе ИК-5 реализуется в синтагмах, в которых есть достаточное количество (более двух) слогов между первым предъядерным восходящим и вторым ядерным нисходящим акцентами; если же таких слогов меньше и тон не успевает понизиться до низкого уровня, фонетически восходяще-нисходящий акцент реализуется как ровный на среднем тональном уровне.

Источники

Всеголовский-Гернгросс В. Н. Теория русской речевой интонации. Пб.: Государственное издательство, 1922. 128 с.

Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. Сб. статей. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1949. 168 с.

Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.

Литература

- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. С. 103–118.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1981. 279 с.
- Игараша Й. Так называемая «нейтрализация интонации» — фонологическое описание русской интонации // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 2002. № 34. С. 15–21.
- Йокояма О. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 99–122.
- Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 2003. 223 с.
- Князев С. В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023. Т. 44. № 1. С. 32–65.
- Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 491 с.
- Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
- Светозарова Н. Д. Интонация частного вопроса в русском языке и проблема протяженности релевантной зоны интонационного контура // Интонация. Киев: Вища школа, 1978. С. 174–179.
- Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 175 с.
- Bonnot Ch., Fougeron I. De l'interrogation a l'exclamation // Revue des Etudes slaves. LIX. 3. 1987. P. 445–452.
- Cohen A. and J. 't Hart. On the Anatomy of Intonation // Lingua. 1968. № 19. P. 177–192.
- Collier René and 't Hart Johan. "Perceptual Experiments on Dutch Intonation". Proceedings of the seventh International Congress of Phonetic Sciences / Actes du Septième Congrès international des sciences phonétiques: Held at the University of Montreal and McGill University, 22–28 August 1971. Edited by André Rigault and René Charbonneau. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1972. P. 880–884.
- Hart 't J. Differential sensitivity to pitch distance, particularly in speech // Journal of the Acoustical Society of America. 1981. Vol. 69 (3). P. 811–821.
- Hart 't J., Collier R., and Cohen A. A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 212 p.
- Igarashi Y. How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment. Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST). June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands. P. 32–33.

- Nooteboom S. G. The prosody of speech: melody and rhythm // The Handbook of Phonetic Sciences. W. J. Hardcastle and J. Laver (eds.). Basil Blackwell Limited, Oxford, 1997. P. 640–673.
- Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
- Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 574 p.
- Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody. Campinas, 2008. P. 233–236.
- R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 25.04.2025).
- Rietveld A. C. M. and C. Gussenhoven. On the relation between pitch excursion size and prominence // Journal of Phonetics. Elsevier. 1985. Vol. 13. P. 299–308.
- Yokoyama O. T. Discourse and word order. Amsterdam, Philadelphia, 1986. 361 p.

References

- Bonnot Ch., Fougeron I. [From questioning to exclamation]. *Revue des Etudes slaves*, LIX, 1987, no. 3, pp. 445–452. (In French)
- Bryzgunova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics, phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 103–118. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. *Zvuki i intonatsiya russkoi rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 279 p.
- Cohen A. and J. 't Hart. On the Anatomy of Intonation. *Lingua*, 1968, no. 19, pp. 177–192. (In Eng.)
- Collier René and 't Hart Johan. Perceptual Experiments on Dutch Intonation. *Proceedings of the seventh International Congress of Phonetic Sciences*. Actes du Septième Congrès international des sciences phonétiques: Held at the University of Montreal and McGill University, 22–28 August 1971. Tenu à l' Université de Montréal et à l' Université McGill, 22–28 août 1971, edited by André Rigault and René Charbonneau, Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 1972, pp. 880–884. (In Eng.)
- Hart 't J. Differential sensitivity to pitch distance, particularly in speech. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1981, vol. 69 (3), pp. 811–821. (In Eng.)
- Hart 't J., Collier R. and Cohen A. *A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 212 p.

- Igarashi Y. [The so-called "neutralization of intonation" is a phonological description of Russian intonation]. *Bulletin of the Japanese Association of Russian Scholars*, 2002, no. 34, pp. 15–21. (In Russ.)
- Igarashi Y. [How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment]. *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. (June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands), pp. 32–33. (In Eng.)
- Kasatkin L. L. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian literary language]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 2003. 223 p.
- Knyazev S. V. [Phrase finalizer in Arkhangel'sk dialects: phonetic realisation and phonological interpretation]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, no. 1, pp. 32–65. (In Russ.)
- Kodzasov S. V. *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii* [Research in the field of Russian prosody]. Moscow, Yazyki Slavianskikh Kul'tur Publ., 2009. 491 p.
- Nooteboom S. G. [The prosody of speech: melody and rhythm]. *The Handbook of Phonetic Sciences*, Basil Blackwell Limited, Oxford, 1997, pp. 640–673. (In Eng.)
- Odé C. *Russian intonation: A perceptual description*. Amsterdam, Rodopi Publ., 1989. 304 p.
- Post M. *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation*. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 574 p.
- Post M. [On the problem of describing the intonation of a common question in a Northern Russian dialect]. *Fonetika segodnia*. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, no. V, pp. 156–157. (In Russ.)
- Post M. [Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation]. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*, Campinas, 2008, pp. 233–236. (In Eng.)
- R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. Available at: <https://www.R-project.org/> (accessed 25.04.2025).
- Rietveld A. C. M. and C. Gussenhoven. [On the relation between pitch excursion size and prominence]. *Journal of Phonetics*, Elsevier, 1985, vol. 13, pp. 299–308. (In Eng.)
- Svetozarova N. D. [Intonation of wh-questions in Russian and the problem of intonational contour's duration]. *Intonatsiya* [Intonation]. Kiev, Vyshcha Shkola Publ., 1978, pp. 174–179. (In Russ.)
- Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of the Russian language]. Leningrad, Leningrad University Press, 1982. 175 p.
- Yokoyama O. T. *Discourse and word order*. Amsterdam, Philadelphia Publ., 1986. 361 p.

Языковые особенности цифрового этикета в академической среде

Ольга Александровна Мещерякова¹, Ульяна Игоревна Турко²,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Россия, Ленинградская область)¹,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец)², lameo56@yandex.ru¹,
selishchevskaia@mail.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826010028

АННОТАЦИЯ: Целью данной работы является анализ лексического наполнения, синтаксических форм и пунктуационного оформления этикетных компонентов вежливого обращения к преподавателю в электронных письмах обучающихся, т. е. в академической среде между участниками образовательных отношений высшей школы. Материалом для анализа стала личная картотека авторов, насчитывающая 660 писем, адресантами которых были студенты разных факультетов вуза в 2020–2023 гг. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью исследования формы компьютерно-опосредованной коммуникации, получившей широкое распространение в 20-х гг. XXI в. после введения дистантного обучения во время пандемии и активно развивающейся в настоящее время. Рассматриваются языковые особенности вежливых формул приветствия-прощания, известных по бумажному письму, и их «цифровых» аналогов, которые используются адресантами в электронной переписке между обучающимися и преподавателем. С опорой на лексику, грамматику, пунктуацию устанавливаются изменения, которые этикетные формулы претерпели по сравнению с принятой «доцифровой» нормой. Отмечается, что языковые трансформации в цифровом этикете, с одной стороны, обусловлены спецификой взаимодействия преподавателя и студента в образовательном процессе, а с другой — определяются самой формой электронной деловой переписки. Анализ употребляемых

студентами этикетных формул проводится с учетом их коммуникативной функции и позволяет сделать некоторые рекомендации в области создаваемых ныне правил культуры цифровой коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этикет, этикетные формулы, деловая переписка, цифровой этикет, цифровая коммуникация, электронное письмо, адресант-студент и адресат-преподаватель

для цитирования: Мещерякова О. А., Турко У. И. Языковые особенности цифрового этикета в академической среде // Русская речь. 2026. № 1. С. 26–38. DOI: 10.7868/S3034592826010028.

Issues of Modern Russian Language

Linguistic Features of Digital Etiquette in an Academic Environment

Olga A. Meshcheryakova¹, Ulyana I. Turko², Pushkin Leningrad State University (Russia, Leningrad region)¹, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets)², lameo56@yandex.ru¹, selishchevskaya@mail.ru²

ABSTRACT: The purpose of this article is to analyze the lexical, syntactic, and punctuation features of polite address used by university students in emails to their professors. The material for the analysis was the authors' personal correspondence, comprising 660 letters sent by students from different faculties of the university in 2020–2023. The need to study a form of computer-mediated communication that became widespread in the 2020s following the introduction of distance learning during the pandemic and continues to develop actively, determines the relevance of the work. The article considers the linguistic features of traditional polite greeting and farewell formulas and their “digital” analogues used by addressees in email correspondence between students and a teacher. Based on vocabulary, grammar, and punctuation, the authors identify changes that etiquette formulas have undergone in comparison with the accepted “pre-digital” norm. It is noted that linguistic transformations in digital etiquette are driven, on the one hand, by the

specifics of teacher-student interaction in the educational process and, on the other hand, by the very format of electronic business correspondence. It is noted that linguistic transformations in digital etiquette are driven, on the one hand, by the specifics of teacher-student interaction in the educational process and, on the other hand, by the very format of electronic business correspondence. The analysis of etiquette formulas used by students is carried out taking into account their communicative function and allows for recommendations in the development of rules for digital communication culture.

KEYWORDS: etiquette, etiquette formulas, business correspondence, digital etiquette, digital communication, email, sender-student and recipient-teacher

FOR CITATION: Meshcheryakova O. A., Turko U. I. Linguistic Features of Digital Etiquette in an Academic Environment. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 26–38. DOI: 10.7868/S3034592826010028.

Как известно, общение неотделимо от жизни, а жизнь в свою очередь влияет на общение. Новые коммуникационные формы взаимодействия в их языковом оформлении нередко становятся предметом лингвистического исследования (см., к примеру: [Голев 2012; Кунавин, Хачирова 2021; Шапошников 2020 и др.]).

Информационно-технологический прогресс конца XX — начала XXI вв. привнес в нашу повседневность такую новую форму коммуникации, как электронная почта. Она получила широкое распространение во многих сферах, в том числе стала частью образовательного процесса высшей школы.

Академическое взаимодействие преподавателя вуза и студентов посредством электронного письма первоначально больше затрагивало тех, кто выбрал заочное обучение. Вторгшаяся в нашу жизнь пандемия и вызванные ею меры предосторожности потребовали дистанционного обучения, которое остается востребованным и сейчас, а форма интернет-общения в академической среде не только не исчезла, но и продолжает активно развиваться.

Как и бумажное письмо, его электронный аналог предполагает использование этикетных формул приветствия и прощания.

Цель данной статьи — сопоставить особенности традиционного и цифрового этикета, реализуемого в электронном письме от студента к преподавателю, на основе анализа лексического содержания, синтаксических форм и пунктуационного оформления этикетных компонентов вежливого обращения к преподавателю в электронных письмах учащихся.

Под *цифровым этикетом* нами понимается негласный свод «правил поведения в цифровом пространстве», призванный «сделать интернет-общение более удобным, предсказуемым и доброжелательным», частью которого «становятся формулы вежливости, используемые в интернет-коммуникации» [Ефремов, Лукинова 2024: 337].

Материалом для анализа послужила личная картотека, насчитывающая 660 писем, адресантами которых являются обучающиеся различных факультетов, в том числе филологического, а адресатом — преподаватель, который ведет у них учебный курс, выступает руководителем практики или курсовой работы. Сбор основного массива материала для анализа производился в течение 2020–2023 гг. Имена и фамилии, приводимые в письмах студентов, изменены, орфография и пунктуация текста сохранены.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения феномена активно развивающейся в цифровой среде письменной коммуникации между участниками образовательных отношений в вузе. На этом фоне констатируется потребность в разработке «эффективных стратегий, способствующих позитивному и продуктивному онлайн-взаимодействию» в образовательной среде [Assad, Kaleel, Zainal, Wadood 2024: 65] для его дальнейшего совершенствования.

Известно, что бумажное письмо, широко распространенное в «доцифровой» период, включало такие этикетные компоненты, как формулы вступительного обращения, заключительную формулу вежливости, блок подписи. Рассмотрим особенности их современного содержательного наполнения в условиях интернет-общения преподавателя и студентов, а также выбираемых адресантом синтаксических и пунктуационных форм оформления, по возможности сопоставляя их с теми, что составляли «традиционное предписание».

Формулы вступительного обращения бумажного письма включали приветствие *Здравствуйте, Добрый день, Доброе утро* и/или обращение. По нормам письменного речевого этикета в конце приветствия было принято ставить восклицательный знак, следующее предложение начинать на новой строке с прописной буквы. Обращение являлось «факультативным элементом делового письма» [Сторожук 2008: 32]. При его употреблении было возможно включение этикетного эпитета *уважаемый, глубокоуважаемый*, в некоторых случаях — *дорогой*.

В пунктуационном оформлении приветственных формул доминировал восклицательный знак. Заметим, что в современной деловой переписке фиксируется использование точки после обращения или после приветствия [Турко 2022: 360], хотя и отмечается, что такой знак «противоречит современным пунктуационным нормам»: *Добрый день. / Коллеги, здравствуйте* [Северская, Селезнева 2021: 49].

Анализ текстов электронного письма, адресованного преподавателю, показывает, что студент, как правило, начинает свое послание с формулы вступительного обращения.

Приветственная формула, используемая в студенческом письме (292 примера), разнообразна: *Здравствуйте; Доброе утро; Добрый день; Добрый вечер*. Наиболее часто употребляемой является формулировка *здравствуйте* — 191. Среди других приветствий выделяются *добрый день* — 47, *добрый вечер* — 44, *доброе утро* — 10. В процентном отношении использование этикетных формул приветствия таково: *здравствуйте* — 65 %; *добрый день* — 16 %; *добрый вечер* — 15 %; *доброе утро* — 4 %.

Такое распределение говорит о тяготении студентов к универсальной формуле приветствия *здравствуйте*. Временная формула приветствия, объединяющая указание на утро, день и вечер, составляет приблизительно треть, и ее дифференциация связана, скорее всего, с моментом создания письма адресантом — оно чаще всего приходится на день или вечер, реже — на утро. Среди проанализированных писем количество тех, что имеют только рассмотренное приветствие, — 128 примеров, а количество тех, что сочетают приветствие с обращением по имени-отчеству, — 129. Этот «этикетный» паритет говорит о том, что для одной части студентов включение имени и отчества преподавателя представляется обязательным, для другой — факультативным. В то же время есть и такое начало письма, где отсутствует приветственная формула, и письмо начинается с обращения к преподавателю по имени-отчеству. Этикетный эпитет *Уважаемый*, принятый в деловой корреспонденции, при этом опускается. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что общение в компьютерно-опосредованной коммуникации по электронной почте носит менее формальный характер и отражает влияние разговорной речи.

Пунктуационное оформление приветственной формулы включает у одних восклицательный знак, у других — точку или другой знак. Мы приводим статистические данные, которые показывают распределение вариантов оформления в порядке убывания их частотности:

- 1) приветствие с обращением по имени-отчеству, завершающееся восклицательным знаком, — 72 случая;
- 2) приветствие, выделяющееся на письме восклицательным знаком, — 68;
- 3) приветствие завершается точкой — 60;
- 4) приветствие с обращением по имени-отчеству оформляется точкой — 57.

Таким образом, употребление знака препинания в конце приветствия в соответствии с нормой литературного языка составляет 140 случаев, в то время как употребление точки — 117. На этом основании можно сделать

вывод о реализации классического правила постановки восклицательного знака в конце приветствия. Однако оформление имеет вариант, являющийся довольно употребительным, — пунктуационную запись с точкой в конце предложения. В целом подобную статистику можно трактовать как результат влияния нормы разговорной речи, которая, как утверждается в современных исследованиях, «может бытовать не только в устной, но и в письменной форме» [Литневская 2011: 67], и в условиях академической среды ориентирует на интеллектуальное, а не эмоциональное взаимодействие.

Эта же тенденция явно прослеживается при анализе соблюдения структуры послания студента к преподавателю. В 35 случаях нами отмечен отход от традиции выделения формул вступительного обращения в самостоятельную часть письма. В результате мы наблюдаем приветствие в составе предложения, относящегося к основной части, а не к зачину. Поэтому приветственная формула, хотя и присутствует в начале электронного послания, выступает компонентом разных типов конструкций.

Достаточно часто в начале письма контаминируются несколько предложений, оформленных как одно целое. Например, приветствие объединяется с сообщением или целью письма:

- 1) *Здравствуйте, немного дописала статью;*
- 2) *Здравствуйте, у меня возникли вопросы по фонетическим заданиям после текста;*
- 3) *Добрый день, сделал задания, проверьте пожалуйста;*
- 4) *Здравствуйте, всё исправила, что Вы сказали;*
- 5) *Здравствуйте, добавила источники, чуть исправила. Проверьте пожалуйста, что ещё нужно сделать?*

В некоторых случаях приветствие соединяется с ответной репликой, к которой добавляется сообщение или цель письма, например: *Добрый день, поняла, спасибо.* В этом можно увидеть «орализацию» письма — «(то есть влияние на стандарты переписки устных <...> форм общения): адресант обращается к своему партнеру так, как если бы говорил с ним по телефону» [Северская 2015: 22].

В части электронных сообщений, где нет приветствия, обращение к преподавателю по имени-отчеству выступает компонентом основной части письма:

- 1) *Ирина Ивановна, высылаю график, дневник, отчет НИР. В отчете я включила литературу и должностную инструкцию;*
- 2) *Светлана Анатольевна, скажите пожалуйста, эту работу в печатном виде сдавать или от руки писать?*

Анализ указанных конструкций зачина электронного письма позволяет сделать вывод о том, что в переписке по электронной почте приветствие

как традиционный компонент чаще всего сохраняется, однако случаи его включения в иной контекст, а именно — в часть основного письма, говорят о новых тенденциях в академической переписке, обусловленных интернет-коммуникацией и ее тяготением к устной речи.

Подобные конструкции свидетельствуют о пренебрежении официальными нормами речи и формировании фамильярного стиля общения со стороны студента, что следует рассматривать как снижение регистра общения. При этом, вслед за И. А. Стерниным, под фамильярностью мы понимаем «нарочитую демонстрацию того, что нечто, что может быть важно, значимо для других, для говорящего лишено значимости, он демонстративно относится к нему без особого уважения, пиетета, “запросто” и предлагает остальным принять данную тональность коммуникации в акте общения» [Стернин 2021: 161].

Это особенно явственно ощущается, если текст послания, лишенный какого-либо приветствия, начинается с основной части:

- 1) Проверила, исправила. Извините, что поздно, только приехала. Спасибо!;
- 2) Добавила нумерацию страниц, извините;
- 3) Вот мои документы;
- 4) Высылаю курсовую;
- 5) Вот работа, её и сразу можно проверить.

В приведенных примерах игнорирование вступительного блока письма, несмотря на присутствие «вежливых слов» *Спасибо*, *Извините*, может быть истолковано как нарушение нормы письменного речевого этикета и, вопреки постепенному распространению такого явления, нуждается в корректировке, потому что не выражает «непринужденности, неофициальности в предлагаемом диалоге» [Стернин 2021: 162].

В качестве заключительных формул вежливости традиционно использовались следующие языковые конструкции: *С уважением, ...; С неизменным уважением, ...; Искренне Ваш(а) ...* и т. п. В частной переписке рекомендовалось «использование более простых формулировок вежливости», которые во многих случаях могли «заменить обычные слова прощания» [Кузнецов 2012: 91]: *До свидания ...; Всего доброго ...* и др.

По поводу пунктуационного оформления заключительной формулы вежливости нет единства взглядов. В сфере деловой переписки принято ставить запятую после конструкции *С уважением*, хотя с точки зрения пунктуационной нормы знак препинания избыточен. Оборот подразумевает, что письмо написал с уважением к адресату такой-то автор. Обязательность этого знака отмечается также в правилах переписки на английском, немецком и других европейских языках. «Фраза “с уважением” в конце письма на английском отделяется не только графически, но

и пунктуационно. Со временем, хоть это и грамматически ошибочно, правило вошло в нормы русского языка» [Как писать «с уважением»... 2020].

Анализ текстов электронных писем студентов показывает, что из всех заключительных формул вежливости учащиеся используют только одну этикетную рамку *С уважением*, которая может быть дополнена местоимением, показывающим ее отнесенность к адресату: *С уважением к Вам <...>*.

Заключительная формула вежливости отмечена в текстах 146 писем из 660, что свидетельствует о восприятии этой этикетной части как факультативной, в то время как приветственная формула, позволяющая начать коммуникацию в письменной форме, включена в почти половину писем (292).

На отсутствие заключительной формулы вежливости в текстах студенческих писем, возможно, влияет формат устного общения в аудитории, когда студент, выходя из нее, по разным причинам не говорит слова прощания. Также влияет и стремление к краткости в электронном послании. В то же время в отсутствии заключительной формулы вежливости сказывается нерешенность проблемы об обязательности/факультативности компонентов в лингвистическом плане. Одни считают, что фраза «не помогает, но и не мешает, разве что создает дополнительное ощущение формализма» [Ильяхов, Сарычева 2018: 57]. Другие высказывают мнение, что вариант, в котором в конце письма остается только имя автора, неудачный, потому что оставляет у получателя ощущение холодности [Belyh 2019].

На наш взгляд, в переписке преподавателя и студента данный компонент может «быть или не быть» — скорее, это зависит от отношений, сложившихся в коммуникации.

В собственно лингвистическом плане мы опираемся на точку зрения В. С. Иритиковой — профессионального управляющего документами. Согласно ее мнению, указанная формулировка не является самостоятельным реквизитом, а входит в состав реквизита «текст», поэтому носит факультативный, а не обязательный характер [Когда в письме... 2020].

Завершает электронное послание блок подписи, состоящий из наименования должности лица, его инициалов и фамилии. Этот структурный компонент письма является обязательным, так как свидетельствует о том, что указанное лицо выступает адресантом послания.

Материалы нашего исследования показывают, что в блок «подпись» студенты включают следующие данные:

- 1) фамилию, имя (краткое или полное): *Петрова Ольга; Катя Селиванова; Лиза Филатова*;
- 2) фамилию, наименование группы: *Сухих, ФЛп-21; Чурина, ФЛп-11*;
- 3) фамилию, имя, наименование группы: *Боровкова Татьяна, группа Л-12; Воротынцева Светлана РД-21*; в некоторых письмах указание

на группу выделяется структурно, в результате можно наблюдать размещение информации на двух строчках письма: *студент группы Лз-31 / Игорь Андреев*;

- 4) фамилию, имя, адрес электронной почты: *Кристина Фокина / familiya.imya@mail.ru*.

Значительно реже представлены варианты оформления подписи только с помощью личного имени: *Анна; Мария*; или только имени-отчества: *Мария Сергеевна*; или полного антропонима: *Каплина Татьяна Ивановна*. Так подписываются, как правило, студенты, совмещающие учебу с работой, вероятно, под влиянием их профессионального статуса или возраста. В некоторых письмах обучающихся данные о составителе текста указаны со строчной буквы (*полозова ирина*).

Фамилия без личного имени отправителя, но с указанием группы, как правило, используется тогда, когда присылается материал для проверки и информация из подписи важна для идентификации работы. Оформленная таким образом данная часть письма справляется с поставленной задачей, но создает трудности получателю информации: преподаватель должен ответить отправителю письма, а из подписи не получает необходимых сведений о том, как обратиться к автору полученного послания, для этого, как правило, требуется время на поиск других источников, например списка группы.

Присутствующий в подписи адрес электронной почты не несет коммуникативно востребованной информации об отправителе, так как уже содержится в письме от него. Зато включение в концовку письма, к примеру, номера телефона адресанта дает преподавателю возможность (в случае экстренной необходимости) обратиться к студенту по дополнительному каналу связи, что делает коммуникативное взаимодействие более мобильным.

Отметим еще одну черту современной переписки, обусловленную техническими средствами связи, а именно: в части сообщений указывается *Отправлено из Почты Mail; Отправлено из Mail для Android*. Специалисты по электронной коммуникации считают, что такую информацию об устройстве передавать некорректно [Лукинова 2020: 77; Ильяхов, Сарычева 2018: 59]. В нашем материале на фоне слабой реализации блока «подпись», который присутствует только в 194 отправлениях (29,39 %), включение данных об использовании мобильных почтовых сервисов кажется нам тоже не совсем уместным.

В этикетке переписки по электронной почте есть особый блок «тема письма» — в нем отражается главное содержание повествования. Оформление темы зависит от типа дискурса, так как он выполняет еще и прагматическую функцию. К примеру, в рассылке от организации вводится

броский заголовок, «цепляющий» адресата. В академической переписке содержание этого блока имеет, скорее, классифицирующую функцию и обеспечивает для адресата возможность сначала оперативной сортировки корреспонденции при получении, а по прошествии времени — оперативного нахождения нужного письма. В любом случае заполнение блока «тема» представляется особенно важным для успешной реализации коммуникации в академической среде. Большую роль играет и объем слов в теме — их не должно быть более 7 для удобства смыслового восприятия преподавателем-адресатом.

Наша статистика показывает, что в 417 письмах студентов строчка электронного письма с темой заполняется, то есть 63,18 % отправителей предпочитают не оставлять окошко пустым. Но качественный анализ показывает, что делается это не всегда корректно. Правильным считаем краткое и однозначное именование главного содержания в присылаемом сообщении, например: *Курсовая; Отчёт и речь; Вопрос по презентации* и т. п. Однако практика показывает, что студенты смешивают тему письма с реквизитами, в частности дают информацию об адресанте, поэтому в теме можно прочесть фамилию, имя обучающегося, наименование его группы: *Антонова Виктория РД-31; Родина Ольга, Л-22*. В некоторых случаях студенту кажется необходимым указать в теме еще и дисциплину, по которой он передает информацию преподавателю, и реквизит дополняется: *Культура речи, Лидова Т. И., Л-12*. Кроме этого типа ошибки, есть подмена темы этикетной приветственной формулой. В этом случае можно получить письмо с темой, оформленной следующим образом: *Добрый день, Ирина Ивановна* (приветственная формула + имя и отчество адресата); или: *Здравствуйте, пишет вам Федорков Евгений зачётное задание группа А-11; Добрый день. Студентка группы Лз-22, Игнатова Елена. Зачётное задание и практические задания* (приветственная формула, фамилия, имя обучающегося, наименование группы, предмет сообщения). Наконец, есть еще один тип ошибки, когда вместо темы указывается название и тип файла: *Новый документ.docx; Я делюсь с вами файлом Документ; Я делюсь с вами файлом 1; 169 стр.docx*. Приведенные примеры свидетельствуют, что при оформлении блока «тема» лишь небольшое количество писем имеет информативно достаточное содержание. Неправильное оформление темы письма возникает из-за незнания правила, для быстроты отправки или по другим причинам. Оформленные подобным образом корреспонденции сложно классифицировать при получении, а спустя какое-то время — трудно разыскать нужное.

Выявленные особенности цифрового этикета в переписке студента и преподавателя, с одной стороны, необходимы для осуществления «диагностики» языковой культуры на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий. Подобный «срез» актуален

«для исследования происходящих в русском языке процессов, которые обусловлены появлением новых форм общения (Интернет)» [Пахомова 2012: 66]. С другой стороны, данные наблюдения имеют и прагматическую ценность, так как важны для совершенствования формы электронной переписки, в частности ее этикетной составляющей, ведь соблюдение определенных формул вежливости, хотя и выступает как что-то внешнее по отношению к содержанию, тем не менее обеспечивает гармонию общения, а в целом — успешность коммуникации.

Литература

- Голев Н. Д. Письменная коммуникация Новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 5–17.
- Ефремов В. А., Лукинова О. В. Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 333–349.
- Ильяхов М., Сарычева Л. Новые правила деловой переписки. М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.
- Как писать «с уважением» в конце письма: образец прощания // Справочник секретаря и офис-менеджера. 15 декабря 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sekretariat.ru/article/211270-s-uvazheniem-v-kontse-pisma-18-m5> (дата обращения: 09.01.2025).
- Когда в письме и служебной записке использовать уважительную «этикетную рамку»? // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://delo-press.ru/faq/documents/50124-kogda-v-pisme-i-služhebnoj-zapiske-ispolzovat-uvazhitelnuyu-etiketnuyu-ramku-/> (дата обращения: 09.01.2025).
- Кузнецов И. Н. Деловое письмо: учеб.-справ. пособие. 4-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012. 196 с.
- Кунавин Б. В., Хачирова Л. В. Динамика этикетных формул в русском языке // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 148–154.
- Литневская Е. И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 5. С. 67–82.
- Лукинова О. В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М.: Эксмо, 2020. 240 с.
- Пахомова И. Н. Новые процессы в русском речевом этикете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 3. С. 62–67.
- Северская О. И. Современная электронная переписка в зеркале русского эпистолярного наследия и сетикета // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 20–27.

- Северская О. И., Селезнева Л. В. О бизнес-пунктуации: знаки препинания или преткновения? // *Русская речь*. 2021. № 2. С. 44–53.
- Стернин И. А. Фамильяризация общения // *Очерк современной речевой практики: коллективная монография* / Науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: РИТМ, 2021. С. 160–163.
- Сторожук Е. А. Структура текста делового письма (на примере письма-запроса) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2008. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-teksta-delovogo-pisma-na-primere-pisma-zaprosa> (дата обращения: 09.01.2025).
- Турко У. И. Этикет деловой переписки по электронной почте // *Лекантовские чтения – 2022: Материалы Международной научной конференции*, Москва, 18 ноября 2022 года. М.: Московский государственный областной педагогический университет, 2022. С. 358–362.
- Шапошников В. Н. Этикетные речевые выражения. Фазисные формулы современной коммуникации // *Журнал филологических исследований*. 2020. Т. 5 № 1. С. 21–25.
- Assad A., Kaleel A., Zainal I., Wadood R. Practicing Netiquette in Online Communication Between Students and Professors in Higher Education: A Systematic Review // *Studies in Media and Communication*. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 65–78.
- Belyh A. 'Best Regards' and Other Phrases You Should Never Use to Sign Your Email // *CLEVERISM*, 25.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleverism.com/best-regards-and-other-phrases-you-should-never-use-to-sign-your-email/> (дата обращения: 09.01.2025).

References

- Assad A., Kaleel A., Zainal I., Wadood R. Practicing Netiquette in Online Communication Between Students and Professors in Higher Education: A Systematic Review. *Studies in Media and Communication*, 2024, vol. 12, no. 4, pp. 65–78. (In Eng.)
- Belyh A. 'Best Regards' and Other Phrases You Should Never Use to Sign Your Email. *CLEVERISM*, 25.09.2019. Available at: <https://www.cleverism.com/best-regards-and-other-phrases-you-should-never-use-to-sign-your-email/> (accessed 09.01.2025). (In Eng.)
- Efremov V. A., Lukinova O. V. [Etiquette of Russian electronic business correspondence: the influence of Internet communication]. *Rusistika*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 333–349. (In Russ.)
- Golev N. D. [Written communication of the Newest time: the main vectors of development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, no. 2 (18), pp. 5–17. (In Russ.)
- [How to write “with respect” at the end of a letter: a sample farewell]. *Spravochnik sekretarya i ofis-menedzhera*, 15.12.2020. (In Russ.) Available at: <https://www.sekretariat.ru/article/211270-s-uvajeniem-v-kontse-pisma-18-m5> (accessed 09.01.2025).

- Il'yakhov M., Sarycheva L. *Novye pravila delovoi perepiski* [New rules of business correspondence]. Moscow, Alpina Publisher, 2018. 256 p.
- Kunavin B. V., Khachirova L. V. [Dynamics of etiquette formulas in the Russian language]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*, 2021, no. 3, pp. 148–154. (In Russ.)
- Kuznetsov I. N. *Delovoe pis'mo* [Business letter]. Reference manual. 4th ed. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co.", 2012. 196 p.
- Litnevskaya E. I. [Written colloquial speech: myth or reality?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2011, no. 5, pp. 67–82. (In Russ.)
- Lukinova O. V. *Tsifrovoy etiket. Kak ne besit' drug druga v internete* [Digital etiquette. How not to annoy each other on the Internet]. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 240 p.
- Pakhomova I. N. [New processes in Russian speech etiquette]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*, 2012, no. 3, pp. 62–67. (In Russ.)
- Severskaya O. I. [Contemporary electronic correspondence in the mirror of Russian epistolary heritage and setiket]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2015, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.)
- Severskaya O. I., Selezneva L. V. [Some notes about business punctuation: Punctuation marks or stumbling blocks?]. *Russkaya Rech'*, 2021, no. 2, pp. 44–53. (In Russ.)
- Shaposhnikov V. N. [Etiquette speech expressions. Phasis formulas of modern communication]. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 21–25. (In Russ.)
- Sternin I. A. [Familiarization of communication]. *Ocherk sovremennoi rechevoi praktiki: kolektivnaya monografiya* [Essay on modern speech practice: collective monograph]. Voronezh, RITM Publ., 2021, pp. 160–163. (In Russ.)
- Storozhuk E. A. [The structure of the text of a business letter (using a letter of inquiry as an example)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri I na Dal'nem Vostoke*, 2008, no. 3. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-teksta-delovogo-pisma-na-primere-pisma-zaprosa> (accessed 09.01.2025).
- Turko U. I. [Etiquette of business correspondence by e-mail]. *Lekantovskie chteniya – 2022: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 18 noyabrya 2022 goda* [Lekantovskie Readings – 2022: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 18, 2022]. Moscow, Moscow State Regional Pedagogical University Publ., 2022, pp. 358–362. (In Russ.)
- [When to use a respectful “etiquette frame” in a letter and memo?]. *Deloproizvodstvo i dokumentooborot na predpriyatii*, 2020, no. 2. (In Russ.) Available at: <https://delo-press.ru/faq/documents/50124-kogda-v-pisme-i-sluzhebnoy-zapiske-ispolzovat-uvazhitelnyuy-etiketnuyu-ramku-/> (accessed 09.01.2025).

Синтаксический потенциал существительных с модальной семантикой

Татьяна Васильевна Сатина, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва), tvsatina@fa.ru

DOI: 10.7868/S3034592826010038

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проницаемости семантики и сочетаемостных предпочтений существительных, имеющих или приобретающих семантику модальности. Обращение к теме изменений семантической структуры слова под воздействием разного рода влияний на лексику вызвано потребностями развития лексикологии и корректировки лексических норм. Наблюдение за активными процессами в лексике приводит к выводам об изменении сочетаемости некоторых слов по причине, которая кроется в их лексической семантике. Рассматривается вопрос о валентности одной группы существительных, которая реализуется при их употреблении в субстантивно-инфинитивном словосочетании. Соединяющиеся компоненты в субстантивно-инфинитивном словосочетании сохраняют свои лексико-грамматические признаки, поэтому при определении статуса словосочетания «существительное + инфинитив» как в конструктивно-синтаксическом плане, так и в структуре предложения учитывается лексико-грамматическая семантика обоих членов и их сочетаемостные свойства.

Предпринята актуальная для данной работы попытка соотнести и увязать моменты статики и динамики в языковой системе, применить их к исследуемому материалу. Существующие словари сочетаемости не дают полной картины относительно сочетаемости существительных с инфинитивом. Анализ узуальных и окказиональных словосочетаний открывает механизмы пополнения словника существительных, способных к конструированию словосочетаний по заданной модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: существительное, инфинитив, сочетаемость, значение модальности, словосочетание, лексико-семантическая группа

для цитирования: Сатина Т. В. Синтаксический потенциал существительных с модальной семантикой // Русская речь. 2026. № 1. С. 39–53. DOI: 10.7868/S3034592826010038.

Issues of Modern Russian Language

The Constructive Potential of Nouns with Modal Semantics

Tatyana V. Satina, Financial University under the Government of the Russian Federation
(Russia, Moscow), tvsatina@fa.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the permeability of semantic and combinatory preferences of nouns that possess or acquire modal semantics. The appeal to the topic of changes in the semantic structure of a word under various external influences on vocabulary is motivated by the needs of the lexicological development and the correction of lexical norms. Observation of active processes in vocabulary leads to conclusions about changes in the compatibility of some words for reasons rooted in their lexical semantics. The question of the valency of a group of nouns, realized in a substantive-infinitive phrase, is considered.

The connecting components in a substantive-infinitive phrase retain their lexical and grammatical features, therefore, when determining the status of the “noun + infinitive” construction, both structurally and syntactically within the sentence, the lexical and grammatical semantics of both members and their combinatory properties are taken into account.

An attempt relevant to this work is made to correlate and link static and dynamic aspects within the language system and to apply this approach to the material under investigation. Existing combinatory dictionaries do not give a complete picture of the combinability of nouns with the infinitive. The analysis of established and occasional constructions opens up mechanisms for replenishing the vocabulary of nouns capable of constructing phrases according to a given model.

KEYWORDS: noun, infinitive, compatibility, meaning of modality, development of semantics, lexico-semantic group

FOR CITATION: Satina T. V. The Constructive Potential of Nouns with Modal Semantics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 39–53. DOI: 10.7868/S3034592826010038.

Располагая значительными ресурсами, лексика русского языка существует на пересечении двух противоположных тенденций: с одной стороны, к сохранению, а с другой — к развитию. Новое обычно возникает в лексике вначале как некое нарушение, затем пытается сосуществовать с прежним элементом как синоним, вариант, после чего, возможно, проникает в систему. Принимая во внимание, что обращение к данному аспекту — потребность развития лингвистики и корректировки языковых норм, рассмотрим проблему на примере изменения сочетаемости некоторых слов, связанного с их семантикой, т. е. лексическим значением.

В семантической структуре лексемы (т. е. слова во всех его формах) заложены многообразные элементарные смыслы. Однако словарное лексическое значение — это лишь потенциал слова, который реализуется при употреблении его в словосочетании и предложении. Лексическое значение слова непосредственно связано с синтаксисом: именно в конструкциях слово реализует заложенную в его семантике валентность — способность соединяться с другими словами. Это мы наблюдаем, например, в субстантивно-инфинитивном словосочетании (далее — С + инф.), где существительное, активизируя присущую ему валентность, присоединяет инфинитив и выстраивает словосочетание. Представляется, что в исследуемой конструкции лексико-грамматические свойства компонентов особым образом влияют не только на сущность их соединения и работу словосочетания при встраивании его в предложение, но и на саму возможность такой связи.

Развитие языка заставляет его систему принимать решения, иногда похожие на поспешные, но сами системные связи как раз и обеспечивают появление сдвигов в валентности (изучение которых способствует как установлению динамических тенденций в сочетаемости слов, так и обнаружению проблем, связанных с сочетаемостью заинтересовавшего нас существительного). Д. О. Добровольский и А. А. Зализняк, указывая на проницаемость лексической системы, фрагменты которой иногда

«расшатываются узусом» (речевой практикой), сделали весьма ценное наблюдение: узусальные нормы и связанные с ними подвижность лексической семантики и сочетаемостных предпочтений — это наиболее изменчивый аспект функционирования языковой системы [Добровольский, Зализняк: 2020]. Обращает на себя внимание относительная устойчивость системы существительных, присоединяющих инфинитив, на которой лишь незначительно отражается подвижность сочетаемости, но в то же время употребительность стержневых слов, как показывает наш материал, колеблется.

Актуальная для нашего исследования мысль Г. А. Золотовой помогает соотнести и увязать моменты статики и динамики в системе языка, применить их к исследуемому материалу: «“Коммуникативная грамматика” не противопоставляет язык речи, текст системе. “Грамматика” наблюдает язык в речевой динамике, стремясь извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи и на этой основе найти явлениям их место в системе» [Золотова 2001: 110]. Понимание того, что «не в разделении, не в противопоставлении “уровней” языка цель грамматического анализа, а в наблюдении, осознании результата совместных усилий семантики, морфологии, синтаксиса» [Золотова 2001: 112], позволяет нам заглянуть за границы зарегистрированного в выборке пласта лексики (существительных, имеющих валентность на инфинитив) и единиц так называемого малого синтаксиса, сделать прогнозы относительно максимального заполнения ячеек системы. В связи с этим особый интерес представляют единичные фиксации, которые встречаются преимущественно в спонтанной речи, но нередки и в художественном тексте. Определенно можно сказать, что учесть все соединения невозможно: на формирование массива фиксаций влияние оказал фактор случайности, поскольку выборка не является сплошной.

Существующие словари сочетаемости и даже Национальный корпус русского языка не дают полной картины относительно сочетаемости существительных с инфинитивом. Созданные писателями, журналистами окказионализмы приоткрывают тайну возможного пополнения словаря, это своего рода экспериментальный полигон для конструирования словосочетаний по заданной модели. Ср.: *Два раза имел неосновательность ходить на охоту (с Сулимовским) (Л. Толстой); Опыты этих уроков с отцом лишь углубили уверенность во мне: я — бездарен; наука — не для меня; особенно мучила двусмыслица моего положения: формальное непрепятствие отцу меня учить при реальном запрещении мне сидеть с учебником (А. Белый); Мне был он так мил в этом «тщенье» одеться, как все одевались: куда уж (А. Белый); Неумолимая к их упрашиваниям*

*дать им подремать и поваляться ещё немного, Лара подняла всех спящих (Б. Пастернак); И что у вас у всех **бзик** (я нахватался городских выражений) **воспитывать**? (В. Крупин); Ибо «поэт» и «мыслитель», который оказался столь слаб теоретически и нравственно так несостоятелен, как Пушкин по объяснениям Спасовича, имеет мало **вероятия быть** внимательно изучаемым (В. Розанов); Хотя и брала некоторая **жуть возвращаться** снова в провинциальное прозябание, но я не видел для себя другого исхода (П. Перцов).*

Прогноз о возможностях приумножения числа словосочетаний типа С + инф. дает также творчество переводчика, вынужденного искать аналогии и иногда останавливающего свой выбор на кальке (бессознательно — без проверки реальности словосочетания С + инф. в языке перевода — или осознанно, если лучшего варианта не удастся найти): «У меня постоянно и беспросветно много дел, и чем больше их накапливается, тем меньше охоты, а вернее, тем больше **отвращения их делать**» (Ф. Кафка, пер. М. Рудницкого); Недостатком настоящим и к тому же серьёзным была **любовь приврать** — к месту и не к месту (А. Кристи, пер. Л. Обуховой, Г. Костиной). Пополнение русского словника посредством этих позиций позволительно и логично, так как демонстрирует потенции этого пласта лексики, позволяет прогнозировать появление новых словосочетаний в норме.

В ряде случаев восстанавливать еще не зафиксированное словосочетание С + инф. продуктивно по конструкциям с актуализированной связью: естественно предположить, что если зафиксирована такая конструкция, то либо субстантивно-инфинитивное словосочетание случайно не попало в поле зрения, либо в системе синтаксиса зарезервировано место и для конструкции С + инф.: *Ньютону принадлежит только счастливое **вдохновение** — **связать** воедино оба эти закона (П. Чаадаев); Но таково уж особое **ведовство** Пушкина — **переноситься** в разные свои возрасты (В. Лакшин); Иногда на Караса находила такая **задость: покуражиться над товарищами** (Ю. Трифонов); И совсем рядом другая счастливая **случайность: встретить, спасти** добротой «смелого человека», **полюбить** его (В. Днепров). Подсказка относительно реальности С + инф. содержится в парцеллированной конструкции: *И ждёшь не дождёшься **дня** / **Услышать** родную речь / И, сев на свою скамью, / **Смотреть** на сгоревший пень?... / И снова **сажать** ростки, / И снова **стругать** бревно, / И, свадьбу опять сыграв, / У неба **молить** детей, — / Чтoб снова в несчастный час, / Упорной страшась борьбы, / Презренным **отдать** врагам / И розы, и честь, и дом... (И. Северянин); Ведь это его единственный **реваниш. Преподнести** женщине, что она живёт с предателем, шкурой, трусом (Ю. Нагибин); Хорошо бы и короля... подальше бы. Вот это был бы **подарок. Избавиться** от такого тестя! (Е. Шварц).**

Аналогичную помощь могут оказать производные от данного словосочетания конструкции. Напр., *Во всяком случае, не от национальности отрекались наши предки, а от похоти властвования и командования друг над другом <...>* (В. Соловьёв) — реальное словосочетание С + С (существительное + существительное) похоть властвования и командования, возможное С + инф. **похоть властвовать и командовать*.

Разумеется, весомость этих единичных субстантивов не выглядит масштабной всему массиву субстантивов, в норме притягивающих к себе инфинитив. Но такие конструкции удачно иллюстрируют то, что «грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями» [Виноградов 1986: 31], и уже хотя бы поэтому должны быть зарегистрированы и описаны.

Внутренняя природа субстантивно-инфинитивного словосочетания в значительной мере предопределяется синтаксической валентностью главного слова, которая, в свою очередь, зависит от его лексико-грамматических и категориальных свойств. Причем во внимание принимается закономерность и факультативность распространения не столько отдельного слова, сколько целых групп слов, потенциально способных присоединять инфинитив.

Специфика субстантивно-инфинитивных словосочетаний в системе других субстантивных словосочетаний предопределяет необходимость классификации субстантивно-инфинитивных словосочетаний 1) с точки зрения семантики стержневого слова; 2) с точки зрения словообразования.

В организации субстантивного сочетания с зависимым инфинитивом роль лексической семантики стержневого слова определяется тем, что от нее зависит возможность участия стержневого слова в создании совместно с инфинитивом разных смысловых отношений. Свойство присоединять инфинитив, присущее не всему грамматическому классу, а лишь определенной группе слов, предопределено влиянием понятийного признака.

Реализации схемы С + инф. отличаются незначительным варьированием лексического наполнения главного компонента. Способность сочетаться с инфинитивом является признаком ограниченной группы существительных, образующих достаточно замкнутую и стабильную семантическую сферу. Для установления природы сочетаемости существительных с инфинитивом показательно совпадение сочетаемости существительного и однокоренного глагола, существительного и однокоренного прилагательного и т. д.: *отказ вернуться — отказать вернуться; способность изучить — способен изучить*.

Причиной синтаксического своеобразия имен существительных в конструкциях С + инф., предопределяющей синтаксический тип стержневой лексемы, является наличие семы модальности в ее семантической структуре. Модальность существительных понимается как функционально-семантическая категория, охватывающая лексические и синтаксические способы выражения отношения высказывания к действительности [Сатина 2023]. Г. А. Золотова называет модальные отношения между субъектом и действием «внутрисинтаксическими модальными отношениями» [Золотова 2001: 76]. Лексическая модальность господствующего слова, на основании которой формируются внутрисинтаксические модальные отношения, переходит в модальность всей конструкции, ведь существительное и инфинитив в составе словосочетания начинают существовать как семантическое единство. Ср.: *непреодолимое желание* — без указания на объект желания и *желание закурить*, где существительное характеризует действие инфинитива как потенциальное. Внутрисинтаксическая модальность словосочетания, выражая посредством модального существительного отношение субъекта действия и действия, выступает как одно из средств выражения объективной модальности предложения, которая, в свою очередь, участвует в формировании предикативности предложения. Ср.: *Прохоров почувствовал непреодолимое **желание закурить*** (В. Липатов). Модальность предложений со словосочетаниями С + инф. проявляется как отношение субъекта (*Прохоров*) к действию (*почувствовал желание закурить*). Абсолютивное употребление существительных не создает условий для активизации семы модальности в их семантической структуре. Ср.: *Растёт ли слово на асфальте?.. Растёт, да ещё как! Растёт, цветёт и плодоносит, не считаясь ни с какими **резонами, запретами и регламентациями*** (И. Грекова).

Способность сочетаться с инфинитивом объединяет в один лексико-грамматический разряд существительные, семантическая структура которых обладает общей семой со значением модальности. Внутрисинтаксическая модальность в денотативном плане связана с внешней и внутренней деятельностью субъекта, то есть связь субъекта и действия может быть вызвана внутренним побуждением, желанием субъекта, его состоянием, способностью к какому-либо действию. При соединении с инфинитивом в семантической структуре имен существительных активизируются семы, дифференцирующие общее значение модальности: семы возможности/невозможности действия, его реальности или потенциальности, субъективной оценки степени обычности действия. Наличие свободных смысловых связей между словами при дифференциации общего модального значения является объективным критерием выделения

в составе лексико-грамматического разряда модальных существительных лексико-семантических групп (ЛСГ).

В некоторых авторитетных источниках содержится мнение о том, что способность присоединять инфинитив присуща как существительным с общим модальным значением, так и существительным, не содержащим сему модальности (при этом не указывается причина наличия валентности у группы существительных по отношению к инфинитиву) [Виноградов (ред.) 1953: 291–300; Шведова (ред.) 1970: 215]. Наше исследование значительного по объему и многообразного фактического материала приводит к выводу о том, что все сочетающиеся с инфинитивом существительные обладают значением модальности, модальность выступает своеобразным маркером таких существительных.

На наш взгляд, существительное изначально не обладает валентностью относительно инфинитива, если его семантическая структура не содержит хотя бы потенциально значения модальности.

Придать нашему выводу более убедительный характер поможет ссылка на получившее распространение в науке мнение о том, что «категория модальности полностью раскрывается только в тексте. Ее исследование на текстовом уровне позволяет глубже проникнуть в модальную сущность и отдельного предложения» [Макарова 2002: 29].

Модальные существительные, формирующие конструкцию С + инф., в семантическом плане разделяются на две неравные группы: 1) абстрактные (весомая группа, наполненная и жизнеспособная в функциональном плане), 2) конкретные (немногочисленная, но тем не менее разнородная группа). Абстрактные существительные подразделяются на собственно абстрактные и перешедшие в абстрактные, так же и конкретные — это собственно конкретные и перешедшие в конкретные. Как выявилось в процессе исследования, эти группы не статичны: в связи с семантической эволюцией, под действие которой они попадают, субстантивы двигаются за пределы своих групп. Ср.: *Я хочу предостеречь тебя в том, — сказал он тихим голосом, — что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе* (Л. Толстой); *повод* — абстрактное (собственно абстрактное) существительное; *Я получила повестку явиться на заседание Союза писателей РСФСР* (Л. Чуковская); *повестка* — конкретное (собственно конкретное). Ср. также переход конкретного существительного *лазейка*, нарастившего модальную семантику, в абстрактное: *Взволнованная, негодуя, я написала ему письмо, требуя пояснения, «призывая к порядку», не давая ему лазейки «отговориться»* (А. Цветаева).

Некоторая часть конкретных существительных, сочетающихся с инфинитивом, присоединяет инфинитив только в предложении, не строя

при этом привычного словосочетания. По нашему мнению, инфинитив в этих случаях присоединяется к предложению в целом и в большинстве случаев, вероятно, указывает на предназначение предметов, обозначенных существительным, что в предложении приводит к возникновению дуплекси́ва — второстепенного члена, подчиненного одновременно двум разным членам предложения: *Вон **песок** привезли дорожки **посыпать*** (Е. Шварц): *песок* — какой?; *привезли* — для чего? Ср. также в предложении с актуализированной связью: *Эта **катапульта** — **взлетать*** (А. Салынский) — *взлетать* одновременно выполняет функции определения и обстоятельства. В части случаев конкретное существительное ведет себя как обычное стержневое слово стандартного словосочетания С + инф.: <...> *Он получил **телеграмму** срочно **вернуться** в Москву* (В. Ерофеев).

Сочетания, образованные на базе таких существительных, являются результатом сжатия более громоздких по форме, но информативно равнозначных сочетанию существительного с инфинитивом отрезков речи: *ключ, предназначенный для открывания крышек, — **ключ открывать крышки***. Свободное присоединение инфинитива (одного или с зависящими от него словоформами) ко всему составу предложения нерегулярно и характеризуется сниженной стилистической окраской. *Наняли ему **человека** по городу его **водить** и подкладку **показывать**...* (А. Чехов). Предполагаем, что эти связи со временем переместятся из речевого обихода в нормативную сферу, утратят стилистическую окраску и ограниченность, а значит, упрочатся в системе языка.

Вопрос о происхождении таких продуктивных конструкций ждет своего решения, однако несомненна их живость и активность в обыденной речи, что притягивает эти пары в художественную речь (и, по нашему мнению, может в определенной мере служить стилевым идентификатором, как, например, в тексте автобиографической прозы Анастасии Цветаевой «Воспоминания»). Ср.: *Дворник нёс **дрова топить** печь* (А. Цветаева). Новизну, динамичность подобных субстантивно-инфинитивных сочетаний манифестирует регулярно употребляемое в текстах тире — знак, в данном случае скорее не предупреждающий об актуализации, как это наблюдается при актуализации стандартных словосочетаний С + инф., а сигнализирующий, намекающий о некой неполноте, пропуске: *У кукушат такой **кряк** есть — **выбрасывать** из гнезда конкурентов* (В. Дудинцев); <...> *Сделай прочную **тележку** — **вывезти** Льва из маков* (А. Волков).

Подчеркнем, что здесь речь идет об изначально конкретных существительных. Иное поведение наблюдается у конкретных существительных, образованных в результате семантических преобразований в семантической структуре абстрактных существительных с модальной семантикой

(типа *приглашение* как процесс и *приглашение* — бумага, открытка). Ср.: *Мой лозунг жить рентабельно, разумно меня ещё не подводил* (ЛГ, 1982). — *С лозунгами немедленно **выслать** американского посла люди окружили посольство* (ТВ, ОТР, 2012).

В исследованиях, посвященных вопросам сочетаемости имен существительных [Чьюнг 1978; Солганик 2010; Варюшенкова 2013], отмечается сложность выделения ЛСГ существительных, способных сочетаться с инфинитивом. Четкому разделению ЛСГ существительных, выступающих в роли опорного слова в словосочетании С + инф., препятствует тесное переплетение периферийных участков ЛСГ друг с другом в условиях активизации разных значений полисемичных слов. Существительные, сочетающиеся с инфинитивом, многозначны, поэтому сема модальности в их семантической структуре порождается сочетаемостью с определенными зависимыми формами. Широта, неспецифичность значения многозначных существительных ведет к тому, что одно и то же слово оказывается в различных семантических группах лексики (что выявляет их употребление в различных вариантах окружения). Так, существительное *желание* в сочетании с инфинитивом реализует разнообразные нюансы модальной семантики: разную степень внутреннего стремления к осуществлению чего-либо, а также чью-либо просьбу, пожелание, волю и т. п. Напр., желание, которое «разъедает»: *Желание пробыться к славе, к власти над умами прямо-таки разъедало их* (Е. Евтушенко); желание как состояние: *Слушаю-с, — сказал Никита, расчувствовавшийся под влиянием вина, которое он выпил, как говорил «на свои деньги», и с видимым желанием заплакать, хлопая глазами* (Л. Толстой). Выраженное желание приравнивается к просьбе: *Отходя от меня, он изъявил желание познакомиться с моим мужем <...>* (Л. Толстой); намерению: *С ним явились две неизвестных личности, шумевших на парадной лестнице и изъявивших желание ночевать в гостях у Шарикова* (М. Булгаков). Особые оттенки данного модального существительного проявляют употребленные рядом контекстуальные синонимы: *И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера* (А. Чехов) (*тоска* — *желание* — *мечта*). Любопытно приписывание А. П. Чеховым человеческого намерения тучам: *Мы чувствовали над собой тяжёлые тучи, чувствовали их желание разразиться дождём <...>* (А. Чехов).

Некоторые существительные входят в состав ЛСГ в основных своих значениях (*просьба*); другие — в переносных (*минута*), третьи — в контекстуальных (*милость*): *Обращаюсь к вам с просьбой опубликовать приводимое ниже опровержение <...>* (Воп. лит., 2007); *Она хотела улучшить*

минутку поговорить с ним наедине, но он поспешил уйти от неё, сказав, что ему нужно в контуру (Л. Толстой); Пусть принимает **милость** / **Таить, молчать** и до поры **скрывать** <...> (П. Васильев).

Отсюда переплетение лексико-грамматических групп в лексической микросистеме, отсутствие четких границ между отдельными ЛСГ; в связи с этим в научной литературе проявляется непоследовательность в выделении ЛСГ модальных существительных. Например, в работе Р. С. Зуевой, одной из первых рассмотревшей тонкости проблемы, устанавливается 29 опорных слов, вокруг которых группируются существительные с близкой семантикой [Зуева 1965]. Чыонг Динь Бинь, основательно разрабатывавший этот же материал в диссертационном исследовании, значительно суживает количество групп: он считал, что таких групп 8 [Чыонг 1978]. Наша классификация предполагает некоторые расхождения с предшествующими классификациями и может быть дополнена.

Анализ собранного материала с достаточной степенью убедительности свидетельствует о том, что существительные, присоединяющие инфинитив на уровне словосочетания, составляют пять ЛСГ: 1) существительные, обозначающие лицо по его модально-волеизъявительному отношению к действию: *Ведь вы были страстный **охотник стрелять**...* (М. Лермонтов); <...> *А **смешивать** два эти ремесла есть **тьма искусников**, я не из их числа* (А. Грибоедов); 2) существительные побуждения к действию: *У нас **приказ стрелять**, кто не подчиняется* (М. Шолохов); *Кузнецов дал **команду отцеплять** передок от второго орудия* (Ю. Бондарев); 3) существительные со значением необходимости, возможности/невозможности действия: *А **необходимость учиться, ходить** в гимназию, **знать** уроки?* (Ю. Олеша); *В таком случае наше письмо, являясь, конечно, проклятием для поэта, не давая ему **возможности выявить** свой слуховой образ там, где ему это абсолютно важно* <...> (Л. Щерба); 4) существительные со значением желания/нежелания, стремления к действию, попытки действия: *Очевидно, до семи лет человеку трудно справиться со своими желаниями: **стремление выиграть, получить** конфету, **получить** как можно больше стикеров и т. д. подавляет всякие **попытки спланировать** действия и **рассчитать** ход игры* <...> (Наука и жизнь); 5) существительные модальной оценки действия: *Этот популярный куплет вспомнился мне во время беседы с журналистом-парижанином, которому выпала **судьба провести** полжизни в Лондоне* (В. Овчинников).

Классификация модальных существительных по семантическому признаку не исчерпывается разделением их на ЛСГ. В формировании значения словосочетания важную роль играет его соотносительность/несоотносительность в словообразовательном плане с другими частями речи, обладающими валентностью по отношению к инфинитиву.

Так, если значение существительного *решение* и глагола *решить* совпадают (причем существительное производно, так как формально сложнее глагола и обладает семантикой определенного действия), то логично предположить, что активные потенции по отношению к инфинитиву существительное *решение* унаследовало от производящего глагола вместе с глагольной семантикой. Ср.: *решили уехать* → *решение уехать*. Таким образом, отношения производности охватывают не только область материальной структуры слова и область значения, но и область его синтаксических связей и отношений. Ср. также употребленные рядом словосочетания С + инф. и Г + инф. (глагол + инфинитив), в которых главные слова связаны отношениями производности: *Батальонный командир отдал приказание надеть юнкерам парадную форму. В восемь часов юнкеров напоили чаем с булками и сыром, после чего Артабалеvский приказал батальону построиться в двухзвездную колонну, оркестр — впереди знаменной роты и скомандовал: «Шагом марш»* (А. Куприн).

При этом прослеживается прямая зависимость сочетаемостных потенций производных существительных от сложности присущей им семантической структуры, вызванной сложностью их словообразовательной структуры. Например, производные существительные, унаследовавшие семантику и валентность по отношению к инфинитиву от других частей речи, составляют стабильную группу слов, которые регулярно сочетаются с инфинитивом, так как сочетаемость производных существительных с инфинитивом мотивирована по двум линиям: модальной семантикой существительного и его словообразовательными связями. В связи с этим морфологическая природа модальных существительных представляется релевантной для определения специфики их функционирования. Отсюда и вытекает необходимость описания существительных, унаследовавших связь с инфинитивом при словообразовании. Они противостоят существительным, присоединяющим инфинитив только силой своей модальной семантики, и составляют с ними две дифференцированные группы. Субstantивы разделяются на унаследовавшие сочетаемость с инфинитивом — и иные (производные и непроизводные).

Производные существительные, унаследовавшие свою сочетаемость, характеризуются частичным сохранением семантики и других свойств производящих их глаголов, прилагательных и слов категории состояния, на которые накладываются категориальная семантика и грамматические значения транспозита — единицы иного морфологического класса слов. Например, в отглагольном существительном *желание* действие по глаголу *желать* (*хотеть*) представлено опредмеченно в именных грамматических значениях среднего рода, единственного числа, именительного падежа; в существительном *способность*, образованном от прилагательного,

опредмеченное значение качества передается в именной форме женского рода, единственного числа, именительного падежа. Но оба существительных сохраняют присущую глаголу и прилагательному модальную семантику и вследствие этого валентность по отношению к инфинитиву.

Целостность системы производных имен существительных, наследующих способность подчинять инфинитив от разных частей речи, обеспечивается семантической близостью производящих глаголов, прилагательных и слов категории состояния.

Среди субстантивов, не получивших сочетаемость по отношению к инфинитиву в наследство, сложилась своя системная оппозиция: производные существительные противостоят непроизводным, внутри которых четко разделены 2 группы — 1) собственно русские (их число ограничено: зафиксировано около 20): *Время не ушло / С Петром опять **войти** в сношения <...>* (А. Пушкин); *Но дети играют так вкусно, что у него самого является **охота присоединиться** к ним и **попытать счастья*** (А. Чехов); *Случилось так, что двадцати семи лет от роду мне выпала **отрада жить** в замкнутости дома и семьи <...>* (Б. Ахмадулина); *Генерал <...> сочинял прожекты <...> о **пользе кормить** солдат прессованными костями* (В. Лакшин); *Приходит **пора собирать** эти знания, **интегрировать**, расширив привычные границы грамматики* (Г. Золотова); *За Петровичем водилась **блажь заломить** вдруг чёрт знает какую непомерную цену <...>* (Н. Гоголь); 2) значительная группа заимствованных (как нам представляется, пришедших в русский язык вместе со своими валентностями, в том числе и по отношению к инфинитиву): *Ну, а **идея**, сама **идея**, плотом **перегородить** реку кому принадлежит?* (Б. Васильев); *Он озарён сейчас **миссией соединить** культуры* (А. Вознесенский); ***Мода вставать** как можно позже восходила к французской аристократии <...>* (Ю. Лотман); *Но **азарт снять** осенние красно-золотые сопки под Южно-Сахалинском взял верх <...>* (А. Чехов); *После 1905 г. я почувствовал **импульс сочетать** художественные идеалы с активной деятельностью, **объединить** их в деле* (Д. Философов).

Таким образом, нами собран и проанализирован значительный по объему материал, включающий в себя словосочетания, образованные по схеме С + инф. Показано, что в семантической структуре стержневой лексики заложены многообразные элементарные смыслы, обеспечивающие конструктивные возможности существительных, которые отвечают на изменения в лексической семантике.

С помощью компонентного анализа выявлено пять ЛСГ существительных, которые обладают сочетаемым потенциалом относительно инфинитива благодаря наличию в их семантической структуре семы модальности. Выявлено, что основную группу среди данных существительных составляют отглагольные субстантивы.

Выделенная на основе идентификации путем компонентного анализа подсистема существительных с модальным значением характеризуется упорядоченностью, отношениями уточнения, дифференциации и обобщения. Внутренняя организованность членов парадигмы проявляется, в частности, в функционально-стилистическом размежевании существительных, заключающейся, во-первых, в закреплённости определенных существительных за некоторыми функциональными стилями, во-вторых, в высокой частотности употребления одних существительных и образования окказиональных словосочетаний с другими.

Литература

- Варюшенкова Е. Н. Синтаксические функции присубстантивного инфинитива в предложении. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. 128 с.
- Виноградов В. В. (ред.). Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1954. В 2 т. Т. 2. Ч. 1. 1954. 703 с.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 614 с.
- Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3. От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2020. С. 35–48.
- Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
- Зуева Р. С. Словосочетания с приименным инфинитивом в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. 300 с.
- Макарова Н. П. Текстовое преломление модальности и преимущества ее исследования на уровне текста // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2002. С. 29–32.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.12.2024).
- Сатина Т. В. Модальность как универсальная категория семантики. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 46–51.
- Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 136 с.
- Чыонг Д. Б. Сочетание имен существительных с зависимым инфинитивом в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 220 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

References

- Chyong D. B. *Sochetanie imen sushchestvitel'nykh s zavisimym infinitivom v sovremennom russkom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [The combination of nouns with a dependent infinitive in modern Russian. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 1978. 220 p.
- Dobrovol'skii D. O., Zaliznyak A. A. [Russian constructions with a potentially modal value according to parallel buildings]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Ot semanticheskikh kvarkov do vselennoi v alfavitnom poryadke. K 90-letiyu akademika Yu. D. Apresyana*, 2020, no. 3, pp. 35–48. (In Russ.)
- Makarova N. P. [Textual refraction of modality and the advantages of exploring it at the text level]. *Sbornik nauchnykh trudov "Tradicii i novatorstvo v gumanitarnykh issledovaniyakh"* [Collection of scientific papers "Traditions and innovation in humanitarian research"]. Saransk, Mordovian University Press Publ., 2002, pp. 29–32. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 28.12.2024).
- Satina T. V. [Modality as a universal category of semantics]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2023, no. 1, pp. 46–51. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.
- Solganik G. Ya. *Ocherki modal'nogo sintaksisa* [Essays on modal syntax]. Moscow, FLINTA Publ.; Nauka Publ., 2010. 136 p.
- Varyushenkova E. N. *Sintaksicheskie funktsii prisubstantivnogo infinitiva v predlozhenii* [Syntactic functions of the subsubstantial infinitive in a sentence]. Vladimir, Vladimir State University Publishing House, 2013. 128 p.
- Vinogradov V. V. (ed.). *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. In 2 vol. Vol. 2. Part 1. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 703 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986. 614 p.
- Zolotova G. A. [Grammar as a science of man]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 107–113. (In Russ.)
- Zueva R. S. *Slovosochetaniya s priimennym infinitivom v sovremennom russkom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Phrases with the nominal infinitive in modern Russian. Cand. phil. sci. diss.]. Alma-Ata, 1965. 300 p.

Указали Мы: о формуляре именных указов Петра II

Татьяна Семеновна Садова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tatsad_90@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826010045

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности структуры и лексико-фразеологического состава царских именных указов, созданных в период краткого правления юного Петра II, внука первого русского императора Петра Великого. Отмечается, что в годы царствования Петра II (1727–1730) наблюдается неуклонная и последовательная стандартизация формуляра именного царского указа, несмотря на то что в управлении государством и тем более в создании документов сам малолетний государь деятельного участия не принимал. Вместе с тем очевидно, что всякий строгий стандарт, повторяющийся набор устойчивых клише, формульное устройство речи способствуют обезличенности делового текста, создают условия для необязательности проявления в нем субъекта властного действия. Таким образом нивелируется присутствие «я-императора» в тексте. В сравнении с указами Петра I, которые отличаются разнообразием своего устройства, богатством лексического состава, многочисленными случаями включения «я-повествования», директивные тексты, которые писались от имени его внука, имели весьма «безликий» и формализованный вид. Неучастие малолетнего императора в государственных делах сказалось на таком характере указов, создававшихся в его отсутствие опытными канцелярскими служащими. В статье приводятся устойчивые начальные формулы указов 1727–1730 гг. (*Указали Мы; Его Величество указал*), примеры повторяющихся концовок указных текстов, во многом зависящих от их темы и адресата, а также рассматривается ряд частотных сочетаний, составляющих фразеологию деловой речи первой трети

XVIII века, которая формируется именно в это время как стилистически маркированная.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: царский указ, правление Петра II, формуляр делового текста, фразеология делового текста, деловой язык XVIII века

для цитирования: Садова Т. С. *Указали Мы*: о формуляре именных указов Петра II // Русская речь. 2026. № 1. С. 54–65. DOI: 10.7868/S3034592826010045.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 24-28-00325.

From the History of the Russian Language

“We Have Indicated”: On the Form of Personal Decrees of Peter II

Tatiana S. Sadova, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), tatsad_90@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the structural features and lexical and phraseological composition of royal personal decrees created during the short reign of the young Peter II, the grandson of the first Russian emperor Peter the Great. Against the background of historical data indicating that Peter II was primarily a nominal tsar and did not take an active part in governing the state, it seems paradoxical that it was during his reign (1727–1730) that a steady and consistent standardization of the formulary of tsar’s decree was observed. At the same time, it is obvious that any strict standard, a repetitive set of stable clichés, a formulaic speech structure contributes to the impersonality of an official text and creates conditions that make the manifestation of the authoritative subject optional. Thus, the textual presence of the “imperial I” is effaced, which, for example, would have been impossible in the era of Peter I. Therefore, in comparison with the decrees of Peter I, which are distinguished by structural diversity, lexical richness, and numerous instances of first-person narrative, the directive texts, which were

written on behalf of his grandson, had a very “faceless” and formalized appearance. Such nature of the decrees—drafted in the absence of the minor emperor by experienced chancellery officials—may indeed reflect his actual non-involvement in state governance. The article provides the stable opening formulas of the 1727–1730 decrees (“We have indicated”; “His Majesty has indicated”), examples of repeating endings of decree texts, largely depending on their topic and addressee. The article examines a number of frequent combinations that make up the phraseology of official speech of the first third of the 18th century, which was formed precisely at this time as stylistically marked.

KEYWORDS: royal decree, reign of Peter II, business text formula, business text phraseology, 18th century official language

FOR CITATION: Sadova T. S. “*We Have Indicated*”: On the Form of Personal Decrees of Peter II. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2026. No. 1. Pp. 54–65. DOI: 10.7868/S3034592826010045.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation, project 24-28-00325.

Петр Алексеевич II (1715–1730), правивший Российским государством неполных три года, в отличие от своего венценосного деда «к деятельности правительства не имел никакого отношения» и был по существу «номинальным государем» [Павленко 2006: 158]. Однако указы от его имени издавались, царская канцелярия, руководствуясь «стереотипами, изложенными в регламентах, инструкциях и наставлениях», исправно и «без особого напряжения выполняла обязанности, возложенные на нее предшествующими царствованиями» [Павленко 2006: 157].

С одной стороны, кажется парадоксальным тот факт, что именно во времена почти не участвовавшего в управлении государством Петра II складывается более или менее строгий формуляр царского именного указа как отдельного жанра деловой письменности XVIII в. По крайней мере, отчетливо заметна последовательная стандартизация структуры и композиции указного текста, очевидно также формирование все более устойчивого «лексико-фразеологического состава» [Кушнерук 2009: 110] этого типа документа. С другой стороны, возможно, никакого парадокса в этом нет: откровенное равнодушие Петра II к государственным делам привело к тому, что соблюдение единого стандарта текста в его устойчивом

формуляре спасительно нивелировало факт присутствия или отсутствия в нем субъекта властной директивы. Как следствие, из указного документа исчезает та активная «я-субъектность», которая была чрезвычайно характерна для указов Петра Великого [Садова 2025: 30], как известно, лично участвовавшего в написании большинства распорядительных документов, исходящих из царской канцелярии [Воскресенский 2017: 140].

Тиражированию единообразных формуляров деловых текстов (и не только указов) способствовала также печатная форма документа, с 1714 г. получившая в российском делопроизводстве повсеместное распространение, а во времена Петра II ставшая практически единственной.

Отметим как очевидность тот факт, что в период правления Петра II императорских именных указов в сравнении с сенатскими, синодскими и другими создавалось на порядок меньше, чем в предыдущие правления — Петра I и Екатерины I. Так, по данным «Полного собрания законов Российской империи», из 276 правительственных директив времен Петра II лишь 96 — именные, из которых более половины имеют статус указов, «объявленных» или «состоявшихся» в Сенате или Верховном Тайном Совете [ПСЗРИ, 8: 1–246].

Большая часть документов, изданных от имени «самодержавного отрока» [Костомаров 1989], имеет весьма «безликое» и однообразное начало, оформленное либо перволичной формулой-предложением «Указали Мы», либо третьеличной — «Его Императорское Величество указал»:

***Указали Мы**, во все Губернии и Провинции Губернаторам и Воеводам дать знать о дне коронации Нашей [ПСЗРИ, 8: 17]; **Его Императорское Величество указал**: корону и регалии и прочее к тому принадлежащее все с описью отдать в сохранение в Мастерскую палату [ПСЗРИ, 8: 22].*

В единичных случаях использовалась характерная почти для всех распоряжений Петра Великого начальная структура с неизменным союзом «понеже»: разъяснение сути реформ, внедряемых нововведений, цели предпринимаемых преобразований для Петра I было важнейшей просветительской задачей [Руднев 2022: 184]. Во времена его внука к такому типу «государственного общения» с подданными прибегали значительно реже:

Понеже Мы для дня своего коронования, верных своих подданных пожаловали сего года на Майскую треть, с крестьян и дворовых людей подушных денег собирать не указали, и того ради сим Нашим указом во всенародное известие публиковать повелели [ПСЗРИ, 8: 14].

После начального предложения обычно следовала «ссылка» на какой-либо документ или, что чаще, на «доношение» от конкретных лиц или

различных государственных органов (Коллегии, Комерц-Комиссии, Сената и др.), служившее основанием для создания новой царской директивы. Этот текстовый фрагмент постепенно становится обязательным компонентом указного формуляра, как бы демонстрирующим документную мотивированность законодательных инициатив императора, а также представляющим работу государственной власти — Сената, Коллегий, Верховного Тайного Совета — как слаженного механизма:

Указали Мы, по доношению и мнению Военной Коллегии, Инженерный Корпус <...> учредить [ПСЗРИ, 8: 44]; Указали Мы, по доношениям и проэкту Нашего Генерала Графа фон Миниха <...> [ПСЗРИ, 8: 124]; Его Императорское Величество, по доношению Рижского Магистрата Президента и Обер-Инспектора Ильи Исаева указал <...> [ПСЗРИ, 8: 221].

Упорядоченности текста именного указа, устроению его структуры служили некоторые компоненты директивного документа, кстати, оставшиеся неизменными до сегодняшнего времени. Таковы, например, сквозная нумерация следующих друг за другом пунктов императивного текста, отсылка к предыдущим документам с указанием их номенклатурных данных, присутствие в качестве приложений к основному тексту образцов составления различных документов, в том числе писем, прошений, доношений, обращенных к властным структурам или лично императору.

Указали Мы, которые пункты в инструкции Московской полиции положены, а ныне явились в народной тягости, те оставить, а вместо оных Всемилостивейше повелели чинить по сему: 1. У которых людей <...> есть дворы и пустые дворовые места: тем дать позволение строить <...>. 2. Окна делать по препорции избы [ПСЗРИ, 8: 30–31]; А каким порядком такие рапорты сочинять, тому прилагаются формы при сей инструкции [ПСЗРИ, 8: 107]; Его Императорское Величество указал: по силе старого Торгового 7175 года Устава, иноземцам <...> въезд позволить [ПСЗРИ, 8: 213].

Отдельных замечаний заслуживает лексико-фразеологический состав именных указов Петра II. Существенным показателем стандартизации документного языка этого времени стало чрезвычайно активное использование речевых формул с участием сложных слов (причастий) с компонентами *выше-* (*выше(о)писанный, вышеизложенный, вышеозначенный, вышеереченный*) и *ниже-* (*нижеописанный, нижеизложенный, нижеследующий, нижеереченный*). Подобные образования использовались в деловой речи и в более ранние эпохи, о чем свидетельствует, например,

фиксация в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексем «вышеименованный» с иллюстрацией из делового текста XV в. [Бархударов (гл. ред.) 1976: 276] и «нижеобъявленный» в контексте документа XIV в. [Шмелев (гл. ред.) 1986: 367]. Общеизвестно, что словосложение (и сращение) во все времена было одним из продуктивных типов русского именного словообразования [Николаев 2009: 117]. Многочисленны слова с указанными компонентами и в деловом языке Петровского времени [Руднев 2022]. Однако в рассматриваемых текстах слова с компонентами *выше-* и *ниже-* более многочисленны, причем используются они на порядок чаще, демонстрируя логичность и последовательность изложения императорской директивы:

А оные, такожде от своей стороны к вышеереченным будут писать, все курьеры [ПСЗРИ, 8: 52]; Того ради тому ж посланному, как в вышеписанном в селе Труеве, так и в других вышепоказанных же местах жителей разобрать и освидетельствовать [ПСЗРИ, 8: 56]; Всем Губернаторам и Воеводам и прочим, кому где оныя дела в смотрение поручены, поступать по нижеследующему [ПСЗРИ, 8: 86].

Многие формулы, устойчивые сочетания, кочевавшие из текста в текст, разумеется, также наследовались из предшествующих эпох: в документах времен Петра I и Екатерины I набор таких формул был очень широк тематически и разнообразен по происхождению: *изволил явиться, потребное поведение, вольные люди, добрый поход, попечительный муж, справная роспись, денно и ночью, в добром довольстве, иметь бодрое око, по силе вины, лишение живота, под смертным страхом, доброе послушание, непрестанная память, жестокое наказание* и др. Следует отметить, что строгой отнесенностью к деловой речи эти устойчивые лексико-фразеологические единицы не отличались, о чем свидетельствует в том числе отсутствие ограничительной (стилистической) пометы в «Словаре Академии Российской» [САР] или свободное употребление этих сочетаний в художественных текстах известных писателей второй половины XVIII в., например:

А вы бы ссорилися и бранилися и денно, и ночью, и грызлися бы как собаки (А. П. Сумароков. Вздорщица. 1770) [НКРЯ]; Мне кажется, самый лучший способ для удержания в тайне путешествия есть тот, чтоб сделать запрещение говорить <...> о твоей высокой особе и даже выговаривать священное твое имя, под опасением лишения живота (И. А. Крылов. Каиб. Восточная повесть. 1792) [НКРЯ].

Заметим, что в деловой речи времен Петра II репертуар формульных сочетаний значительно сокращается, происходит явное закрепление

ряда формул (клише), а также отдельных слов исключительно за канцелярским стилем, что затем отразится в САР (1789–1794) в виде соответствующих помет, сопровождающих конкретную лексическую единицу, окончательно приписанную к «приказному слогу». Например, старое сочетание «руку приложить» имеет в САР совершенно определенное стилистическое указание в отличие от тех, что перечислены выше: «Руку приложить — **в приказн. слоге**: утвердить что своим подписанием. *Приложить руку к прошению*» [САР, V: 109].

Повторяемость и прикрепленность устойчивых формул (как новых, так и старых) к отдельным тематически и содержательно близким участкам делового текста создавали условия для формирования его «трафаретности», которая в свою очередь оправдывала неиндивидуальность, безличность языка документа. Так, формула «за рукою / печатью», ставшая результатом «семантического стяжения» [Копорская 1988: 7] некогда развернутого устойчивого сочетания «приложить руку», использовалась в тех фрагментах указного текста, где прописывалась ответственность должностного лица, предложно-падежное сочетание «с прилежанием» — в разделах, заключающих в себе некие императивные инструкции, правила и рекомендации, структура «смотреть накрепко» — в тех случаях, когда обозначалась цель «должностного смотрения» (от *смотреть* — «примечать, стеречь, следить, оберегать, опекать» [САР, V: 301]):

Дать пропускное письмо от себя, за рукою своею и за рукою ж и за печатью Полковника [ПСЗРИ, 8: 4]; *Крестьянам, отпущенным для прокормления в работу в другие уезды, пропускные письма за руками Земского Коммисара и Полковника <...> учиня форму, напеча(та)ть в Сенатской типографии* [ПСЗРИ, 8: 5]; *Велеть Ратуше смотреть и хранить с прилежанием, дабы была мера и весы по указу верные и равные за орлом* [ПСЗРИ, 8: 110]. *На заставах смотреть накрепко, чтоб никто ни тайно, ни явно не проходили и не проезжали* [ПСЗРИ, 8: 122].

Примечательно, что в указах, в той или иной мере касающихся дел Малороссийской Коллегии, часто используются устойчивые сочетания, даже текстовые отрезки, целиком заимствованные из указов Петра Великого, посвященных сходным темам. Подобных пространств заимствований из иных текстов, изданных в великопетровскую эпоху, в указах Петра II не отмечается.

Петр I (1708): *Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество <...>, милосердую о вас верных подданных Наших, намерены Высокою Особою Своею всеми силами вас и весь народ Малороссийской оборонять. <А вы> единого из верных знатных и искусных особ, вольными голосы по правам своим, на гетманство немедленно изберете* [ПСЗРИ, 4: 424].

Петр II (1728): ***Мы, Великий Государь, милосердуа о вас Наших подданных Малороссийскаго народа людях, повелели вам выбрать вольными голоса Гетмана*** [ПСЗРИ, 8: 64].

В документах 1728–1730 гг., созданных, безусловно, профессиональными делопроизводителями без всякого участия Петра II, отчетливо проводится идея исторической преемственности царственных решений «самодержавного отрока» как продолжение государственных деяний его великого деда, поэтому так многочисленны здесь отсылки к регламентам и указам эпохи Петра Великого, так разнообразны формулы именования первого российского императора. При этом устойчивость и повторяемость (клишированность) ряда компонентов многословных именований Петра I также очевидна:

Судовые доходы или наклады указом, блаженныя и вечнодостойныя памяти, Петра I, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Его Величества Вселюбезнейшаго Государя Деда [ПСЗРИ, 8: 64]; *Чинить также указом Его ж Нашего Возлюбленнаго Государя Деда запрещено, под страхом великаго гнева и штрафа* [ПСЗРИ, 8: 64]; *На прежняя их права и привиллегии, которыя Дед Наш, блаженныя памяти Петр Великий, Император и Самодержец Российский* подтверждать соизволили [ПСЗРИ, 8: 90]; *Они к Его Императорскому Величеству блаженныя и вечно достойныя памяти к Нашему Деду и Государю в подданство пришли* [ПСЗРИ, 8: 94].

В указах Петра II нередко подчеркивается следование законам и традициям, установленным не только в эпоху Петра Великого, но и в более ранние времена: в таких случаях в одном ряду с Петром I упоминается царь Алексей Михайлович, прадед малолетнего государя, а иногда, без всяких имен, — «государи-предки». Представляется, что после недолгого царствования «простолюдинки» Екатерины I, получившей российский престол в результате бескровного дворцового переворота 1725 г., после всевластного правления при юном императоре временщика А. Д. Меншикова важно было продемонстрировать, что ныне, в полном согласии со старыми династийными традициями, Россией правит законный наследник рода Романовых:

Блаженныя и вечно достойныя памяти Его Императорское Величество Петр Великий, Император и Самодержец Всероссийский указал, по прежнему указу Отца Своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича <...> людям и крестьянам и бобылям быть крепким по переписным книгам [ПСЗРИ, 8: 9]; *Указали Мы, по доношению из Синода, Смоленской*

шляхты детей за рубеж в Польшу для наук и ни для чего, по прежним указам Предков Наших Великих Государей отнюдь не пропускать [ПСЗРИ, 8: 12]; *Во всем поступать по данным вам от Предков Наших Великих Государей жалованным грамотам* [ПСЗРИ, 8: 69].

Именные указы императора Петра II, как и в прошлые эпохи, были и пространными (до 3–4 листов текста), и краткими (в 2–3 предложения). При отчетливо формирующемся стандарте жанра указа очевидно, что устойчивых компонентов, завершающих текст, еще нет, однако некое стремление к единообразию концевых фрагментов директивного документа — в зависимости от его темы и адресата — все же прослеживается. Так, указы, адресованные «всех чинов людям» и посвященные, например, правилам общественного порядка, хозяйственным, бытовым темам (строительство, ремесло, устройство подворий и под.), обычно завершались информацией о наказании за несоблюдение государевой воли. В этих случаях использовались формулы наказания, выработанные еще языком приказов XVII в. и новой канцелярии Петра I:

Астраханского полка гранадера Николая Алексеева учиня наказание бить кнутом и вырезав ноздри, сослать в Сибирь вечно [ПСЗРИ, 8: 3]; *А ежели в той винной продаже какие от кого обманы явятся, и за то тем людям учинено будет жестокое наказание без всякаго милосердия и пощады* [ПСЗРИ, 8: 48]; *За ложную сказку тем, кто оную подаст, чинить наказание, бить кнутом, и вырезав ноздри, посылать на камену* [ПСЗРИ, 8: 115].

Иногда концовка такого указа представляла собой распоряжение, выраженное устойчивым сочетанием, обозначающим форму обнародования документа, — «публиковать печатными листами». Оно характерно и для указных текстов эпохи Петра I, правда, в более свободных сочетательных вариациях¹:

И о том о всем вышеописанном публиковать из Сената печатными листами [ПСЗРИ, 8: 31]; *Того ради сим указом во всенародное известие публиковать печатными листами* [ПСЗРИ, 8: 89].

Указы же, посвященные важным общегосударственным проблемам (установление законов торговли, поимка беглых крестьян и дезертиров, сбор налогов и под.), которые были адресованы ответственным лицам правительства, властным органам, завершались, как правило, распоряжением

¹ См. Указы Петра I: *И дабы неведением никто не отговаривался велеть в народ везде прибить печатные листы* (1714 г.) [ПСЗРИ, 5: 136]; *И о том напечатать листы, поставить в пристойных местах* (1718 г.) [ПСЗРИ, 5: 544].

предоставить в соответствующую государственную инстанцию (чаще — в Верховный Тайный Совет) отчеты, ведомости, решения по конкретному вопросу. Таким образом формировался прообраз современного документооборота, системного и управляемого «движения документов» внутри государственного аппарата.

О том их тому посланному допросить, и те допросы прислать в Наш Верховный Тайный Совет [ПСЗРИ, 8: 56]; А сколько в котором месяце, и с кого что из доимки собрано будет, о том в Наш Верховный Тайный Совет по прежнему подавать ведомости по вся месяцы [ПСЗРИ, 8: 67]; Ныне их к той присяге привести и те присяги прислать в Наш Сенат [ПСЗРИ, 8: 72].

Многочисленные лексические заимствования (*акцизный, аппробация, диспозиция, инструмент, капитал, коммуникация, конфирмация, конфисковать, корреспонденция, курьер, привилегия, провинция, продукция, проэкт, сатисфакция, фортификация, штат, штраф, экзекуция* и др.) в указах Петра II характеризуются тематическим разнообразием и, видимо, полной усвоенностью деловой речи этого времени, поскольку в рассматриваемых текстах почти отсутствуют глоссы, столь распространенные в документах эпохи Петра I [Живов 1996: 146]. Единственное слово, замеченное в 96 рассматриваемых указах, при котором присутствует разъяснение (в скобках), — *секретарь* (Дьяк). Учитывая тот факт, что слово «секретарь» для времени Петра II — отнюдь не новое, глосса при нем, возможно, имеет не столько толковательную, сколько уточняющую функцию — 'то же, что и дьяк'. Примечательно, что слово «секретарь» не зафиксировано в САР [САР, V: 208].

Общий анализ языка и строения именных указов времен Петра II свидетельствует о стремительном движении делового языка государственных директив XVIII в. к бессубъектности, к лишению указных текстов «творческого начала», высокой риторичности и выразительности, столь характерных для именных распоряжений Петра Великого. Стандартизированный формуляр именного указа позволяет множить документы заданного образца без видимого участия в нем «я-императора» как источника властных инициатив. Давняя мечта Петра I о создании государства-механизма [Руднев, Садова 2023: 26] получила свое языковое воплощение в деловых текстах весьма близких кратковременных правлений его последователей, вплоть до царствования Елизаветы Петровны, которая вернула в текст императорского указа «образно-экспрессивные средства», востребованные в переломные эпохи в жизни государства [Логинова 1968: 200–201].

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.03.2025).

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отделения собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 4. 883 с. Т. 5. 780 с. Т. 8. 1014 с.

САР — Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1789–1794. Ч. V. 602 с.

Литература

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 3. М.: Наука, 1976. 292 с.
Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.

Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке Нового времени. М.: Наука, 1988. 232 с.

Костомаров Н. И. Царевич Алексей Петрович. Самодержавный отрок. М.: Книга, 1989. 62 с.

Кушнерук С. П. Документный текст: свойства и состав // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2009. № 3. С. 110–113.

Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 186–230.

Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. С. 115–121.

Павленко Н. И. Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006. 281 с.

Руднев Д. В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 178–191. DOI: 10.17223/18137083/78/13.

Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 22. № 4. С. 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>.

Садова Т. С. О языке одного печатного указа Петра I: «Объявление о лѣчительныхъ водахъ...» (1719) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 1. С. 26–32. DOI: 10.20339/PhS.1-25.026.

Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 11. М.: Наука, 1986. 459 с.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1976. 292 p.
- Koporskaya E. S. *Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke Novogo vremeni* [Semantic history of slavisms in the Russian literary language of the New Time]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 232 p.
- Kostomarov N. I. *Tsarevich Alexei Petrovich. Samoderzhavnyi otrok* [Tsarevich Alexei Petrovich. Autocratic youth]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 62 p.
- Kushneruk S. P. [Documentary text: properties and composition]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region*, 2009, no. 3, pp. 110–113. (In Russ.)
- Loginova K. A. [Official speech and its stylistic changes in the Soviet era]. *Razvitie funktsionalnykh stilei sovremennogo russkogo yazyka* [Development of functional styles of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 186–230. (In Russ.)
- Nikolaev G. A. [Modes of Old Russian nominal word-formation]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, vol. 151, pp. 115–121. (In Russ.)
- Pavlenko N. I. *Petr II* [Peter II]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 281 p.
- Rudnev D. V. [Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2022, no. 1, pp. 178–191. DOI: 10.17223/18137083/78/13. (In Russ.)
- Rudnev D. V., Sadova T. S. [Metaphor of the state and ways of expressing it in Russian business speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Volgograd State University]. 2023, vol. 22, no. 4, pp. 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>. (In Russ.)
- Sadova T. S. [On the language of one printed decree of Peter I: "Ob'yavleniye o lechitel'nykh vodakh..." (1719)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. [Philological sciences. Scientific reports of higher education]. 2025, no. 13, pp. 26–32. DOI: 10.20339/PhS.1-25.026. (In Russ.)
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 11. Moscow, Nauka Publ., 1986. 459 p.
- Voskresenskii N. A. *Petr Velikii kak zakonodatel'* [Peter the Great as a legislator]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 640 p.
- Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia in the 18th century]. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 1996. 590 p.

Когда стало можно разболеться, уже болея, и не умереть?

Ирина Сергеевна Юрьева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
iriwonok@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826010056

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается изменение семантики и сочетаемости глагола *разболеться* в истории русского языка. Данные древнерусских источников показывают, что *разболѣтисѧ* во всех случаях обозначает начало новой ситуации ('начать болеть'), и речь почти всегда идет не просто о тяжелой, но о смертельной болезни. Субъектом при этом глаголе всегда выступает человек. Почти такая же картина представлена и в старорусских источниках XV–XVI вв.: глаголом *разболѣтисѧ* обозначено начало тяжелого предсмертного состояния. Лишь изредка попадаются рассказы о выздоровлении не как о чуде. Только с XVII в. «оптимистичные» контексты начинают преобладать, но рассматриваемый глагол всегда отмечает начало нездоровья. С XVIII в. в Национальном корпусе русского языка зафиксированы употребления *разболѣтисѧ* с неодушевленным подлежащим наподобие современного *разболелась голова*. При этом из письменных памятников совершенно исчезают примеры *разболѣтисѧ* '(внезапно) тяжело заболеть' с одушевленным подлежащим, кроме исторических сочинений о Древней Руси. Среди текстов, входящих в Национальный корпус русского языка, глагол *разболѣтисѧ* 'расхвораться, начать болеть сильнее' с одушевленным подлежащим впервые отмечен в «Скверном анекдоте» Ф. М. Достоевского. Соответственно, только со второй половины XIX в. употребление рассматриваемого глагола становится практически идентичным современному.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русского языка, история слов, семантика, сочетаемость

для цитирования: Юрьева И. С. Когда стало можно разболеться, уже болея, и не умереть? // Русская речь. 2026. № 1. С. 66–75. DOI: 10.7868/S3034592826010056.

From the History of the Russian Language

When Did It Become Possible to Razbolyet'sya 'To Become Seriously Ill' While Already Ill, and Survive?

Irina S. Yuryeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), iriwonok@yandex.ru

ABSTRACT: The article examines the evolution of the semantics and syntactic compatibility of the verb “razbotet'sya” in the history of the Russian language. Analysis of data from Old Russian texts reveals that the illness in all instances indicates the onset of a new state of affairs ('begin to get sick'), and is almost invariably a serious and potentially fatal condition. The subject of the verb is always human. A similar pattern emerges in Russian texts of the XV–XVI centuries, with the beginning of severe, near-fatal illness being indicated. Rarely are there accounts where recovery is not described as a miraculous event. Only since the 17th century “optimistic” contexts begin to predominate, although the verb consistently signals the beginning of illness. Only since the 18th century the Russian National Corpus records usage with inanimate subjects, such as contemporary “razbolyelas' golova”. At the same time, examples of contracting a sudden and severe illness with an animate subject have completely disappeared from written records, except for historical documents related to Ancient Russia. Among the texts included in the Russian National Corpus, the verb “razbolyet'sya”

with an animate object was first used in F. M. Dostoevsky's "A Nasty Story". Accordingly, it was not until the second half of the 19th century that usage of this verb became similar to its modern usage.

KEYWORDS: history of the Russian language, history of words, semantics, compatibility of words

FOR CITATION: Yuryeva I. Yu. When Did It Become Possible to Razbolyet'sya 'To Become Seriously Ill' While Already Ill, and Survive? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 66–75. DOI: 10.7868/S3034592826010056.

Глагол *разболеться* встречается в текстах начиная с древнерусского периода и нигде не исчез к нашему времени. Его охотно используют для перевода летописных статей и сегодня. Например, фразу из Повести временных лет **и выникнуци змѣа и оуклюну и в ногу. и с того разболѣвса оумьре** ПВЛИ 15d:2-5, 912¹. Д. С. Лихачев и О. В. Творогов переводят так: «...и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он» [Лихачев, Творогов 2012: 29]. Точно так же поступают и современные авторы: «И выползла тогда из черепа змея и “уклюнула” князя в ногу. Разболелся князь и умер»².

Однако, по всей вероятности, современным *разболеться* переводить подобные контексты не вполне корректно.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. для **разболѣтиса** предлагает толкование 'заболеть, начать болеть' [Крысько (гл. ред.) 2013: 21]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. толкование основного значения³ глагола включает современный *разболеться*, но с уточнением: 'разболеться (сильно, тяжело заболеть), начать болеть' [Богатова (гл. ред.) 1995: 142]. Большой и Малый академические словари подходят к современному *разболеться* по-разному. БАС — с отсылкой к *разбаливаться* — дает 'становиться больным, заболевать' и 'начинать сильно болеть (о какой-л. части тела)' [Герд (гл. ред.) 2013: 141]. В МАС для *разболеться* предложены

¹ Здесь и далее первая цифра с буквенным индексом либо без него обозначает лист, цифры после двоеточия — строку/строки. Для древнерусских летописных памятников после запятой может быть указан год. Если дано только название памятника, цитата приводится по Национальному корпусу русского языка.

² URL: <https://stihi.ru/2018/02/22/10173> (дата обращения 27.09.2025).

³ Второе значение 'испытывать боль, тревогу' относится к единственному словоупотреблению в переводном тексте и исключается из рассмотрения.

толкования 'начать болеть все сильнее и сильнее' и 'начать болеть все сильнее и сильнее (о какой-л. части тела)' [Евгеньева (ред.) 1999: 585]. Можно заметить, что, согласно [Герд (гл. ред.) 2013], человек, в отличие от части тела, может «разболеться», не будучи болен до этого, а по [Евгеньева (ред.) 1999], как человек, так и часть тела должны быть больны до того, как «разболеются».

Что же изменилось в поведении этого глагола за время его существования, если подходы к его трактовке настолько отличаются?

В древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) 62 вхождения глагола **разболѣтисѧ**, и это только и исключительно конструкции с одушевленным подлежащим. Значение глагола — 'начать (тяжело)⁴ болеть (о человеке)'.

Болезнь, как правило, внезапна или, по крайней мере, наступает очень быстро: **пивъ бо гюрги. въ всменика оу петрила. въ тѣ днѣ на ночь разболѣсѧ. и бы^ѣ болести его ·ѣ· днѣи и престависѧ киевъ** КЛ 175г:1-5, 1158 'А Юрий, попирав у осменника Петрила, в тот же день к вечеру (тяжело) заболел; и болезнь его длилась 5 дней, и он умер в Киеве'.

Во всех случаях речь идет о тяжелом, предсмертном состоянии. Это видно, в частности, в контекстах, где человека оплакивают еще до смерти: **Томъ же лѣтъ. разболѣсѧ великий кнѣзь киевский изаславъ... и плакса по не^ѣ всѧ рускаѧ землѧ... в не^ѣлю на ночь. престависѧ. на филиповъ днѣ** КЛ 168в:32/168г:11, 1154 'В тот же год (тяжело) заболел великий киевский князь Изяслав... и оплакивала его вся Русская земля... в воскресенье вечером он преставился на Филиппов день'.

Поэтому в ответах на вопросы клириков предлагается причастить человека, если он **разболитсѧ**: **аще ли на рать поидеть или разболитсѧ то дати ѧмоу причащение** (Вопрошание Кирика) 'Если же он отправится на битву или (тяжело) заболеет, то (следует) дать ему причастие'.

Важно, что до состояния, обозначенного глаголом **разболѣтисѧ**, человек не был болен. Рассматриваемый глагол фиксирует начало ситуации, например: **ре^ѣ ему волга видиши мѧ болное (ПВЛИ болну) сущю. камо хоцещи ѿ мене ити. бѣ бо разболѣласѧ оуже** ПВЛЛ 67:27-29, 969 'Сказала ему Ольга: «Ты видишь, что я больна, куда (же) ты собираешься уйти от меня?» — потому что она уже (тяжело) заболела'.

Из 62 употреблений **разболѣтисѧ** в памятниках древнерусского подкорпуса НКРЯ в двух случаях как будто можно подозревать, что рассматриваемый глагол обозначает не начало болезни (субъект уже некоторое

⁴ Этот компонент взят при толковании в скобки, поскольку, как будет видно ниже, с рассматриваемым глаголом начиная с самого раннего периода могли употребляться наречия, имеющие соответствующее значение (**вельми**, **зѣло**); при этом, как показывают примеры, речь всегда идет о серьезной болезни.

время был болен, а потом «разболелся»). Эти два контекста стоит рассмотреть подробнее. Оба они читаются в Повести временных лет под 1054 г. Первое касается смерти Ярослава Мудрого: в лѣт^р. ꙗꙋ^сⷭ̌ⷮ̊ⷰ ⷵⷹⷶⷪⷾⷺ кнзъ. руский ѧрославъ. и еще живу сущю ему нареди сн[ы свои] реки имѣ. се азъ ѿхожу свѣта сего. сновѣ мои имѣйте межи собою любовь <...> и тако нареди сны свои. пребывати в любви самому же болну сущю. и пришедшу ему к вышегороду разболѣса велими. изаславу тогда оу [во] шца бѣ бо любимъ шцмъ. паче всеа братья. егоже имаше оу себе. ѧрославу же приспѣ конѣць житъя. и пр[ед]ажь дщю свою. мѣца февраля въ ·к· в субботу ·а· не^д поста въ стго федора. днь ПВЛИ 60b:12/60c:26 В год 6562 преставилс русский князь Ярослав.

А когда он был еще жив, он отдал распоряжения своим сыновьям, сказав им: «Вот, я оставляю этот мир, а вы, сыновья мои, пребывайте в любви...» И так он наставил своих сыновей пребывать в любви, будучи сам болен.

А когда он пришел в Вышгород, он сильно заболел. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод тогда был у отца, ведь отец любил его больше всех братьев и держал его при себе. И жизнь Яро-слава подошла к концу, и он отдал душу [свою] (Богу) в месяц февраль, 20-го, в субботу 1-й недели поста, в день святого Феодора’.

Летописная статья открывается известием о смерти князя, что сразу же исключает строгую хронологическую последовательность событий. Потом описывается его наставление сыновьям, завершающееся сообщением о том, что Ярослав был в это время уже болен. Затем следует известие, как князь сильно заболел, приехав в Вышгород. Скорее всего, наставление сыновьям хронологически не предшествует состоянию Ярослава, обозначенному глаголом **разболѣтиса**, а является композиционной вставкой. Конструкция **разболѣтиса вельми** сама по себе вовсе не означает, что субъект уже был болен; контекстов с таким сочетанием в древнерусских памятниках, помимо процитированного, всего два, и в обоих речь идет о новом состоянии: **и совокупи всеволодь братью свою... и перебы нѣколикѣ · и разболѣса велми и везоша и въшегороду · и тамо скончаса** (Сузд. лет.) 'И собрал Всеволод своих братьев... и побыл некоторое время, и сильно заболел; и повезли его в Вышегород, и там он умер'; **и бещинно днѣ свои препроводи. и разболѣвса велми. на конецъ пребы нѣмъ** (Киево-Печерский патерик) 'И он проводил свои дни недостойно; и сильно заболел, под конец онемел'.

Второе древнерусское чтение, где глаголу **разболѣтисѧ** предшествует сообщение о болезни, повествует о кончине Феодосия Печерского: **феодосеви же пришедшю по обычаю [ц]ѣлова братью. и празнова съ ними**

недѣлю [ц]вѣтную. и дошедъ великаго днѣи въськрꙋшнѣи {г҃на} по ꙋбычаю. празновавъ свѣтло. **впаде в болѣзнь и разболѣвшюся** ему (ПВЛ разболѣвшю бо са юму). и **болѣвшю** ему. днѣи -ѣ- по-семь бывшу вечеру и повелѣ изънести са на дворь... ПВЛ 68d:1-11 'Когда же Феодосий, как обычно, пришел, он приветствовал братию и праздновал с ними Цветоносную неделю. И дождавшись великого дня Воскресения Господня, как обычно, светло отпраздновав [его], заболел/подвергся болезни. И заболев (тяжело), он болел 5 дней, (а) потом, когда наступил вечер, он велел вынести себя на двор...'. Конструкция **въпасти въ болѣзнь/болѣсть** зафиксирована в древнерусском подкорпусе еще один раз, в Волынской летописи, и речь идет о предсмертном состоянии: **а король башеть тогда впалъ в болѣсть великоу. в неуже и сконча животь свои** 'А король тогда [уже] заболел тяжелой болезнью, от которой и скончался'. Маловероятно, что после этого можно было бы заболеть сильнее. Поэтому и в рассматриваемом контексте ПВЛ для **разболѣтиса** стоит предполагать значение '(тяжело) заболеть, начать (тяжело) болеть', как и в прочих древнерусских примерах, — соответственно, **впаде в болѣзнь и разболѣвшюся** отсылают к одной и той же ситуации. Более поздние списки ПВЛ устраняют **разболѣтиса** в приведенном чтении, возможно, предполагая тавтологию, — ср. чтение Московского свода конца XV в.: и **впаде в болѣзнь. и болѣвшю емоу днѣи -ѣ-** МС 46:15-16.

Итак, древнерусский глагол **разболѣтиса** мог употребляться только с одушевленными существительными и имел значение 'начать (тяжело) болеть'.

Старорусский подкорпус НКРЯ в целом демонстрирует такую же картину. Глагол **разболѣтиса** фиксируется в основном в повествовательных текстах — летописных и житийных, подлежащее всегда одушевленное, речь идет о начале нового состояния, ср.: *Сии же митрополитъ в старости велицъ бывъ и разболѣся на Голенищовъ, идеже есть церковь его опришня въ имя святыхъ трех святитель, идѣже и часто любяше бывати, яко мѣсто бѣ тихо и безмятежно, и покоино, тамо и разболѣся, и болѣнь лежаше нѣколко дни, и ту преставися* (Новгород. Карамзин. лет.) 'А этот митрополит, будучи очень стар, (тяжело) заболел в Голенищеве, где у него своя церковь во имя [святых] трех святителей, где он любил часто бывать, ведь место (это) было тихое, и безмятежное, и спокойное, — там он и заболел (тяжело), и лежал больной несколько дней, и там преставился'; **Тамо же и разболевся лежаше неколико дний, дондеже и преставися** (Запись об истории сел Голенищева и Селятина 2/4 XVI в.) 'В том же месте он, (тяжело) заболев, лежал (больной) несколько дней, пока не умер'.

Из 138 контекстов за XV–XVI вв. только пять летописных и один житийный не оканчиваются смертью, то есть **разболѣтиса**, как и в древнерусском языке, употребляется по отношению к очень тяжелому состоянию, не предполагающему выздоровления. Так, например, нечестивец Феодосий, выздоровев, раскаялся и полностью изменил свою жизнь: **И встужиши людие... и начаша его проклинати, онъ же, слышавъ се, разболѣся того ради. Оздравѣ бысть, и сниде въ келию к Михаилу Чуду въ монастырь, и приа разслабленаго старца въ келию, нача служити ему и омывати струпы его** (Независ. лет. свод) ‘И люди опечалились и стали его проклинать, а он, слыша это, (тяжело) заболел по этой причине. (И когда) он выздоровел, то ушел в келью в монастырь Чуда (архангела) Михаила, и взял в келью парализованного старца, стал ухаживать за ним и омывать его струпья’. В рассказе князя Курбского Иван Грозный, заболев, был уже готов умереть: **Приѣхавъ же до Москвы аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никтоже уже ему жити надѣялся. По немалыхъ же дняхъ помалу оздравляти почаль** (История о великом князе Московском) ‘Приехав же в Москву где-то через два или три месяца, он сильно заболел тяжелой горячкой, так, что никто уже и не надеялся, что он выживет. Спустя же долгое время он начал понемногу выздоравливать’.

Начиная с XVII в., судя по данным НКРЯ, глагол **разболѣтиса**, как правило, не обозначает смертельной болезни. Из летописных контекстов о смертельных исходах говорится только в ранних чтениях, в соответствии с древнерусским узусом. В более поздних примерах речь идет о начале тяжелого состояния, но затем наступает выздоровление, и даже необязательно об этом упоминать, например: **А сын его Алексей разболелся и тамо остался у царя, а был з год. И приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближение, и отца для его пожаловал боярством, а его окольничим. И много лет был в царской милости...** (Пискарев. летописец) ‘А сын его Алексей (тяжело) заболел и остался там у царя — и был примерно год. И он приехал к великому князю, и великий князь его пожаловал, и приблизил к себе, и отцу его пожаловал боярство, а его (сделал) окольничим. И он много лет был в царской милости...’. Среди памятников Корпуса за XVII в. встречается конский лечебник — и пример оттуда ясно показывает, что **разболѣтиса** предполагает серьезную болезнь, но ситуация не безнадежна: **Коли разболитѣца конь, во един дух напиши сия слова не отдыхая: «л̑г̑ в̑ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ». Да поцепи коню на шею на 3 дни** ‘Если (тяжело) заболеет конь, за один вдох напиши эти слова, не выдыхая... И повесь коню на шею на 3 дня’.

По XVII в. включительно с *разболѣтиса* в НКРЯ фиксируются только одушевленные подлежащие. Словарь XI–XVII в. отмечает один пример с неодушевленным субъектом — абстрактным существительным (запись протопопа Аввакума 1671 г.): **И разболѣлася у меня болѣзнь в брюхе, сталъ дух заниматца** Пустозерский сборник [Богатова (гл. ред.) 1995: 142] ‘И стала развиваться у меня болезнь в животе...’. Подобных употреблений с абстрактными подлежащими в Корпусе не отмечается ни до, ни после. Скорее всего, Аввакум здесь переработал другую конструкцию, отмеченную в памятниках XVI в., ср.: **Болит язео тѣло церковное, и удове отчисти разболѣшася болѣзнию** (ВМЧ, житие Стефана Пермского); **Семеонъ же по малъ днии разболѣся болѣзнию и, полежавъ нѣколико днии, преставися** (Новгород. Пятая лет.). Таким образом, крайне маловероятно, что приведенный контекст отражает существование неодушевленных подлежащих с *разболѣтиса* в XVII в.

Возможность сочетаться с неодушевленным субъектом наподобие современного *разболелась голова* у глагола *разболѣться* появляется не раньше XVIII в. По данным НКРЯ, первое подобное употребление встречается в письмах Д. И. Фонвизина 1784–1785 гг.: *Я разозлился на почталионов; разболелась голова моя, и я всю ночь ехал в жестоком пароксизме*. Вне Корпуса можно найти более ранние примеры, но все они принадлежат сочинениям XVIII в., ср.: *Азъ же... отѣдохъ 27 Июля... идохъ же по малу денно и ношно, понеже утрудихся до зѣла и разболѣся ми правая нога, яко едва могахъ шествовати* [Григорович-Барский 1793⁵: 49] ‘А я... вышел 27 июля... а шел я понемногу днем и ночью, потому что чрезвычайно утомился и разболелась у меня правая нога, так что я едва мог идти’.

Глагол *разболѣться* с одушевленным подлежащим встречается в XVIII в. только в исторических сочинениях А. Н. Радищева и В. Н. Татищева — в своем историческом значении ‘начать (тяжело) болеть’ — как наследие летописных сочинений прошлого, ср.: *Для того, собрав войско, изготовился идти войною, но в то самое время разболелся и вскоре умер* (В. Н. Татищев. История российская).

Таким образом, с XVIII в. у *разболѣться* появляется возможность сочетаться с неодушевленными подлежащими, существующая и в настоящее время. Конструкции с подлежащими одушевленными уходят на периферию, сохраняясь только в исторических сочинениях о Древней Руси. Во всех случаях глагол обозначает начало болезненного состояния, как и ранее.

То же верно и для первой половины XIX в. — *разболѣться* с одушевленным подлежащим фиксируется только в исторических повествованиях, значение глагола тоже «историческое» — ‘(тяжело/смертельно) заболеть’,

⁵ Автор умер в 1747 г.

ср.: *Когда приблизилось честное ее представление, разболелась она месяца декабря в 26 день и была больна шесть дней* (Ф. И. Буслаев. Идеальные женские характеры Древней Руси. 1858); *Вскоре Ярослав разболелся и помер.* (К. Д. Ушинский. Детский мир. 1864).

Только в тексте 1862 г. в Национальном корпусе отмечается *разболѣться* с одушевленным подлежащим в значении ‘впасть в более болезненное состояние’: *Оказалось, что Иван Ильич, который был все еще не в памяти, до того разболелся, до того стонал и метался, что переносить его и везти в таком состоянии домой стало совершенно невозможным даже рискованным* (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот. 1862). Иван Ильич несомненно был болен до состояния, обозначенного глаголом *разболелся*.

С 60-х гг. XIX в. подобные употребления встречаются все чаще: *Ну, пойдемте ко мне, в мою комнату; я нездорова и, кажется, совсем разболеюсь с этою перевозкою* (Н. С. Лесков. Некуда. 1864); *С больными так бывает: пока день, становится легче, а ночью и разболеются* (Н. Г. Чернышевский. Пролог. 1871).

По данным рассмотренных текстов, глагол **разболѣтисѧ** вплоть до XVII в. означал ‘начать (тяжело) болеть’ и мог употребляться только с одушевленным подлежащим. Возможность сочетаться с неодушевленным субъектом появляется не ранее XVIII в. Начиная со второй половины XIX в. вытесненные было на периферию употребления с одушевленными подлежащими вновь становятся частотными, но фокус с начала болезни как таковой смещается в них на начало более болезненного состояния, как в современном русском языке.

Источники

Григорович-Барский 1793 — Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца киевскаго, монаха антиохійскаго, путешествіе к святымъ мѣстамъ, в Европѣ, Азійи и Африкѣ находящимся, предпріятное в 1723, и окончанное в 1747 году, имъ самимъ писанное. СПб.: Иждивениемъ Императорской Академіи наукъ, 1793. 808 с.

КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 816 с.

МС — Московский летописный свод конца XV в., ГИМ, Увар., № 1366, 4°, XVI в.

ПВЛИ — Повесть временныхъ летъ // Полное собраніе русскихъ летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 2–285.

ПВЛЛавр — Повесть временныхъ летъ // Полное собраніе русскихъ летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 1–286.

Литература

- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 21. М.: Наука, 1995. 280 с.
- Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 22. М.; СПб.: Наука, 2013. 741 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка в 4 томах. Т. 3. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. X. М.: Азбуковник, 2013. 656 с.
- Лихачев Д. С., Творогов О. В. (пер.). Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 27.09.2025).
-

References

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries] Vol. 21. Moscow, Nauka Publ., 1995. 280 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great academic dictionary of the Russian language]. Vol. 22. Moscow, S. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 741 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 750 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th centuries)]. Vol. X. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 656 p.
- Likhachev D. S., Tvorogov O. V. (transl.). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Translated by. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012. 507 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 27.09.2025).

Концепт «гроза» в одноименных пьесах «Гроза» А. Н. Островского и Цао Юя

Ван Вэньюй, Институт иностранных языков Сямэньского университета (КНР, Сямэнь),
cbetaw@163.com

DOI: 10.7868/S3034592826010067

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию концепта «гроза» в классических пьесах России и Китая — «Гроза» А. Н. Островского и «Гроза» Цао Юя. Проанализировано влияние концепта «гроза» на развитие сюжета, его связь с культурой бога грома и религиозными взглядами писателей. Автор приходит к выводу, что в пьесах Островского и Цао Юя буквальное и переносное значение слова «гроза» проявляется в разной степени. Помимо выражения буквального значения — дождливой погоды с грозой в метеорологическом смысле, слово «гроза» в обоих произведениях также намекает на трагический финал главных героинь, Катерины и Сы Фэн. Кроме того, его собственная семантика, связанная с бурей и потрясениями, отражает внутреннее беспокойство и душевное волнение персонажей. В обоих произведениях «гроза» не только указывает на погодные условия, но и символизирует громовую бурю общественных потрясений и перемен, подразумевая крах старого общества и наступление новой эпохи. Она также отражает сходные культурные представления русских и китайцев о боге грома, воплощая идеи наказания, справедливости и защиты нравственности. «Гроза» становится связующим звеном между сюжетом текста и религиозно-философскими взглядами писателей: она тесно связана с языческими и христианскими идеями Островского, а также конфуцианскими, буддийскими и христианскими мыслями Цао Юя. Хотя отношение авторов к социальным порокам сходно, в тексте это выражено по-разному.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Островский, Цао Юй, гроза, язычество, конфуцианство, буддизм, христианство

для цитирования: Ван Вэньюй. Концепт «гроза» в одноименных пьесах «Гроза» А. Н. Островского и Цао Юя // Русская речь. 2026. № 1. С. 76–89. DOI: 10.7868/S3034592826010067.

The Language of Fiction

The Concept of 'Thunderstorm' in the Plays "The Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky and Cao Yu

Wang Wenyu, Institute of Foreign Language of Xiamen University (China, Xiamen), cбетaw@163.com

ABSTRACT: The article is devoted to the concept of 'thunderstorm' in the classical plays of Russia and China — "The Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky and "The Thunderstorm" by Cao Yu. It analyzes the influence of the 'thunderstorm' concept on plot development and its connection with the thunder-related culture and the religious views of the playwrights. The author concludes that in the works of Ostrovsky and Cao Yu, the literal and figurative meanings of the 'thunderstorm' concept are manifested to varying degrees. The concept of 'thunderstorm' in both works, besides its literal meteorological meaning of a thunderstorm with lightning and rain, also alludes to the catastrophic fate of the female protagonists, Katerina and Si Feng. Moreover, its inherent semantic features of intensity and turbulence reflect the restless and agitated psychological state of the characters. In both works, 'thunderstorm' not only indicates the weather conditions of the natural environment but also symbolizes the thunderous storm of social upheaval and transformation, hinting at the collapse of the old society and the arrival of a new era. It shows the shared cultural connotations of the thunder god in Russian and Chinese traditions, embodying the functions of divine judgment, the upholding of justice and morality, and the execution of punishment. 'Thunderstorm' serves as a pivotal connection between

the plot within the text and the authors' religious philosophies beyond it. It is closely related to Ostrovsky's polytheistic and Christian ideas, as well as Cao Yu's Confucian, Buddhist, and Christian influences. Although the authors share similar critical attitudes toward social ills, these are expressed differently in the texts.

KEYWORDS: Ostrovsky, Cao Yu, thunderstorm, paganism, Confucianism, Buddhism, Christianity

FOR CITATION: Wang Wenyu. The Concept of 'Thunderstorm' in the Plays "The Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky and Cao Yu. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 76–89. DOI: 10.7868/S3034592826010067.

А. Н. Островский (1823–1886) известен как «отец русской драматургии». «Гроза», созданная в 1859 г., является одним из шедевров Островского. В своей монографии «История русской литературы» Д. Мирский прокомментировал «Грозу» так: «Самое значительное произведение этого периода и несомненный шедевр Островского — *Гроза* (1860) <...> *Гроза* — редкий пример высочайшего шедевра, построенного исключительно на национальных материалах» [Святополк-Мирский 2006: 266]. Цао Юй (1910–1996) — выдающийся китайский драматург, которого называют «китайским Шекспиром». Написанная в 1934 г. пьеса «Гроза»¹ является его дебютным и знаменитым произведением, ставшим классическим в истории современной китайской литературы и признанным краеугольным камнем китайского драматического реализма. Го Мого писал, что «Гроза» Цао Юя — «редкая и превосходная драма в Китае» [Go Mogo 1959: 113]. Концепт «гроза» станет ключом к пониманию обеих пьес, анализу их культурных контекстов и религиозных мыслей авторов.

В современной лингвистике проблема изучения концептов стоит в центре внимания таких наук, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста и т. д. Концепт — это реальность познания, а не бытия, реальность эпистемологическая, посредством которой изучается отношение сознания к действительности, как оно выражено в языке (в его материальной ипостаси — речи) [Чернейко 2005: 66]. Концепт всегда включает в себя определенные оценки,

¹ Пьеса Цао Юя на китайском называется «雷雨», в русском переводе она имеет название «Гроза». Здесь и далее, где речь идет о русском переводе пьесы, имеется в виду следующее издание: Цао Юй. Гроза // Цао Юй. Пьесы: В 2 т. М.: Искусство, 1960. Т. 1. С. 7–158.

коннотации. Концепт «гроза» отражает взгляд А. Н. Островского и Цао Юя на объективный мир, их понимание и интерпретацию этого мира. Это основа построения художественных текстов и развития сюжета. Прежде чем представить характерные черты проявления семантического компонента концепта «гроза» в «Грозе» А. Н. Островского и Цао Юя, приведем лексикографическое описание лексемы «гроза».

«Гроза» в «Большом этимологическом словаре русского языка» толкуется как 'ад, ужас' [Багриновский (гл. ред.) 2020: 285]. В китайском языке слово 雷雨 [léi' yǔ] состоит из двух иероглифов: 雷 [léi] (гром) и 雨 [yǔ] (дождь). Иероглиф 雷 в словаре «Цзы Юань» расшифрован так: «На гадальных костях изображение напоминает путь молнии, а четыре точки внутри со временем трансформировались сначала в два символа 口 [kǒu] (рот), затем в два символа 田 [tián] (поле), что символизирует звук, возникающий после молнии» [Li Xueqin 2012: 1022]. В «Словаре происхождения и развития китайских иероглифов» отмечается, что иероглиф 雷 на гадальных костях состоит из компонента 申 [shēn], который напоминает растянутую молнию, а два круга символизируют раскаты грома. В бронзовых надписях к символу добавился компонент 雨, а круги трансформировались в четыре колесообразные фигуры, подчеркивая звучание раскатов грома [Gu Yankui 2013: 747].

В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова слово «гроза» описывается следующим образом: «1. Бурное ненастье с громом и молнией. 2. Существо или предмет, внушающие страх, ужас. 3. Суровое, устрашающее обращение, острастка (разг.)» [Ушаков (гл. ред.) 2000: 625]. В китайском языке семантика слова 雷雨 не совсем такая же. В «Словаре Синьхуа» 雷 трактуется следующим образом: «1. Сильный звук, возникающий при разряде между облаками. 2. Гнев или могущество. 3. Взрывное оружие, используемое в военном деле» [ХН: 282]. Согласно «Словарю современного китайского языка», 雷雨 определяется как «дождь, сопровождающийся громом и молнией, который часто идет летом во второй половине дня» [Lu Shuxiang 2016: 825].

Сравнение показывает, что, помимо буквального значения — дождливая погода с грозой в метеорологическом смысле, русское слово «гроза» имеет больше переносных значений, чем китайское слово 雷雨. Эти значения: сильное волнение, бедствие и страх, а также люди или предметы, вызывающие страх. Итак, имеет ли концепт «гроза» в пьесе Островского больше переносных значений, чем в пьесе Цао Юя? Это мы постараемся выяснить ниже.

В «Грозе» Островского «грозу» как метеорологическое явление мы наблюдаем главным образом в первом и четвертом действиях. О грозе говорят персонажи: «Что это братец нейдет, вон, никак, **гроза** заходит»; «Дождь

накрапывает, как бы **гроза** не собралась?»; «Никак, **гроза**? (Выглядывает.) Да и дождик»; «**Гроза** убьет! Не **гроза** это, а благодать!» [Островский 1959: 10, 27, 30].

Кроме того, слово «гроза» в тексте используется и в переносных значениях, например: «Вот она ему теперь надает приказов, одни другого **грозовой**»; «Да как знаю я теперича, что недели две никакой **грозы** надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?» [Островский 1959: 13, 15]. По контексту мы понимаем, что в обоих этих фрагментах употреблено переносное значение слова «гроза», а именно «более влиятельное», «словесное оскорбление, запугивание». Использование слова в этом значении ярко передает авторитет Кабанихи при воспитании своего сына Тихона.

«**Гроза**-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали» [Островский 1959: 28]. Эти строки отражают религиозное понимание Диким феномена грозы, а также общие представления простых людей того времени.

Помимо этого, на символическом уровне «гроза» не только обозначает напряженное и тревожное состояние главной героини, но и предвещает предстоящую катастрофу — ее трагический финал в пьесе. Кроме того, «гроза» символизирует социальные бури, связанные с переходом от старого к новому обществу.

В «Грозе» Цао Юя буквальное значение слова *гроза* ‘метеорологическое явление’ воплощается в пьесе с самого начала и до конца. Сюжет с первого по четвертое действие разворачивается в течение одного дня и сопровождается грозовой погодой. В отличие от Островского, Цао Юй больше описывает грозу в сценических ремарках, показывая весь процесс ее зарождения и разразившегося буйства. При этом писатель использует не только само слово «гроза», но и различные художественные приемы для изображения зарождения и раскатов грозы. «Хотя только что прошел сильный дождь, но по-прежнему невыносимо душно. Темное небо покрыто страшными, черными тучами... На темном, без звезд, небе время от времени вспыхивает молния... Еще ярче вспыхивает молния. Раскаты грома становятся все грознее, и опять воцаряется глубокая тишина» [Cao Yu 1960: 94]. Кроме того, Цао Юй использует различные выражения, передающие характер грозы. Например, он подробно описывает звуки с помощью слов и сочетаний «гулко», «громко раскатывается», а также изображает молнию фразой «полосы синевато-сверкающей молнии». Персонификация, как в случае использования слова «свиристый», помогает подчеркнуть характер грозы. Описание дождя выходит за рамки прямых упоминаний о его силе и масштабе и включает косвенные детали, такие как «река поднялась», «одежда полностью промокла», «дождевые капли

стекают по волосам». Упоминания грозы частично встроены в описания окружающей обстановки в начале каждого действия, а также присутствуют в диалогах и ремарках персонажей.

В китайских словарях переносное значение слова «гроза» отсутствует, и в «Грозе» Цао Юя его также нет. Однако в символическом смысле название «гроза» намекает на катастрофический финал истории, а его собственная семантика, связанная с бурей и потрясениями, отражает тревожное состояние персонажей. Как Фань И, так и Чжоу Пин, Лу Шипин, Сы Фэнь и Лу Дахай испытывают внутреннюю смуту и беспокойство из-за различных конфликтов и жизненных обстоятельств. Более того, «гроза» не только указывает на погодные условия, но и символизирует социальные бури и перемены, подобные грозам, подразумевая распад старого общества и наступление новой эпохи.

Подводя итог, можно сказать, что слово «гроза» в названиях обоих произведений обладает богатым смыслом. В русском языке оно имеет как буквальное значение, так и несколько переносных. В «Грозе» Островского представлены как метеорологическое значение, так и различные переносные смыслы. В китайском языке слово 雷雨 не акцентирует внимание на его переносных значениях, и в «Грозе» Цао Юя они не выражены. Однако на символическом уровне оба названия предвещают надвигающуюся катастрофу, указывают на внутренние волнения и тревогу главных героев, внешние конфликты и сложные социальные обстоятельства.

В «Грозе» Островского гроза оказывает огромное влияние на развитие сюжета, непосредственно влияет на мысли и поведение персонажей. Несмотря на то что название пьесы — «Гроза», описание грозы появляется не с самого начала, а только с девятого явления первого действия, где гроза вызывает страх у Катерины, усиливает ее внутреннюю борьбу, предсказывает катастрофу и как будто готовит почву для дальнейших страданий героини в поисках любви и при попытке сохранения верности. В четвертом явлении второго действия Кабанов использует грозу как метафору контроля и стиля материнского воспитания, намекая на будущие унижения. В третьем действии гроза отсутствует. В четвертом действии «гроза» присутствует как природное явление. Гуляющие молодые люди и девушки, проходящие за арками, ищут укрытия в узкой галерее. В это время они обсуждают росписи на стенах, уничтоженных огнем, и их сюжет — изображение геенны огненной. Островский намеренно связывает «грозу» с «геенной огненной», подчеркивая страшные свойства грозы и предвещая беду, создавая атмосферу ужаса. Катерина почувствовала себя еще более грешной и потерянной. Во время прогулки по аллее Катерины с мужем и свекровью раздается гром. От подозрений свекрови Катерина испытывает все большее страдание. В пятом и шестом явлениях

четвертого действия писатель продолжает через реплики гуляющих описывать приближение грозы, усиливая атмосферу ужаса. В конце концов, мучения Катерины, охваченной чувством вины, возрастают вместе с громом, и под давлением этих чувств она открывает своему мужу и свекрови тайну о встрече с Борисом. Сюжет под воздействием грозы достигает кульминации. Таким образом, гроза напрямую участвует в развитии основных событий, в решающие моменты она диктует действиями героини, выступая катализатором сюжета.

В «Грозе» Цао Юя в начале каждого действия драматург подробно описывает весь процесс возникновения грозы от начала до вспышки. Этот природный феномен, с его постепенным нарастанием, раскатом, временным затишьем и новым всплеском, символично сопровождает развитие сюжетной линии: от начала до кульминации, временного спада и повторного обострения. Гроза становится аккомпанементом для развития драматического сюжета. В первом действии душная погода перед грозой подчеркивает напряженную и унылую атмосферу начала истории, символизируя подавленные чувства персонажей и намекая на предстоящие конфликты между ними. Во втором действии с помощью ремарок и реплик Чжоу Пуюаня создается реалистичное описание мрачной погоды перед грозой, что усиливает обострение противоречий и напряженную атмосферу перед катастрофой. В третьем действии изображается временное затишье между первой и следующей грозами, акцентируется внимание на процессе зарождения еще более разрушительной грозы. В четвертом действии история снова переносится в особняк Чжоу. Автор связывает вспышки молний с электропроводкой, намекая на предстоящую трагедию. Чжоу Пин планирует сбежать вместе с Сы Фэнь. Однако, узнав о том, что они единокровные брат и сестра, Сы Фэнь оказывается потрясена этим открытием. Она не может принять ужас правды — отец ее ребенка в утробе и любимый человек оказывается ее братом. В состоянии шока она выбегает и погибает от удара током. Чжоу Чун пытается ее спасти и также гибнет: в финале Чжоу Пин кончает жизнь самоубийством, выстрелив в себя из пистолета. Развитие сюжета сопровождается непрерывным грохотом грозы, которая достигает своей кульминации и ведет пьесу к трагическому финалу. Гроза выступает аккомпанементом, идеально синхронизированным с ритмом повествования и создающим уникальную атмосферу произведения.

Концепт — это имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную) [Чернейко 2005: 65]. Индивид несет в себе черты менталитета нации, не осознавая этого, не понимая, что его представления

о картине мира связаны с его языковым сознанием. Мы воспринимаем мир как носители определенного языка, а следовательно, определенной культуры, благодаря тому что наш выбор при интерпретации тех или иных понятий обусловлен и предопределен языком и привычками нашего общества [Нечаева 2007: 165]. Две пьесы «Гроза» также отражают сходные культурные коннотации о божестве грома у русских и китайцев. Русский Перун символизирует справедливость и защиту нравственности, тогда как в китайской культуре, будь то древние народные представления о божестве грома или образы Лэйшэня или Лэйгуна в морально-этической системе, этот персонаж обладает двойственной природой, сочетая в себе добро и зло, он способен как поддерживать феодальную систему и этику, так и наказывать за проступки.

В обеих пьесах поступки Катерины и Сы Фэнь на разных уровнях символизируют трагедию наказания грозой. Во-первых, как Катерина, так и Сы Фэнь нарушили морально-этические нормы российского и китайского обществ того времени. Катерина, будучи замужней женщиной, встречалась с другим мужчиной, что противоречило как семейным правилам, так и религиозным нормам. Сы Фэнь, будучи дочерью крестьянина, повторила судьбу своей матери, вступив в любовные отношения с представителем богатого сословия, что в древнем Китае, где ценились браки по принципу равного социального статуса, считалось нарушением и вызовом феодальным нормам и устоям. Кроме того, ситуация становится еще более серьезной из-за того, что возлюбленный Сы Фэнь, Чжоу Пин, оказывается ее единокровным братом, что делает их отношения incestом, обреченным на трагическую развязку. Во-вторых, и Катерина, и Сы Фэнь нарушили свои клятвы, а наказание за нарушение клятв является общим элементом верований о божестве грома как в русской, так и в китайской культурах. Таким образом, обе пьесы содержат схожий трагический сюжет наказания грозой: обе героини, нарушив этику и клятвы, поплатились за это своими жизнями.

Обе пьесы по-разному трактуют наказание грозой для двух главных героинь. В «Грозе» Островского гроза является непосредственным поводом для покаяния Катерины. В нескольких фрагментах через ремарки или реплики персонажей гроза оказывается связана с такими образами, как «геенна огненная», «смерть», что в определенной степени отражает внутренние переживания Катерины. В пятом явлении четвертого действия, когда персонажи пьесы говорят о том, что гроза может убить, Катерина, находясь под тяжким гнетом вины и страха перед возможным наказанием, наконец признается в своих поступках. Это признание становится решающим моментом в ее трагической судьбе. Оскорбления мужа и свекрови, сплетни в городе оказываются для нее невыносимыми, и она решает

покончить с собой, утопившись в реке. Катерина кается без надежды, в отчаянии, не в силах дольше скрывать свою неверность. Она не видит другого исхода, кроме смерти, и именно полное отсутствие надежды на прощение толкает ее на самоубийство — грех еще более тяжкий с точки зрения христианской морали [Журавлева 2002: 391].

В «Грозе» Цао Юя сильная гроза приводит к тому, что старые электрические провода не могут быть вовремя починены. Узнав о родственных связях с Чжоу Пином, Сы Фэнь испытывает сильный психический шок, выбегает из комнаты, случайно дотрагивается до провода и погибает от удара током. Так электрический провод становится инструментом наказания, «осуществляемого» грозой. Кроме того, Цао Юй также выражает идею наказания грозой через слова матери Сы Фэнь: *«А-а! Небо знает, кто совершил преступление, кто причинил это зло! Они оба — несчастные дети, они не знают, что делают. Боже, если надо нести кару, то пусть эту кару буду нести одна я: я первая совершила ошибку»* [Cao Yu 1960: 149].

Таким образом, различие между трагическими судьбами двух героинь заключается в том, что смерть Сы Фэнь является несчастным случаем, и она, столкнувшись с этим судом, не осознавала его как наказание. Катерина, наоборот, сама выбирает смерть. Это можно интерпретировать двумя способами. С одной стороны, смерть Катерины может рассматриваться как наказание грозой за нарушение моральных норм. Она не имеет достаточной силы воли, чтобы отстоять свое право на свободу и любовь, даже соглашается с мнением других, что она заслуживает наказания. С другой стороны, смерть Катерины также отражает другую функцию Перуна в культуре верований — защиту народа и очищение. Гроза — символ наказания за грех, но это также символ очищения, покаяния души... Пройдя через духовные испытания, через душевную грозу, героиня нравственно очищается... [Костылева 2003: 61].

Концепт насыщается содержанием, отражающим представление о мире человека говорящего (в нашем случае — автора художественного текста), именно в условиях лингвокультуры. Художественный текст определяется как результат «овнешнения» сознания писателя. Он есть хранилище культуры, формирующее языковую картину мира (см. подробнее [Нечаева 2007]). Наказание грозой главных героинь отражает не только сходство верований о боге грома у двух народов, но и религиозные мысли двух драматургов.

Хэ Юньбо отметил: «Привязанность русских писателей к религии <...> является попыткой самоспасения человечества и поиска его высшей ценности, что формирует религиозный дух» [He Yunbo 1997: 82]. Островский не исключение. Он сам происходил из семьи с глубокой религиозной традицией: его отец был сыном священника, а мать — дочерью церковного

служителя. Поэтому он был особенно хорошо знаком с православным религиозным мышлением и традициями. Кроме того, язычество, господствовавшее в Древней Руси, сохранилось в подсознании народа. Как и большинство русских, Островский находился под глубоким влиянием как язычества, так и христианства, что существенно определяло его мировоззрение и философские идеи. Перун — бог грозы. Наказание «грозой» в «Грозе» отражает религиозную мысль язычества Островского.

Кроме того, наказание в «Грозе» тесно связано с христианским мировоззрением Островского, что проявляется в таких концепциях, как «первородный грех», «христианская этика» и «спасение». Во-первых, в страхе перед наказанием грозой отражаются идеи «первородного греха». Катерина многократно упоминает свои грехи, и мысль о том, что она может быть наказана или предстать перед Богом из-за своего греха, заставляет ее содрогаться. Во-вторых, наказание грозой направлено против нарушений христианской этики главной героиней. Култ Перуна, стоящий за этим наказанием, с одной стороны, поддерживает феодальный моральный порядок России, с другой — защищает христианскую этику. Механизм наказания с небес также соответствует христианскому подходу, согласно которому наказание исходит от Бога. В четвертом действии, когда обсуждается «литовское разорение», говорится, что «оно на нас с неба упало». Большинство жителей города Калинова, где разворачивается действие, включая Катерину, являются набожными христианами. Они верят, что гроза накажет тех, кто совершил грех. Наконец, самоубийство Катерины становится актом спасения ее души: христианство включает не только «первородный грех» и «наказание», но и идеи «спасения», «прощения» и «любви». Во время грозы, символизирующей наказание Бога, покаяние Катерины становится путем к спасению и прощению. В глазах Кабановой и других жителей, лишенных способности к прощению и любви, вина Катерины была неискупимой, и большинство других жителей Калинова придерживались этой же точки зрения. Кулигин, который способен увидеть красоту грозы, говорит: «Она теперь перед судьей, который милосерднее вас!» [Островский 1959: 37]. После смерти Катерина сохраняет все признаки, которые, согласно народным поверьям, отличают святого человека от простого смертного — она, мертвая, выглядела как жива. «...А точно, ребята, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна капелька крови» [Островский 1959: 37]. Действительно, гроза смыла грехи Катерины, и через свою смерть она достигла нового начала, завершив процесс перехода в загробный мир.

Таким образом, наказание грозой в «Грозе» Островского демонстрирует языческие и христианские идеи автора, становясь связующим звеном между сюжетом в тексте и религиозной мыслью автора вне текста.

В Китае конфуцианство, буддизм и даосизм стали тремя основными религиозными столпами, которые тесно переплелись друг с другом, причем конфуцианство стало ведущим направлением, глубоко повлиявшим на культурные познания и образ мышления китайского народа. Цао Юй, будучи китайским писателем, неизбежно находился под сильным влиянием конфуцианских идей. Более того, у Цао Юя были глубокие связи с буддистской культурой: родители Цао Юя были искренне привержены буддизму, в детстве он даже читал буддийские сутры вместе с отцом. В университете он изучал философские произведения — от Лао Цзы и буддизма до христианства и Карла Маркса [Uve Klaut 1981: 34]. Помимо влияния традиционных китайских религиозных мыслей, Цао Юй испытал значительное воздействие западных религиозных концепций, в первую очередь христианства. Он говорил: «Я довольно рано познакомился с Библией, в детстве часто ходил в церковь. <...> В то время я, может быть, искал ответы на вопросы жизни» [Cao Yu 1985: 18]. В «Грозе» Цао Юя присутствуют многочисленные элементы христианства, такие как церковь, монахини, крест и Библия. Наказание грозой тесно связано с конфуцианскими представлениями автора. В феодальной этической системе, проповедуемой конфуцианством, особое внимание уделяется семейным отношениям: «государь — пример для подданных, отец — пример для сына, муж — пример для жены», «государь должен быть государем, отец — отцом, сын — сыном». В случае нарушения этих норм человек подвергается не только социальным санкциям, но и наказанию со стороны природы. В «Грозе» Чжоу Пуюань нарушает конфуцианские морально-этические принципы семейной жизни и совершает порочные поступки, что предопределяет наказание. В результате оба его сына погибают, а две любимые женщины сходят с ума, испытывая страдания хуже смерти. Чжоу Пин, Чжоу Чун, Фань И и Сы Фэн также нарушили этические нормы и в итоге подверглись сверхъестественному наказанию.

Наказание грозой отражает буддийскую концепцию кармы в религиозной мысли автора, где «карма подчеркивает роль морали в преобразовании жизни: злые деяния приводят к злым последствиям, добрые деяния — к добрым, а мораль становится решающим фактором самобразования в будущей жизни» [Fang Litian 2002: 110]. Кровосмесительные отношения Сы Фэн, Чжоу Пина и Фан И являются «причиной», а их трагическая судьба — «следствием». Кроме того, буддийская концепция кармы передается от родителей к потомкам. Ошибки, допущенные Ши Пином и Чжоу Пуюанем, также привели к наказанию их потомков: Сы Фэн была вынуждена принять реинкарнацию судьбы и повторила трагический путь своей матери, а Чжоу Чун подвергся жестокому наказанию

из-за ошибок своего отца. Таким образом, идея буддийской кармы и характер наказания грозой полностью совпадают.

Наказание грозой в «Грозе» Цао Юя также связано с христианской мыслью автора. Главные герои пьесы подвержены влиянию концепции «греха» и «покаяния» в христианстве. Чжоу Пуюань испытывает вину из-за своего предательства Ши Пину и демонстрирует ложное покаяние. Лишь после трагедии, разыгравшейся в ночь грозы, когда его семья оказывается разрушенной, он, подвергнувшись жестокому наказанию, окончательно обращается к христианству. Чжон Пин страдает из-за своих кровосмесительных отношений с мачехой Фань И и пытается найти утешение в Сы Фэн. Однако его попытки раскаяния лишь приводят к еще большему греху — романтическим отношениям между братом и сестрой. В итоге, терзаемый мыслью «первородного греха», Чжоу Пин совершает самоубийство. Гроза является связующим звеном трагической судьбы всех персонажей, связанных с «первородным грехом» и «покаянием».

Концепт «гроза» становится ключевым ядром пьес, через него раскрываются семейные конфликты, обличаются социальные реалии, критикуются недостатки общества и отражается народное сопротивление деспотизму и социальной несправедливости. Многозначность символа «грозы» тесно связана с содержанием обеих пьес, выступая катализатором и аккомпанементом сюжета. Культура бога грома, скрывающаяся за концептом «грозы», имеет глубокую связь с судьбами персонажей и религиозными мыслями писателей.

Источники

Островский А. Н. Гроза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 37 с.

Цао Юй. Гроза // Цао Юй. Пьесы.: В 2 т. М.: Искусство, 1960. Т. 1. С. 7–158.

Литература

Багриновский Г. Ю. (гл. ред.). Большой этимологический словарь русского языка. М.: Ко-
либри, Азбука-Аттикус, 2020. 1184 с.

Журавлева А. И. «Гроза» А. Н. Островского // Русская трагедия. Пьеса А. Н. Островского «Гроза» в русской критике и литературоведении. М.: Азбука-Классика, 2002. С. 378–395.

Костылева Э. С. Образы народной мифологии в пьесе А. Н. Островского «Гроза» // Филологический класс. 2003. № 10. С. 59–63.

- Нечаева Е. Ф., Мареева Е. А. Когнитивный и лингвокультурологический подходы к определению концепта // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3 (3). С. 164–167.
- Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2006. 872 с.
- Ушаков Д. Н. (гл. ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Астрель, АСТ, 2000. 1562 с.
- Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС, 2005. С. 43–73.
- 曹禺. 论戏剧[M]. 成都: 四川文艺出版社. 1985. 272页.
- 方立天. 中国佛教哲学要义(上)[M]. 北京: 人民文学出版社. 2002. 1269页.
- 谷衍奎. 汉字源流字典[M]. 北京: 华夏出版社. 2013. 1200页.
- 郭沫若. 《关于曹禺的<雷雨>》, 载《沫若文集》第11卷, 北京: 人民文学出版社. 1959. 第113–118页.
- 何云波. 陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神[M]. 长沙: 湖南教育出版社. 1997. 272页.
- 李学勤. 字源[M]. 天津: 天津出版传媒集团. 2012. 1420页.
- 吕叔湘. 现代汉语词典[M]. 第七版, 北京: 商务印书馆. 2016. 1888页.
- 乌韦·克劳特. 《戏剧家》//人物, № 4. 1981. 第30–36页.
- XH – 新华辞书社编/新华字典—6版.—北京: 商务印书馆. 2004. 689页.

References

- Bagrinovskii G. Yu. (ch. ed.) *Bol'shoi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The great etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Kolibri, Azbuka-Attikus Publ., 2020. 1184 p.
- Cao Yu. *On drama* [M]. Chendu, Sichuan Literature and Art Publishing House, 1985. 272 p.
- Cherneiko L. O. [Basic concepts of cognitive linguistics in their interrelation]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*, 2005, no. 30, pp. 43–73. (In Russ.)
- Fang Litan. *Essentials of Chinese Buddhist Philosophy*. Volume 1. [M]. Beijing, People's Literature Publishing House Co., Ltd., 2002. 1269 p.
- Go Moro. [On Cao Yu's "The Thunderstorm"]. *The Collected Works of Mo Ruo*, vol. 11, Beijing, People's Literature Publishing House Co., Ltd., 1959, pp. 113–118. (In Chinese)
- Gu Yankui. *Dictionary of the origins and evolution of Chinese characters* [M]. Beijing, Huaxia Publishing House, 2013. 1200 p.
- He Yunbo. *Dostoevsky and the spirit of Russian culture* [M]. Changsha, Hunan Education Publishing House, 1997. 272 p.
- Kostyleva E. S. [Images of folk mythology in A. N. Ostrovsky's play "The Thunderstorm"]. *Filologicheskii klass*, 2003, no. 10, pp. 59–63. (In Russ.)

- Li Xueqin. *The Origin of Hieroglyphs* [M]. Tianjin, Tianjin Publishing and Media Group Co., Ltd., 2012. 1420 p.
- Lu Shuxiang. *Dictionary of modern Chinese language* [M]. 7th ed. Beijing, The Commercial Press, 2016. 1888 p.
- Nechaeva E. F., Mareeva E. A. [Cognitive and linguocultural approaches to defining a concept]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2007, no. 3 (3), pp. 164–167. (In Russ.)
- Svyatopolk-Mirskii D. P. *Istoriya russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [History of Russian literature from the earliest times to 1925]. Translated from English by R. Zernova. 2nd ed. Novosibirsk, Svin'in i Synov'ya Publ., 2006. 308 p.
- Ushakov D. N. (ch. ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel Publ., 2000. 1562 p.
- Uve Klaut. [Playwright]. *Personality*, 1981, no. 4, pp. 30–36. (In Chinese)
- XH — *Xinhua dictionary*. 10th ed. Beijing, The Commercial Press, 2004. 689 p.
- Zhuravlyova A. I. ["The thunderstorm" by A. N. Ostrovsky]. *Russkaya tragediya. Pyesa A. N. Ostrovskogo "Groza" v russkoi kritike i literaturovedenii* [Russian Tragedy: A. N. Ostrovsky's Play "The Thunderstorm" in Russian Criticism and Literary Studies]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2002, pp. 378–395. (In Russ.)

Драгоценные камни как образное воплощение времени в русской поэзии Серебряного века

Мария Михайловна Парочкина, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Россия, Москва), mkeang@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826010079

АННОТАЦИЯ: В статье интерпретируются языковые средства и способы презентации такой текстовой категории, как художественное время, в творчестве поэтов Серебряного века (на примере произведений А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта, В. Брюсова, В. Иванова, И. Анненского, М. Волошина, Ф. Сологуба). Цель статьи — анализ тропов, в основе которых лежат названия драгоценных камней, и их роли в отражении авторского мировосприятия. Выявлено, что минералогическая лексика, участвующая в реализации временных понятий, преимущественно представлена компаративными тропами: метафорами (метафорами-загадками, генитивными метафорами, перифразами), сравнениями, а также метафорическими эпитетами. Выделены два способа выражения временных значений с помощью «ювелирной метафорики»: эксплицитный, когда художественный текст непосредственно содержит слова с временной семантикой, и имплицитный, когда значение времени восстанавливается из контекста. Кроме наименований собственно драгоценных (полудрагоценных) камней, в статью включены в качестве образов сравнения ряд элементов из родственного по тематике семантического класса — «Украшения из камней» (бисер, бусы, ожерелье). Рассмотрена роль «ювелирной метафорики», воплощающей темпоральные представления, в реализации важнейших мотивов поэзии

Серебряного века: огня-света, смерти-возрождения, памяти-забвения, надежды, «вечного повторения».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хронотоп, время, компаративные тропы, «ювелирная метафорика», драгоценный камень, мотив, поэтическая картина мира, контекст

для цитирования: Парочкина М. М. Драгоценные камни как образное воплощение времени в русской поэзии Серебряного века // Русская речь. 2026. № 1. С. 90–103. DOI: 10.7868/S3034592826010079.

The Language of Fiction

Gemstones as a Figurative Embodiment of Time in Russian Poetry of the Silver Age

Mariya M. Parochkina, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University
(Russia, Moscow), mkeang@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the language tools and ways of representing such a textual category as artistic time in the Silver Age poets' works (using the example from the works of A. Bely, A. Blok, K. Balmont, V. Bryusov, V. Ivanov, I. Annensky, M. Voloshin, F. Sologub). The purpose is to analyze the tropes based on the names of gems and their role in reflecting the author's world view. It is revealed that the mineralogical vocabulary involved in the implementation of temporal representations is mainly constitutes of comparative tropes: metaphors (riddle metaphors, genitive-case metaphors, paraphrases), comparisons, as well as metaphorical epithets. Two ways of expressing temporal meanings with the help of "gemstone imagery" have been identified: the explicit one, when a literary text directly contains words with temporal semantics, and the implicit one, when the meaning of time is inferred from the context. Besides the names of precious (semi-precious) stones proper, the article includes a number of items from the semantic class "jewellery made of stones" (pearls, beads,

necklaces) as comparative images. The article explores the role of “gem-stone imagery” in the implementation of the most important motifs of the Silver Age poetry: fire and light, death and rebirth, memory and oblivion, hope, “eternal recurrence”.

KEYWORDS: chronotope, time, comparative tropes, “jewelry metaphors”, gem-stone, motive, world perception, context

FOR CITATION: Parochkina M. M. Gemstones as a Figurative Embodiment of Time in Russian Poetry of the Silver Age. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 90–103. DOI: 10.7868/S3034592826010079.

Введение

Традиционное и для фольклора, и для литературы уподобление временных отрезков драгоценным камням становится в русской поэзии Серебряного века органичной частью мотивно-образной структуры. Более того, по мнению ряда исследователей, «ювелирная метафорика» получает в это время значение устойчивой поэтической универсалии [Ханзен-Леве 1999; Шилкина 2004; Кожевникова 1986, 2017; Павлович 1999; Фатеева 2019]. Роль образных средств, основой для которых послужили названия драгоценных камней, в творчестве отдельных авторов так велика, что «ювелирная метафорика» в их произведениях неоднократно становилась объектом научного изучения, см. работы [Таран 2005; Кеангели 2010, 2011; Кожевникова 1992; Тарумова 2024; Налегач 2012].

Данная статья представляет собой попытку интерпретации языковых средств и способов репрезентации такой текстовой категории, как **художественное время**, в творчестве поэтов Серебряного века (на примере произведений А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта, В. Брюсова, В. Иванова, И. Анненского, М. Волошина, Ф. Сологуба). В частности, анализируются тропы, в основе которых лежат названия драгоценных (полудрагоценных) камней, и их роль в отражении авторского мировосприятия. В контексте поставленной задачи интересно рассмотреть работу Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы» [Кожевникова, Петрова 2017], в 4-м выпуске которой — «Камни, металлы» — представлен раздел, посвященный тропам, основанным на сравнении времени с камнями (в т. ч. драгоценными) [Кожевникова, Петрова 2017; 164–168]. Кроме того, подразделы «Части суток» и «Времена года, месяцы» включены в раздел «Окружающий мир» [Кожевникова, Петрова 2017; 221–227, 227–229], а также подраздел «Жизнь, смерть, возраст» — в раздел «Человек». Так, в разделе «Время» собраны тропы,

в основе которых сопоставление времени с жемчугом и сапфиром. В «Частях суток» и «Временах года...» такие темпоральные категории, как *ночь, вечер, день, утро, час, осень, зима, весна и лето*, представлены тропами, в основе которых лежат сравнения с хрусталем, сапфиром, изумрудом, бриллиантом, жемчугом и др. Из анализируемых в нашей работе произведений в «Материалах...» в указанных разделах приводятся примеры из лирики М. Волошина, А. Блока, В. Брюсова.

В качестве элементов категории времени мы рассматриваем лексические средства, номинирующие единицы измерения времени (*час, минута*), единицы, обозначающие природные ритмы (*весна*), части суток (*утро, вечер*) или отражающие **временную характеристику событий** (*настоящее, прошлое*), **обобщающие единицы времени** без точного указания границы временного отрезка (*время, вечность, жизнь*).

Помимо анализа способов репрезентации категории времени с помощью «ювелирной метафорики», задачей статьи также является рассмотрение роли указанной метафорики в структуре важнейших мотивов поэзии Серебряного века.

Кроме наименований собственно минералов, в статью включены в качестве образов сравнения ряд элементов из близкого по тематике семантического класса — «Украшения из камней»: *бисер, бусы, ожерелье*, а также синонимический ряд: *жемчуг — перламутр*.

При работе над статьей использовался корпус поэтических текстов из сборников стихов А. Белого, К. Бальмонта, В. Брюсова, В. Иванова, И. Анненского, М. Волошина, Ф. Сологуба, А. Блока, относящихся к разным периодам их творчества. Вследствие ограниченности объема статьи приводятся лишь те контексты, которые в наибольшей степени представляли интерес с точки зрения поставленных задач.

Языковые средства и способы репрезентации темпоральных представлений в лирике Серебряного века

Использование минералогической лексики при конструировании тропов позволяет авторам создавать яркие, эстетически насыщенные образы, поскольку данные лексемы наделены большим семантическим потенциалом, включают коннотации, способные создавать глубокий символический, исторический и культурный подтекст. Мы согласны с С. В. Таран, утверждающей, что зачастую основанием для поэтической метафоризации становятся «светоцветовые ощущения, связанные с минералами и драгоценными камнями» [Таран 2013: 52]. Говоря о «ювелирной метафорике», участвующей в реализации представлений о времени, включенном в хронотоп произведений, необходимо отметить, что зачастую поэтический

контекст непосредственно содержит слово с временной семантикой, но иногда значение времени восстанавливается из контекста. В первом случае мы говорим об эксплицитном выражении темпоральных представлений, во втором — об имплицитном. Но в обоих случаях художественные тексты характеризуются разнообразными соотношениями между словами в прямом и не прямом значении. В подавляющем большинстве «ювелирная метафорика» представлена компаративными тропами: метафорами (метафорами-загадками, генитивными метафорами, перифразами), сравнениями. Многочисленную группу составляют метафорические эпитеты. Так, можно наблюдать, как стихотворный ряд включает в себя слово в прямом значении и метафоры разных типов: «*Есть демон утра. Дымно-светел он, Золотокудрый и счастливый. <...> Весь — перламутра переливы*» (Блок), где сочетается генитивная метафора, содержащая номинацию «утро» в прямом значении (*демон утра*), с перифразой (*перламутра переливы*). Предикативную метафору, объединенную с перифразами, находим у А. Белого: «*День — жемчуг матовый — слеза — Течёт с восхода до заката*». Сравним с М. Волошиным: «*Как в степях халдейские волхвы, Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи Пью алмазы влажной синевы*», где слово в прямом значении сочетается с перифразой (*Ночь-Фиал*) и далее стихотворный ряд осложняется метафорой алмазы синевы. У А. Блока: «*А под сводами ночными Плыли тени пустоты, Догорали хрустали*» — метафора ночными сводами, содержащая прилагательное в прямом значении (*ночными*), сочетается с метафорой-загадкой (*догорали хрустали*).

Весьма распространены генитивные метафоры: «*Зеркальных утр лучистые кристаллы*» (Волошин); «*Озарен лазулитамы лет*», «*Тот же ветер столетий плеснул, Отмелькал ожерельями дней*» (Белый); «*Белела звезда отрады Над жемчугом утра вдали*» (Иванов); «*Ты — тот май и та весна, Жемчуг утр и роз январь!*» (Брюсов). Сочетание предикативной метафоры с метафорой-загадкой: «*В дали, благостно сверкающей, Вечер быстро бисер нижет*» (Брюсов); «*Когда, сжигая синеву, Багряный день растёт неистов, Как часто сумрак я зову, Холодный сумрак аметистов*» (Волошин). У И. Анненского ночь — любимое время лирического героя — это «пространство» сна. Используя метафору-загадку и слова в прямом значении, поэт дает опосредованное указание на это время суток через «символику сна», представленного как состояние «между граней аметиста» (подробнее см. [Налегач 2012: 52]). В данном случае можно говорить о так называемом имплицитном выражении темпоральных представлений:

*Глаза забыли синеву,
Им солнца пыль не золотиста,
Но весь одним я сном живу,
Что между граней аметиста.*

Временные коннотации появляются и в метафорах, которыми К. Бальмонт описывает предутреннее небо. Здесь мы также говорим об имплицитном выражении такой темпоральной категории, как «утро»:

*В небе — и блеск изумруда, и блеск янтаря,
Нежных малиновок песни кристальные льются:
«Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!»*

У М. Волошина находим: «Скрыты горы синью пятен и линий — Переливами **перламутра**... Точно кисть лиловых бледных глициний, **Расцветает утро**». Цветовое впечатление от рассвета представлено сложным образом рядом, объединяющим предикативную метафору *расцветает утро*, генитивную метафору *переливами перламутра* и сравнение *точно кисть лиловых бледных глициний*. В данном случае мы видим характерный для Волошина прием, выражающийся в синтезе поэтического и живописного начал, когда для поэта одинаково важны и наглядность художественных деталей, и значимость цветовых слов (подробнее см. [Таран 2013: 52–54]).

Распространено выражение темпоральных представлений с помощью сравнения: «**Бурмидским жемчугом** взлетело **утро**» (Белый); «**И были дни, как муть опала, И был один, как аметист**» (Волошин); «**Я помню день — как щит лазурный**» (Брюсов); «**Мгновенье вечно благовествует, Секунда — атом, живой алмаз**» (Бальмонт).

«Ювелирная метафорика», участвующая в реализации темпоральных представлений в поэзии рассматриваемого нами периода, также представлена метафорическими эпитетами: «**Твои жемчужные утра**» (Анненский); «**янтарный час**», «**Жизнь — бирюзовую волну Разбрызганная глубина**» (Белый). У В. Брюсова находим минералогические лексемы, выступающие в роли эпитетов при слове «день»:

*Закатный блеск! Огонь алтарный!
Ты слепо принимаешь тень,
И гаснешь, веря в лучезарный,
Жемчужный, бирюзовый день.*

В колоративах **жемчужный, бирюзовый** актуализирована в первую очередь семантика блеска, сияния, что подчеркивается появлением в контексте слова «лучезарный». Кроме того, для Брюсова характерны составные эпитеты, призванные отразить стремление поэта уловить мгновение и воссоздавать переменчивое состояние души от краткого впечатления: «**Везде — торжественно и чудно, Везде — сиянья красоты, Весной стоцветно-изумрудной, Зимой — в раздольях пустоты**».

Эпитет может сочетаться с разнотипными метафорами. У М. Волошина: «**В янтарном забыты полуденных минут С тобою схожие проходят жены**»

(генитивная метафора осложнена метафорическим эпитетом); у А. Блока: «*Синеет день хрустальный*» (предикативная метафора и метафорический эпитет). У Блока также находим:

*Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.*
(из цикла «Её прибытие». 1904 г.)

*В час утра, чистый и хрустальный, <...>
Восторг души первоначальный
Вернёт ли мне моя земля?*
(«Все это было, было, было». 1909 г.).

Разделенные несколькими годами, стихотворения объединены общим мотивом надежды. *Хрустальный час* — это, в первую очередь, время надежды. В произведении 1904 г. мотив надежды связан с образом Прекрасной Дамы: в рукописи цикл «Её прибытие» озаглавлен «Из поэмы «Прибытие Прекрасной Дамы» (первые семь глав)». Сам Блок в примечаниях к собранию сочинений 1912 г. писал, что включает эту поэму, несмотря на ее слабость и незавершенность, именно как характерную для того времени, как посвященную различным «несбывшимся надеждам» [Блок 1960: 392]. Во «Всё это было...» мотив надежды связан с возвратом к прошлому. По словам К. Г. Исупова, в поздних произведениях Блока память осознается как «последнее верное средство осмысленной удержанности в бытии, <...> повышается ценностный ранг памяти» [Исупов 1991: 12]. Герой подводит итоги жизни («*Всё это было, было, было, Свершился дней круговорот*») и заглядывает в будущее. Он рассуждает о смерти, но при этом не верит, что «в новой жизни, непохожей» забудет «прежнюю мечту», забудет все, что так страстно любил. Несомненно, что основное значение эпитета *хрустальный* здесь — это «прозрачный, незамутненный». Таким образом, возвращение к прошлому в стихотворении осмысливается как положительно-конструктивное.

Роль «ювелирной метафорики» в структуре мотивов поэзии Серебряного века

На наш взгляд, в большинстве представленных контекстов «ювелирная метафорика», воплощающая представления о времени, участвует в реализации мотива *огня-света* — важнейшего в поэзии Серебряного века. Образ огня, символизирующего высшую материю, трансцендентную энергию, невидимо наполняющую весь земной мир, был воспринят

поэтами Серебряного века из философии В. Соловьева. Именно тема огня-света становится лейтмотивом в книге А. Белого «Золото в лазури». Эфир и хаос горения «вина мирового» — это прообраз грядущего мира, который возникнет после слияния Божественной Лазури (Софии) с хаосом (землей): *«Пожаром склон неба объят... <...> Все небо в рубинах. Шар солнца почил»*, где поэт использует сочетание слова в прямом значении (небо) и метафору-загадку (в рубинах). Позитивная направленность цвета проявляется только тогда, когда он стоит в одном синтагматическом ряду с Золотом, Лазурью (Бирюзой), Зарей, т. е. символами «верха», которые и формируют положительную семантику цвета — *«золотой янтаряющий час»*. Подобно Брюсову и Волошину, Белый в своих образах нередко «смешивает» зрительное и осязательное начала, чтобы подчеркнуть экспрессию и многообразие чувств героя в ожидании чуда. В стихотворении «Поэт, — ты не понят людьми» непониманию людьми лирического героя противопоставлены *«бирюзовая Вечность»* и весна, которая *«омыта лазурью»*. Здесь представлены два временных образа: весна как символ обновления и силы лирического героя и вечность как знак приобщения к безграничной вселенской мудрости. Положительная семантика временных образов передается посредством свето-цветовых характеристик (метафорический эпитет *бирюзовая* и предикативная метафора *омыта лазурью*).

С драгоценными камнями в поэзии Серебряного века связан еще один образ времени — *нить, украшенная самоцветами*. Этот образ вводит широкий пласт фольклорных и литературных представлений о символах «нити» и «ткани», генетически восходящих к космогоническому мифу «мирового полотна», которое плетут властители судеб, персонифицированные в образах Парки, Ананке, сестер мойр и т. д. В поэзии раннего символизма образ нити связан с символикой опутывающей человека «паутины» или пленившего его «лабиринта», выступающих олицетворениями замкнутости пространства, его конечности и одновременно беспредельности, а главное, «неистинности». Мы предполагаем, что образ «время — нить с драгоценными камнями» в ряде поэтических произведений рассматриваемого нами периода является своеобразным воплощением одного из главных символистских мифов — мифа «вечного повторения». Так, по нашему мнению, метафора *жемчужная нить* в стихотворении Ф. Сологуба «Он не знает, но хочет» (1902 г.) является имплицитным выражением такой временной категории, как «жизнь»:

*Умереть или жить, <...>
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно — умереть или жить.*

В мифопоэтической традиции ожерелье — символ соединения, рассыпанные бусы — символ расчленения. У Сологуба можно наблюдать, как нивелируется грань между этими понятиями. Завязывание «жемчужной нити» имеет своим результатом петлю — это образ из системы символов, формирующих мифологему смерти. Метафора «время — нить с драгоценными камнями» приобретает иное, по сравнению, например, с произведениями XIX в., значение, что связано с особым восприятием темпоральных категорий представителями раннего символизма, где наиболее значимым становится образ времени-круговорота, являющийся знаком однообразности, скучной бессмысленности и повторяемости происходящего. Так и в стихотворении Ф. Сологуба образ завязывающейся «жемчужной нити» вводит мотив бесконечно-безысходного, «страшного» возвращения, повторения одного и того же (о мотиве «вечного повторения» см. работы [Ханзен-Леве 1999: 120–122; 295–297; Максимов 1986: 125–139]).

Образ нити с бисером находим у раннего Блока: *«Бисер ниже, в нити вяжет — Вечная Весна»*. В этом произведении из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» образ Вечной Весны, несомненно, соотнесен с главной героиней сборника. Мифологические представления о весне как обновляющем, жизненном начале переносятся на Прекрасную Даму, ей же присваиваются функции судьбы, плетущей нить времени. Похожий образ появляется в творчестве А. Блока и в более поздний период:

*Мы забыты, одни на земле,
Посидим же тихонько в тепле. <...>
Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед? <...>
Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать...
(«Мы забыты одни на земле»)*

Текст произведения, по нашему мнению, позволяет говорить об отождествлении времени с ниткой бисера. На это указывает и лексика, прямо и косвенно выражающая представления о времени (*дни, годы, старики* и пр.). Прожитые годы предстают чередой воспоминаний. Ставя вопрос о соотношении биографического и экзистенциального времени, автор приходит к тому, что прошлое (время биографическое) вернуть невозможно (*«Все прошло. Ничего не вернёшь»*), но возможно субъективное возвращение прежних состояний и ощущений (т. е. время экзистенциальное). Возвращение к прошлому осуществляется как акт припоминания: *«Как когда-то, ты помнишь когда, О, какие то были года!»*. Воспоминания, как нить бисера, перебираемая горошина за горошиной, возвращают к дням минувшим. Героем понимается невозможность повтора времени

биографического, но утверждается необходимость возвращать это прошлое, что возможно лишь как «незабывание». Исследователи отмечали субъективность в восприятии Блоком прошедшего: время «страшного мира» несет отрицательный заряд, но часть прошлого, связанная с миром Прекрасной Дамы или с сугубо личными ценностями, неизменна для души поэта. В прошедшем счастье герою видятся силы для будущего развития, для новых источников счастья. В связи с этим очень важно данное бисеру определение — «светлый», непосредственно соотносящееся с характеристиками лучшего, прекрасного.

Образ времени-нити с драгоценными камнями получает свое развитие и в творчестве В. Брюсова. В 1903 г. он напишет: *«И дни её мелькали ровно, Как бусы нисжуются на нить»*. В другом стихотворении — «Ожерелье» (1912 г.) — время как некая абстрактная категория приобретает конкретные воплощения, в которых жизнь не предстает пустой и бессмысленной. Годы, часы, минуты — это наши чувства:

*Не моя ли жизнь те нити?
Жемчуг — женские сердца.*

Образ, ставший фундаментом устойчивого словосочетания «нить жизни», у поэта возвращается к своему истоку. Поэт прямо указывает на мифологическую основу мотива «жизнь — круг, сплетенный судьбой»: *«Парки вещице, нисжите Яркий жемчуг до конца»*, но круг здесь уже не получает того резко отрицательного осмысления, как в раннем символизме, где он выступал знаком бесконечного, пустого повторения. Скорее, это отказ от непринятия мира, здесь уже звучат ноты примирения с собственной судьбой и мирозданием.

Два мотива («жизнь — горение» и «время — круг») становятся центральными и стихотворения В. Брюсова — «Ожерелья дней» (1916 г.). Время в хронотопе произведения отражает такие свойства земного бытия, как изменчивость, текучесть, непостоянство: *«Но эти тысячи, порой несчастных, Порой счастливых, пережитых дней»*. Все произведение построено как своеобразный отчет о прожитом, уже в первой строке заявлено: *«Пора бы жизнь осмыслить, подытожить...»*. Тема ценности жизни здесь одна из главных (и поэтому категория ценности самоцветов в семантике стихотворения имеет особую значимость). Время нашей жизни имеет конкретные «составляющие» — это наши чувства, мечты, труд, творчество: сапфиры *«вдумчивых стихов»*, рубины *«алые, где тлеет страсть»*, алмазы — *«тайные преступные мечты»* и т. д. Поэт очень точно оперирует представлениями о драгоценных камнях. Например, рубины ассоциируются именно со страстью (см. [Бидерманн 1996: 227]). Брюсов поднимает тему тяжести времени: *«И эти бусы жгут и давят шею, По телу*

разливают острый яд». Но если в раннем символизме проблема памяти реализовала, в первую очередь, парадигму невозможности, бессмысленности воспоминания, то лирическим героем Брюсова, несмотря на горечь, уже осознается невозможность не помнить: *«И погасить их пламя не умею...»*. Прошлое, предстающее в воспоминаниях, не дает возможности отказаться от чего-либо. Несмотря на то что многое уже ушло, померк «блеск великолепий», все это дает возможность жить сегодня:

*Пусть каждый камень мёртв: они горели,
Горят и ныне — в тайниках души!*

В стихотворении четко определяется временная, замыкающая круг преемственность — *прошлое определяет настоящее*. Проблема возврата экзистенциального времени решается Брюсовым в том же ключе, что и в рассмотренном ранее стихотворении А. Блока «Мы забыты, одни на земле». Собиравшийся наступить на протяжении всего произведения момент покаяния и в определенной степени забвения оборачивается характерным для раннего Брюсова отказом уступить роль творца собственного мира и собственной жизни.

Выводы

Анализ художественных текстов показал, что «ювелирная метафорика», воплощающая темпоральные представления, прочно входит в словарь лирики Серебряного века, участвуя в реализации мотивов огня-света, «вечного повторения», смерти, возрождения, а также мотивов памяти-забвения и надежды. Нами выделены два способа выражения временных значений с помощью «ювелирной метафорики»: эксплицитный, когда художественный текст непосредственно содержит слова с временной семантикой, и имплицитный, когда значение времени воссоздается из контекста. Все рассмотренные авторы в своих произведениях тяготеют к непрямому словоупотреблению, что отражает общую тенденцию русской поэзии конца XIX — начала XX вв. Минералогическая лексика, участвующая в реализации временных представлений, преимущественно представлена компаративными тропами: метафорами (метафорами-загадками, генитивными метафорами, перифразами), сравнениями, а также метафорическими эпитетами. Нередко в основе данных тропов лежат мифологические и фольклорные представления. Наиболее частотным основанием для поэтической метафоризации становятся свето-цветовые ощущения, связанные с драгоценными камнями: использование «ювелирной метафорики» позволяет найти тот неповторимый образ, который был бы неточным и менее выразительным, используя авторы только название цвета.

Источники

- Анненский И. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1988. 773 с.
- Бальмонт К. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Скорпионъ, 1908–1914.
- Белый А. Полное собрание сочинений в двух томах. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2011.
- Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.–Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
- Брюсов В. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Худож. лит., 1973–1975.
- Волошин М. Собрание соч.: в 10 т. М.: Эллис Лак, 2003–2015.
- Иванов В. Собрание сочинений. В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971–1987.
- Сологуб Ф. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 7–8 (дополнительные). М.: НПК «Интервак», 2003–2004.
-

Литература

- Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. В 3 т. Т. 2. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 762 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 336 с.
- Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. М.–Л.: Гослитиздат, 1960. 466 с.
- Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в. М.: Астрель; Русские словари; Транзит-книга, 2004. 666 с.
- Исупов К. Г. Историзм Блока и символистская мифология истории: Введение в проблему // А. Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 3–21.
- Кеангели М. М. Лазурь и лазурный у А. Блока и А. Белого // Русская речь. 2010. № 5. С. 31–35.
- Кеангели М. М. Жемчуга и жемчужный в поэзии А. Блока // Русская речь. 2011. № 1. С. 33–35.
- Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: ИРЯ РАН, 1992. 256 с.
- Кожевникова Н. А. Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: «Камни, металлы»; Вып. 5: «Ткани, изделия из тканей». 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 680 с.
- Максимов Д. Е. Русские поэты начала века: Очерки. Л.: Сов. писатель, 1986. 404 с.
- Налегац Н. В. Символика аметистов в поэзии И. Анненского // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 51–54.
- Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2-х томах. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 872 с.

- Таран С. В. Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. 200 с.
- Таран С. В. Метафора как способ цветоцветового восприятия в идиостиле М. Волошина // Вестник Балтийского университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 51–57.
- Тарумова Н. Т. Минералогическая лексика как способ репрезентации цвета в поэтическом дискурсе Андрея Белого // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. Т. 39. № 1. С. 119–132.
- Фатеева Н., Петрова З. «Каменное слово» в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи — камни, металлы» // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 294–311.
- Ханзен-Леви А. Русский символизм: система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 507 с.
- Шилкина М. М. Мотивы и образы драгоценных камней в русской поэзии рубежа XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 238 с.

References

- Afanas'ev A. N. *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan* [Myths, beliefs and superstitions of the Slavs]. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Eksmo Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002. 762 p.
- Bidermann G. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 336 p.
- Blok A. A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works: In 8 vol.]. Vol. 2. Moscow–Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 466 p.
- Fateeva N., Petrova Z. [The “Stone Word” in Russian Poetry: The Figurative Parallel “Words, Poems — Stones, Metals”]. *Quaestio Rossica*, vol. 7, 2019, no. 1, pp. 294–311. (In Russ.)
- Isupov K. G. [Blok's historicism and the symbolist mythology of history: An introduction to the problem]. A. Blok: *Issledovaniya I materialy* [A. Blok: Research and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 3–21. (In Russ.)
- Ivanova N. N., Ivanova O. E. *Slovar' yazyka poezii: Obraznyi arsenal russkoi liriki kontsa XVIII — nachala XX vv.* [Dictionary of the language of poetry: The imaginative arsenal of Russian lyrics of the late XVIII — early XX century]. Moscow, Astrel'; Russkie Slovari; Tranzit-kniga Publ., 2004. 666 p.
- Keangeli M. M. [Azure and Azure by A. Blok and A. Bely]. *Russkaya rech'*, 2010, no. 5, pp. 31–35. (In Russ.)
- Keangeli M. M. [Pearl and pearl in the poetry of A. Blok]. *Russkaya rech'*, 2011, no. 1, pp. 33–35. (In Russ.)
- Khanzen-Leve A. *Russkii simvolizm: sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian symbolism: a system of poetic motifs. Early symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999. 507 p.

- Kozhevnikova N. A. *Slovoupotreblenie v russkoi poezii nachala XX veka* [Word usage in Russian poetry of the early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 252 p.
- Kozhevnikova N. A. *Yazyk Andrey Belogo* [The language of Andrei Bely]. Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. 256 p.
- Kozhevnikova N. A. Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaru metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries]. Release 4: “Stones, metals”; Release 5: “Fabrics, products made of fabrics”. 2-nd publ. Moscow, Publ. House YaSK: Yazyki Slavyanskoi Khul'tury Publ., 2017. 680 p.
- Maksimov D. E. *Russkie poety nachala veka: Ocherki* [Russian poets of the beginning of the century: Essays]. Leningrad, Sovetskii Pisatel Publ., 1986. 404 p.
- Nalegach N. V. [The symbolism of amethysts in the poetry of I. Annensky]. *Filologicheskii klass*, 2012, no. 2 (28), pp. 51–54. (In Russ.)
- Pavlovich N. V. *Slovar' poeticheskikh obrazov: na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov* [Dictionary of poetic images: based on the material of Russian fiction of the XVIII–XX centuries]. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 1999. 872 p.
- Shilkina M. M. *Motivy i obrazy dragotsennykh kamnei v russkoi poehzii rubezha XIX–XX vekov.* Dis. ... kand. filol. nauk [Motifs and images of precious stones in Russian poetry at the turn of the XIX–XX centuries. Cand. phil. sci. diss.]. Volgograd, 2004. 238 p.
- Taran S. V. *Metafora kak sposob svetocvetovogo vospriyatiya v idiosstile M. Voloshina.* Dis. ... kand. filol. nauk [The functional role of mineralogical vocabulary in M. Voloshin's idiosyncrasy. Cand. phil. sci. diss.]. Kaliningrad, 2005. 200 p.
- Taran S. V. [Metaphor as a way of light-color perception in M. Voloshin's idiosyncrasy]. *Vestnik Baltiiskogo universiteta im. I. Kanta*, 2013, vol. 8, pp. 51–57. (In Russ.)
- Tarumova N. T. *Mineralogicheskaya leksika kak sposob reprezentatsii cveta v poeticheskom dis-kurse Andrey Belogo* [Mineralogical Vocabulary as a way of representing Color in Andrey Bely's Poetic Discourse]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2024, vol. 39, no. 1, pp. 119–132. (In Russ.)

«Дикий лавр, и плющ, и розы...»: семантика и функции фитонимов в поэзии И. А. Бунина

Ольга Александровна Селеменова¹, Надежда Анатольевна Бородина²,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец)^{1,2}, oLselemenova2011@yandex.ru¹,
borodinanadezhda@yandex.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826010083

аннотация: В статье поднимается проблема своеобразия поэтического лексикона И. А. Бунина, в частности рассматривается организация фитонимической микросистемы и функциональный потенциал ее единиц. Установлено, что состав фитонимии Бунина-поэта отличается семантической неоднородностью и включает десять лексико-семантических групп разного объема. Хотя основа писательского словника сформирована общеизвестными официальными названиями растений, в нем присутствуют диалектные и индивидуально-авторские единицы. Наименования деревьев и кустарников, растительных сообществ, травянистых, вьющихся, споровых, низших растений или их частей обладают разной частотностью реализации в стихотворных контекстах. Анализ синтагматики фитонимов в поэтической речи позволяет заключить, что они служат не только инструментом создания пейзажей русского Подстепья или экзотических природных ландшафтов дальних стран, но и индикатором эмоционально-чувственной сферы лирического субъекта, средством аккумуляции философско-мировоззренческих смыслов и транслятором культурно-ценностных доминант. Авторы приходят к выводу, что отбор фитонимической лексики для создания частных флористических образов и художественного образа Природы в целом предопределен особым типом художественного сознания И. А. Бунина и писательского почерка, выражающегося в эстетизации обыденного, живописном мастерстве, точности детали, емкости символа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия И. А. Бунина, фитоним, лексико-семантическая группа, пейзаж, флористический образ, функция

для цитирования: Селеменева О. А., Бородина Н. А. «Дикий лавр, и плющ, и розы...»: семантика и функции фитонимов в поэзии И. А. Бунина // Русская речь. 2026. № 1. С. 104–119. DOI: 10.7868/S3034592826010083.

The Language of Fiction

“Wild Laurel, Ivy, and Roses...”: Semantics and Functions of Phytonyms in I. A. Bunin’s Poetry

Olga A. Selemeneva¹, Nadezhda A. Borodina², Bunin Yelets State University
(Russia, Yelets)^{1,2}, o.l.selemeneva2011@yandex.ru¹, borodinanadezhda@yandex.ru²

ABSTRACT: The article addresses the uniqueness of I. A. Bunin’s poetic lexicon, considering in particular the organization of the phytonymic microsystem and the functional potential of its units. The authors state that Bunin’s phytonymy is distinguished by semantic heterogeneity and includes ten lexico-semantic groups of different volumes. The basis of the writer’s dictionary is formed by the well-known official names of plants, but it also features dialectal and individual authorial units. The names of trees and shrubs, plant communities, herbaceous, climbing, spore-bearing, lower plants or their parts, fungi have are realized with different frequencies in poetic contexts. The analysis of the syntagmatics of phytonyms in poetic speech allows us to conclude that they serve not only as a tool for creating landscapes of the Central Russian sub-steppe or exotic natural landscapes of distant countries, but also as an indicator of the emotional and sensual sphere of a lyrical subject, a means of accumulating philosophical and ideological meanings and a vehicle for cultural and value-laden concepts. The authors conclude that the selection of phytonymic vocabulary for the creation of private floral images and the artistic image of Nature as a whole is predetermined by a special type of I. A. Bunin’s artistic consciousness and style,

expressed in the aestheticization of the ordinary, pictorial skill, precision of detail and capacity of the symbol.

KEYWORDS: I. A. Bunin's poetry, phytonym, lexico-semantic group, landscape, floral image, function

FOR CITATION: Selemenewa O. A., Borodina N. A. "Wild Laurel, Ivy, and Roses...": Semantics and Functions of Phytonyms in I. A. Bunin's Poetry. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 1. Pp. 104–119. DOI: 10.7868/S3034592826010083.

Введение

Изучение поэтического языка И. А. Бунина, его звукового, словесного, образного строя уже является сложившейся традицией в отечественной лингвистике. В разное время частные вопросы своеобразия ритмики и фоники, лексикона и тропеики становились предметом исследования Н. А. Кожевниковой, Н. А. Николиной, Т. А. Павлюченковой, Л. К. Граудиной, А. Ю. Балюбаш, О. В. Четвериковой и ряда других ученых [Кожевникова 2009; Николина 1990; Павлюченкова 2008, 2011; Граудина 2013; Балюбаш 2015; Четверикова 2016].

Так, в звуковой композиции бунинских стихов Н. А. Кожевниковой были обнаружены созвучные слова, формирующие своего рода гнезда, в которых общее созвучие представлено разными словами, например *с-т-л* — *стал, сталь, стол, стелется, застыл, хрусталь* или *с-н* — *снег, сон, синий, сосна, осина* [Кожевникова 2009: 395]. Выявленная гармония звуковых переключек, связывающих строки и строфы, стала иллюстрацией приверженности писателя лучшим образцам русской классической поэзии [Кожевникова 2009: 398].

Т. А. Павлюченкова наряду с консонантными и смешанными звуковыми повторами в стихотворном языке И. А. Бунина отметила присутствие удлинённых фонетических слов, определенных вокалических моделей, регулярных переносов ударения на предлоги [Павлюченкова 2011: 12–17]. Выделенные средства и приемы участвуют в создании меланхолического эмоционального фона поэтических текстов, определяют их музыкальность [Павлюченкова 2011: 12].

Тропеика Бунина-поэта, как и фоника, отмечена связью с отечественной поэтической традицией. Ее основным принципом выступает принцип опоры на реалию, проявляющийся в нерасторжимой связи «тропа с изображаемой реалией или изображаемой средой» [Николина 1990: 56]. Если Н. А. Кожевникова характерной чертой художественного

почерка И. А. Бунина считает традиционные сравнения и метафоры типа *вода — зеркало, алмазы звезд, купол неба* и др. [Кожевникова 2009: 685], то В. В. Краснянский утверждает, что «эпитет И. А. Бунина — самое приметное явление в его художественной речи» [Краснянский 2008: 3]. А Л. К. Граудина к излюбленным бунинским приемам относит олицетворение, дающее «возможность поэту развернуть конкретное и детализированное описание жизни природы в ее повседневном движении» [Граудина 2013: 18]. Однако все хорошо знакомые читателю стилистические фигуры переосмысливаются в бунинской лирике, обновляются, развивают новые смысловые связи [Кожевникова 2009: 686–687].

Лексикон поэзии И. А. Бунина характеризуется использованием единиц чувственного восприятия [Павлюченкова 2008; Балюбаш 2015], колоративов [Краснянский 2008; Павлюченкова 2008], диалектных и диалектно-просторечных слов [Куриносова 2006], эмотивной лексики [Четверикова 2016], мифологических имен [Селеменова, Бородина 2022]. Подобный набор языковых средств во многом обусловлен многослойностью мировоззрения Бунина-художника, синестетическим восприятием мира и особой писательской техникой (сосредоточенность на деталях, лаконичность, глубокий психологизм и т. д.).

Известно, что в русскую литературу И. А. Бунин входит как мастер пейзажной живописи, певец природы, чьи словесные полотна приоткрывают читателям «тайну бытия». Центральным в его лирике становится художественный образ Природы-храма, к лексическим средствам создания которого относится фитонимическая лексика.

Обычно в качестве особенностей употребляемых в лирических текстах И. А. Бунина фитонимов называют частотность номинаций растений средней полосы России — *береза, ель, сосна* [Ширина, Гремячих 2010; Павлюченкова 2011]. В «Словаре языка поэзии Ивана Бунина» Г. С. Журавлевой и Р. И. Хашимова, основанном на анализе поэтических произведений, вошедших в 9-томное издание сочинений 1965–1967 гг., у перечисленных единиц отмечено следующее число употреблений: *береза* — 48 [Журавлева, Хашимов 2015а: 43], *ель* — 22 [Журавлева, Хашимов 2015а: 294] и *сосна* — 64 [Журавлева, Хашимов 2015б: 455]. Обращение к НКРЯ — поэтическому подкорпусу, включающему 767 текстов И. А. Бунина, — в целом подтверждает сделанные лексикографами выводы: *береза* — 43, *ель* — 31 и *сосна* — 60 словоупотреблений. Однако, несмотря на частотность указанных единиц и присутствие их дериватов (*березка* — 8 словоупотреблений, *березняк* — 2, *березничок* — 1, *сосенник* — 1, *елка* — 9, *ельник* — 5, *елочка* — 2, *ельничек* — 1¹), бунинский фитонимический инструментарий не ограничивается ими и демонстрирует качественное разнообразие

¹ Здесь и далее приводятся данные НКРЯ.

в плане представленности номинациями лесной, луговой, степной, прибрежно-водной, горной и иной растительности. Поэтому наша цель — систематизировать фитонимы в поэзии И. А. Бунина по семантическому принципу и определить их роль в стихотворных текстах.

Семантическая классификация фитонимов в лирике И. А. Бунина

В научном издании поэзии под редакцией Т. М. Двинятиной, содержащем более 960 стихотворений И. А. Бунина [Бунин 2014], нами было зафиксировано 216 фитонимов.

Опираясь на классификацию растений и растительных организмов, представленную в «Русском семантическом словаре» [Шведова (ред.) 2002], на данные «Тематического словаря русского языка» [Морковкин (ред.) 2000] и материалы «Словаря языка поэзии Ивана Бунина» [Журавлева, Хашимов 2015], в индивидуально-авторском поэтическом лексиконе выделяем 10 лексико-семантических групп фитонимов.

К ним относим группу «Общие обозначения растений», включающую 15 фитонимов (*дерево* (38), *деревце* (1), *куст* (36), *кустарник* (11), *лиана* (1), *трава* (82), *цветок* (74) и др.), и группу «Названия растительных сообществ» (39 номинаций), единицы которой именуют естественные и окультуренные человеком растительные массивы (*дебри* (3), *джунгли* (4), *заросли* (3), *лес* (248) и др.) или совокупности растений с преобладанием представителей определенного семейства (*бор* (43), *бурьян* (13), *дубрава* (5), *озимь* (3), *орешник* (1) и др.). Например: ...*В мокром лугу перед домом — белые травы* [Бунин 2014б: 192]; *Угрюмо бор гудит, несутся листья вдали...* [Бунин 2014а: 183].

Группа «Названия деревьев» (50 лексических единиц) организована фитонимами, именующими деревья, плоды или части которых употребляются человеком в пищу (*груша* (2), *кокос* (2), *лесовка* (1), *смоковница* (1), *яблоня* (4) и др.), и фитонимами лиственных и хвойных деревьев, плоды которых несъедобны (*акация* (2), *дуб* (21), *клен* (10), *липа* (10), *ольха* (5), *платан* (4), *явор* (1) и др.; *лиственница* (2), *пихта* (3) и др.). Например: *С корявой, старой груши у крыльца / Спадают розовые листья* [Бунин 2014б: 62]; *Тихой ночью поздний месяц вышел / Из-за черных лип* [Бунин 2014б: 104].

Группа «Названия кустарников» (11 лексических единиц) также включает названия кустарников, дающих съедобные плоды (*можжевельник* (2), *калина* (1), *терн* (в НКРЯ единица не обнаружена, но в нашей картотеке — 2 словоупотребления)), и названия кустарников, не дающих съедобных плодов (*вереск* (2), *дереза* (1), *дрок* (3), *жасмин* (5), *олеандр* (2), *сирень* (4) и др.). Например: *Цветет жасмин. Зеленой чащей / Иду над Теремом с утра* [Бунин 2014а: 280]; ...*И ягоды туманно-сини / На можжевельнике сухом* [Бунин 2014: 82].

Самой многочисленной и разнообразной выступает группа «Названия травянистых растений». Она включает 62 фитонима и объединяет названия овощных, злаковых, пряных, ягодных травянистых растений (*мята* (3), *укроп* (1), *гречиха* (1), *овес* (6), *тмин* (1) и др.), названия декоративных садовых и дикорастущих травянистых растений (*ландыш* (2), *мальва* (1), *настурция* (1), *подснежник* (3), *тюльпан* (1) и др.), названия трав, дающих волокно (*лен* (6)), названия кормовых трав (*донник* (3), *клевер* (1)), названия лекарственных, сорных растений (*белена* (1), *ковыль* (4), *повилика* (2), *чемер* (1), *чертополох* (1) и др.), названия древесовидных трав (*кактус* (3)) и названия водных растений (*камыш* (8), *кувшинка* (6), *осока* (5), *тростник* (17) и др.). Например: *Серебрится **ячмень** колосистый, / Зеленеют привольно **овсы**...* [Бунин 2014а: 166]; *Отцвели **кувшинки**, / И **шафран** отцвел* [Бунин 2014а: 304].

Группа «Названия лазящих или вьющихся растений» представлена 4 фитонимами (*виноград* (1), *виноградная лоза* (2), *плющ* (1), *хмель* (1)), а группы «Названия споровых растений», «Названия низших растений» и «Названия грибов» — единичными примерами (соответственно *мох* (19), *тина* (2) и *мухомор* (1)). Например: *На столбах пустой террасы / Выход дикий **виноград*** [Бунин 2014б: 233]; *Спит море под луною ясной, / Блестит на влажных камнях **мох**...* [Бунин 2014а: 257].

В группу «Названия частей растений» включено 32 единицы: *ветвь* (57), *желудь* (3), *колос* (12), *корень* (14), *крона* (1), *лепесток* (6), *лист* (62), *сережки* (1), *ствол* (18), *стебель* (4), *сук* (16), *хвоя* (14), *шишка* (8) и др. Например: *Запахли медом ржи, / На солнце бархатом пшеницы отливают, / И в зелени **ветвей**, в березах у межи, / Беспечно иволги болтают* [Бунин 2014а: 119]; *Вместе с тихим сном сливалось / Убаюкиванье грез — / Шепот зреющих **колосьев** / И невнятный шум берез...* [Бунин 2014а: 103].

В целом корпусные данные позволяют заключить, что к высокочастотным фитонимам в индивидуально-авторском словнике наряду с лексемами группы «Названия деревьев» (*береза*, *ель*, *сосна*) относятся единицы групп «Общие обозначения растений», «Названия растительных сообществ» и «Названия частей растений» (*бор*, *ветвь*, *дерево*, *лес*, *лист*, *куст*, *травя*, *цветок*). Из них фитоним *лес* — самый универсальный, регулярно распространяемый атрибутивными лексемами, конкретизирующими ведущую лесообразующую породу, место произрастания, цвет, звучность, физическое состояние в восприятии лирического героя. Из 207 эпитетов, фиксируемых к лексеме *лес* в «Словаре эпитетов русского языка» [Горбачевич 2002: 90], у И. А. Бунина обнаруживаем 53 единицы: *багряный*, *белый*, *больной*, *золотой*, *изумрудный*, *молчаливый*, *нагорный*, *опустелый*, *сине-черный*, *темно-синий*, *тихий*, *унылый*, *черный*, *седой* и др.: *Покорно чахнет / **Лес**, **опустевший и больной*** [Бунин 2014а: 179];

Блеском, шумом листья наполняет леса золотистые / Этот солнечный ветреный день [Бунин 2014а: 163]; *...И сыплет изумрудный лес / Свою жемчужную красу* [Бунин 2014б: 123].

Благодаря разнообразию номинаций растений, используемых Буниным-поэтом, фитонимы одной или разных лексико-семантических групп могут быть организованы в двучленные и многочленные фитонимические ряды, именующие растения одного и того же семейства: сапиндовые — клен и явор; буковые — бук, дуб, каштан; сосновые — ель, кедр, лиственница, сосна, пихта; розоцветные — груша, яблоня, роза, клубника; бобовые — акация, донник, клевер, мимоза и др. Например: *...А выше, точно рать, бредет на косягоры / Темно-зеленых пихт и елей полоса* [Бунин 2014а: 253]; *Ветви кедра — вышивки зеленым / Темным плюшем, свежим и густым...* [Бунин 2014б: 16]; *И тихо дремлет бор зеленый, / И в серебре лесных озер — / Еще стройней его колонны, / Еще свежее сосен кроны / И нежных лиственниц узор!* [Бунин 2014а: 197].

В лексико-семантических группах «Названия деревьев» и «Названия травянистых растений» отмечено присутствие внутривидовых номинаций (пальмира (вееролистная пальма тропической Азии, культивируемая в Южной Индии и на Шри-Ланке) или белый мак (амурский мак, уникальное растение, которое встречается только на Дальнем Востоке)) и синонимичных наименований одного и того же растения (фитонимы маслина и олива как номинанты вечнозеленого субтропического дерева). Например: *Вот пески, / Пошли пальмиры...* [Бунин 2014б: 145]; *На поморищи далеком, / В поле, ровном и широком, / Белый мак цветет...* [Бунин 2014б: 133]; *На пути под Хевроном, / В каменистой широкой долине, / Где по скатам и склонам / Вековые маслины серели на глине...* [Бунин 2014б: 40]; *В проломах стен — корявые оливы / И дреза, спутница руин...* [Бунин 2014а: 269].

В поэтическом языке И. А. Бунина среди фитонимических единиц выделенных групп обнаруживаются и общеизвестные официальные названия растений, и диалектизмы, и индивидуально-авторские единицы. Например, акация от лат. *Asacia* [Туманова 1995: 7, 41] (*Торчат шипы акаций, защищая / Узорную нежнейшую листву...* [Бунин 2014б: 145]); татарка — народное название растения *Carduus* L. семейства сложноцветных, фиксируемое в орловских говорах [Сороколетов (гл. ред.) 2010: 305] (*...На бурьяне, на татарках — алый цвет, / А в бурьяне — ржавых копий колья* [Бунин 2014б: 101]); индивидуально-авторский композит *сон-цветок*, вынесенный И. А. Буниным в название стихотворения 1901 г. и не фиксируемый, по данным поэтического подкорпуса НКРЯ, в художественных картинах мира иных авторов. Исходя из указанных писателем в контексте стихотворения признаков (растет в степи, цветет поздним летом, сухой), фитоним *сон-цветок* номинирует *сухоцвет однолетний*, или *бессмертник*, травянистое

растение с невянущими лилово-розоватыми цветками, часто называемое «растением вечной жизни»: *Поздним летом в степи, на казацких могилах / «Сон-цветок» в полусне одиноко цветет... / Он живой, но сухой. Он угаснуть не в силах, / Но весна для него не придет* [Бунин 2014а: 232].

Функции фитонимов в лирике И. А. Бунина

Фитонимическая лексика в бунинской лирике полифункциональна. Прежде всего она выступает инструментом пейзажной архитектоники. Причем Бунин-поэт строг и точен в выборе того или иного фитонима как лексического средства создания пейзажа. Так, фитонимы *березняк, бурьян, ельничек, ива, калина, клен, крапива, ландыш, липа, лес* (с атрибутивами *березовый, дубовый, еловый, сосновый*), *овес, осина, орешник, подснежник, пшеница, рожь, ромашка, сирень, сосна, татарки, тополь, хлеб, чертополох, шиповник, ячмень, яблоня* и др. используются для создания пейзажа центрально-европейской части России: *Там, где тенистыми шатрами / Склонились ивы на затон, / Весь берег с темными садами / В зеркальной влаге отражен* [Бунин 2014а: 105]; *Серебрится ячмень колосистый, / Зеленеют привольно овсы, / И в колосьях брильянты росы / Ветерок зажигает душистый...* [Бунин 2014а: 166]. А вот лексемы *вереск, лес* (с атрибутивами *кокосовый, оливковый*), *кактус, кипарис, лавр, мимоза, олеандр, олива, пальма, платан, плющ, роза, смоковница, тамарикс, тис, шафран* и др. — инокультурных ландшафтов стран Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной и Южной Европы и т. п. Например, *маслина, тмин, миндаль* — для средиземноморского пейзажа (Италия, Капри), а *олеандр, герань, тамарикс* — ближневосточного (Израиль, Иордания): *За Мертвым морем, в солнечном тумане, / Течет мираж. В долине — зной и свет, / Воркует дикий голубь. На герани, / На олеандрах — вешний алый цвет. / И он дремотно поет, воспевая / Зной, олеандр, герань и тамарикс* [Бунин 2014б: 160]; *...Весна здесь прихотлива, / Миндаль цветет на Капри в холода...* [Бунин 2014б: 172].

Флористические образы как неотъемлемый элемент природного и культурного пейзажа у Бунина-поэта вещные, конкретные. Этому способствует регулярная синтагматическая связь фитонимов с лексемами, в значениях которых присутствуют семы 'цвет', 'влага', 'спелость', 'способный колоть', 'запах', 'лишенный растительности', 'вкус', 'возраст' и под.: *белые кувшинки, вековые маслины, ветвистые березы, высокая пальма, гниющая осока, голый осинник, густой камыш, желтый сад, засохший цветок, молодые розы, спелая белена, старая груша, сухой можжевельник, узорчатые мимозы, яркий орешник; дрок желтеет, кактусы рдеют, розы бледнеют, тмин благоухает, астры осыпаются, хмель подсыхает* и др. Например: *Но светло и нежно небо светит / Сквозь нагие черные дубы...*

[Бунин 2014а: 299]; *Осыпаются астры в садах, / Стройный клен под окош-ком желтеет...* [Бунин 2014а: 107]; *Внизу истома. Приторно и сладко / Ми-мозы пахнут* [Бунин 2014б: 58–59].

Конкретность флористического образа достигается и явлением семантического согласования, когда объединяющиеся в предикативное сочетание слова «содержат в себе общие (одинаковые) семы» и как бы дублируют информацию [Норман 2019: 716]. Бунин-поэт использует предикативные сочетания фитонимов и глаголов с общими семами ‘раскрытие’ или ‘цвет’, благодаря чему растительный мир изображается в особые периоды своего преобразования, демонстрации миру красоты и нежности. Например: *На озере, среди лесов зеленых, / Кувшинки белые, как звезды, расцвели...* [Бунин 2014а: 252]; *Цветущий лен полоскою лазури / Синее на полях* [Бунин 2014б: 44]. В первом примере в значении фитонима *кувшинки* («водное травянистое растение с крупными плавающими листьями и с крупными цветками различной окраски» [Шведова (ред.) 2002: 546]) имеется сема ‘с цветоносными побегами’, а глагол *цвети* обозначает «быть в поре цветения» [Журавлева, Хашимов 2015б: 707–708]. Во втором примере препозитивная атрибутивная лексема *цветущий* дополнительно актуализирует в фитониме *лен* сему ‘с голубыми или фиолетовыми цветками’ («культурное (реже дикорастущее) травянистое растение, обычно с голубыми или фиолетовыми цветками в соцветиях» [Шведова (ред.) 2002: 545]), а глагол *синее* имеет значение «выделяться своим синим цветом, виднеться (о чем-л. синем)» [Журавлева, Хашимов 2015б: 363]. Ср. аналогичные примеры: *В затишье расцветают розы...* [Бунин 2014а: 242] (*роза* — «декоративный и дикорастущий кустарник семейства розоцветных с крупными душистыми цветками разнообразной окраски и со стеблем, обычно покрытым шипами; сам такой цветок» [Шведова (ред.) 2002: 531]); *...Она идет наверх, где дрок / Висит в пыли и рдеет мак* [Бунин 2014б: 158] (*мак* — «дикорастущее и культурное (декоративное, пищевое и лекарственное) травянистое растение семейства маковых с длинным стеблем и крупными яркими, обычно красными цветками» [Шведова (ред.) 2002: 539] и *рдеть* — «выделяться своим рдяным цветом, краснеть» [Журавлева, Хашимов 2015а: 270]); *Кругом, в пустыне каменистой, / Желтеет дрок* [Бунин 2014б: 143] (*дрок* — «степной лиственный кустарник или полукустарник семейства бобовых с желтыми цветками» [Шведова (ред.) 2002: 528] и *желтеть* — «выделяться своим желтым цветом, виднеться» [Журавлева, Хашимов 2015а: 304]).

Предикативные сочетания с общей семой ‘цвет’ еще раз подтверждают мастерство И. А. Бунина как колориста-живописца, обладающего феноменальной зрительной памятью. Хотя его фитонимические образы расцвечены разными красками (*желтый донник, зеленая береза, золотой*

клен, изумрудный лес, изумрудно-яркая трава, огненный мак, ржавый мох, синий подснежник, сине-зеленый сосенник, седые злаки, темно-зеленые пихты, черная ракита и др.), доминантными в предлагаемой цветовой палитре становятся полутона и оттенки синего, зеленого, желтого цветов, что сближает индивидуально-авторский пейзаж с полотнами французских модернистов: ...*Там низко над водой склоняются кистями / Темно-зеленые густые камыши...* [Бунин 2014а: 266]; *К ночи вьюга пустыни / Занесет подснежник синий!* [Бунин 2014а: 287]; *Желтые ржи, далеко озаренные, / Морем безбрежным стоят* [Бунин 2014а: 99] и др.

Фитонимы в контекстуальном окружении колоративов у И. А. Бунина становятся не только средством создания пейзажа, но и трансляторами духовно-эмоционального мира лирического субъекта, а также связанных с его чувственным настроением символических смыслов. Например, в ряде стихотворений разных лет — «Зной» (1900), «Могила поэта» (<май 1905>), «Стамбул» (1905), «Наследство» (1906), «Потомки пророка» (август 1912), «Завет Саади» (июнь 1913), «Древний образ» (<июль> 1914; <1925>) и др. — встречается фитоним *кипарис*. Он функционирует как в сочетании с лексемами, несущими в значениях сему 'цвет' (*чернеть*, *черный*, *смольно-синий*), так и без них. Ср. два контекста из стихотворения «Склон гор» (7.06.1905): *Склон гор, сады и минарет. / К звездам стремятся кипарисы...* — *Свечой желтеет минарет, / Чернеют маги-кипарисы...* [Бунин 2014а: 294]. В обоих контекстах фитоним выступает языковым средством построения небесно-земной вертикали прекрасного в «час мертвой тишины» [Бунин 2014а: 294] восточного пейзажа. Но во втором контексте благодаря связи с определяющим существительным *маги*, несущим сему 'волшебство', глаголом *чернеют*, подчеркивающим степень затемненности окружающего природного мира и контрастирующим с глаголом *желтеет*, фитоним *кипарис* превращается в мистический символ вечности, аккумулирующий одновременно чувство одиночества и чувство гармонии, слияния с миром. В стихотворении «Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны...» (29.08.1917) рассматриваемый фитоним в сочетании с атрибутивной лексемой *черный* выражают уже иную эмоциональную доминанту — чувство тоски, связанное с реализацией мотива смерти в художественном наследии Бунина-поэта [Четверикова 2016: 137]: *Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны, / Черный ряд кипарисов в квадрате высокой стены...* [Бунин 2014б: 172]. А в стихотворении «Гробница Сафии» (<1904–1905>) интересно бунинское сравнение референта фитонима *кипарис* с *чернецом* (устар. «монах» [Евгеньева (гл. ред.) 1988: 665]), актуализирующее амбивалентность семантики черного цвета: *Как чернец, над белым саркофагом / В синем небе замер кипарис* [Бунин 2014а: 288]. Пирамидальное вечнозеленое дерево, подобно монаху в черной

рясе, символизирует веру, стойкость духа, аккумулирует чувство благоговения, безмятежности.

Фитонимы экзотических растений при моделировании этнографических пейзажей Востока способны актуализировать в сознании читателя-интерпретатора определенные историко-культурные, религиозно-философские фоновые знания, что обеспечивает связь вещного мира Востока с духовным. Например, в стихотворении «Вдоль этих плоских знойных берегов...» (1907) И. А. Бунин употребляет лексику *дзариг*: *Вдоль этих плоских знойных берегов / Лежат пески, торчат кусты дзарига* [Бунин 2014б: 46]. Ее референтом выступает растение, имеющее зловонный запах и произрастающее на солончаковой почве Аравии. В исламе именно это растение «Мухаммед поместил в число яств, назначенных осужденным в адский огонь грешникам» [Машанов 1885: 50]. А в стихотворении «Святилище» (29.06.1916) функционирует фитоним *Храмовое Дерево*, референтом которого является декоративное растение с цветками, напротив, отличающимися тонким, приятным ароматом: *Сверкала Ступа снежной белизною / Меж тонких и нагих кокосовых стволов, / И Храмовое Дерево от зною / Молочный цвет роняло надо мною / На черный камень жертвенных столов* [Бунин 2014б: 149]. Упомянутый фитоним участвует в создании пейзажа Цейлона. В приведенном контексте Бунин-художник неслучайно выбирает именно молочный цвет для лепестков плюмерии (растение часто называют *Храмовым Деревом* потому, что оно высаживается около буддийских храмов). Молочный выступает сложным тоном белого цвета, который в буддизме связан с мистическим просветлением, началом творения мироздания [Дашиева 2013: 154]. Сама же плюмерия издревле использовалась представителями дхармических индийских религий для церемоний и служила символом вечности, бессмертия.

При создании флористических образов в художественной картине мира Бунин-поэт посредством фитонимов транслирует и традиционные, свойственные русской лингвокультуре смыслы, и новые, обусловленные индивидуально-авторским миропониманием с присущем ему трагизмом [Разумовская 2010: 153], особым универсалистским типом мышления писателя, характеризующимся освоением различных культурных, литературных и религиозно-философских традиций [Пращерук 2020: 30]. Например, этноприоритетность синего цвета у русских и любовь в русском языке к растениям с синими цветками [Смирнова (ред.) 2024: 277–278] у писателя прослеживается в ряде контекстов: *Зацвела на воле / В поле бирюза* [Бунин 2014б: 36]; *И синие подснежники цветут, / И под ногами лист шуршит дубовый* [Бунин 2014б: 141]; *...В сизых ржах васильки зацветают, / Бирюзовый виднеется лен...* [Бунин 2014а: 166] и др. Фитоним *ландыш*, вынесенный И. А. Буниным в название стихотворения 1917 г., выступает символом чистоты, невинности и «связан для поэта с воспоминаниями

о молодости, первых стихах» [Ширина, Гремячих 2010: 155]: *И навек сроднился с чистой / Молодой моей душой / Влажно-свежий, водянистый, / Кисловатый запах твой* [Бунин 2014б: 174]. А вот уже фитоним *береза*, регулярно распространяемый постоянными эпитетами типа *белая, зеленая, ветвистая* и др. [Горбачевич 2002: 18], с одной стороны, ассоциируется с Россией и выступает ее символом, с другой — «в контексте всего поэтического творчества Бунина» приобретает «более широкую символику: грусти, тоски, иллюзорности счастья» [Ширина, Гремячих 2010: 155]: *В стороне далекой от родного края / Снится мне приволье тихих деревень, / В поле при дороге белая береза, / Озими да пашни — и апрельский день* [Бунин 2014а: 154]; *Мир в грусти и мечте, / Мир в думах о прошедшем, об утратах. / На перевале дальнем, на черте / Пустых полей, березка одинока* [Бунин 2014б: 73]. Экзотичный фитоним *мандрагора* и вовсе испытывает сильное влияние переработки Буниным-художником духовно-эстетического и философско-религиозного наследия Востока, в результате чего появляются особые смысловые приращения. Референтом фитонима выступает «южное травянистое растение семейства пасленовых, с корневищем, напоминающим человеческую фигуру» [Журавлева, Хашимов 2015а: 541]. В создаваемом флористическом образе мандрагоры Бунин-поэт актуализирует «теневую», магическую сторону растения: потенциальные семы 'нечистота', 'зло', 'гибель' выходят на первый план. В контексте стихотворения «Мандрагора» (весна 1907 г.), лексически повторяясь, фитоним становится смысловой доминантой, связанной, с одной стороны, с мифоантропонимом *Каин*, с другой — с рядом субстантивных и атрибутивных лексем некротической семантики: *ад, гроб, мертвый, могила, черная виселица, убийца* и др. Полный яда цветок, питающийся «соками тленья» [Бунин 2014б: 33], становится прямой отсылкой не к медицинским античным и средневековым трактатам, где говорилось о лечебных свойствах растения, а к хтоническим восточным культам, положенным, по мнению И. Н. Бузыкиной, в основу христианской трактовки опасного корня [Бузыкина 2022: 106]. Бунинская *Мандрагора* (в авторском прочтении именно так, с заглавной буквы) выступает природным «следом» первого человека и первого убийцы на Земле и вырастает в зловещий символ смерти. Так, опираясь на причудливые восточные легенды о сверхъестественных свойствах растения и христианские интерпретации, писатель творит свой собственный миф о корне отступничества. В художественной картине мира Бунина-поэта фитоним *Мандрагора* вместе с мифологическими именами *Дьявол, Змей, Каин, Кощей, Локи, Кентавр, Черная Мати, Эблис* и др. образуют уникальный ономастический ряд, персонифицирующий и атрибутирующий Зло, все нравственно-отрицательное, осуждаемое в аксиологической диаде, обозначающей дихотомию нормативно-оценочных категорий.

Заключение

Фитонимия как упорядоченная, развитая подсистема писательского лексикона выступает свидетельством характерной черты пейзажа Бунина-поэта, которая заключается в синтезе конкретности, реалистичности и чувственности восприятия, авторской эмоциональной оценки, символичности.

Вещность, эстетическая привлекательность родных и инокультурных ландшафтов достигается точностью выбора писателем номинаций растений в соответствии с ареалом их распространения, синонимией наименований, строгостью использования лексем фитонимических рядов, референтами которых выступают растения одного семейства, синтагматической сочетаемостью фитонимов с определенными атрибутивными и предикативными лексемами. Символичность пейзажа определяется при этом контекстной актуализацией в семантике фитонимов эмоциональных и трансцендентальных смыслов, созданием и включением в контексты индивидуально-авторских фитонимов.

Глубокое знание географии растений, основанное на наблюдательности и зрительной памяти, обостренное чувство прекрасного и связанная с ним особая эстетическая впечатлительность делают бунинские флористические образы гармоничными, выразительными и изменчивыми.

Источники

Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014а. 544 с.; Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014б. 544 с.

Машанов М. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама. Ч. 1. Казань: Типография Императорского университета, 1885. 878 с.

Литература

Балюбаш А. Ю. Ситуация тактильного восприятия и ее языковая репрезентация в поэтической речи И. А. Бунина // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5 (112). Ч. 2. С. 439–444.

Бузыкина И. Н. Исцеление, врачевание, волшебство, суеверие: символика мандрагоры в Античности и Средневековье с точки зрения Хуго Ранера // Российский журнал истории Церкви. 2022. № 3 (1). С. 99–125.

Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.

- Граудина Н. К. «Сочетанья прекрасного и вечного» в поэзии И. А. Бунина // Русская речь. 2013. № 5. С. 15–22.
- Дашиева С. З. Символика цвета в структуре буддийской танки // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 154–156.
- Евгеньева А. П. (гл. ред.). Словарь русского языка. Т. II. К–О. М.: Русский язык, 1986. 736 с.; Т. IV. С–Я. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
- Журавлева Г. С., Хашимов Р. И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина: В 2 ч. Ч. 1: А–О. М.: Азбуковник, 2015а. 790 с.; Ч. 2: П–Я. М.: Азбуковник, 2015б. 792 с.
- Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. 896 с.
- Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: Около 100 000 словоупотреблений. М.: Азбуковник, 2008. 776 с.
- Курносова И. М. Словарь народного языка произведений И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. 219 с.
- Морковкин В. В. (ред.). Тематический словарь русского языка: Около 25 000 слов. М.: Русский язык, 2000. 556 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
- Николина Н. А. Образное слово И. А. Бунина // Русский язык в школе. 1990. № 4. С. 51–59.
- Норман Б. Ю. Синтактика, когнция и композиционная семантика // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 714–730.
- Павлюченкова Т. А. «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне»: лексика поэзии И. А. Бунина. Монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. 381 с.
- Павлюченкова Т. А. Фонетические и лексические средства языка поэзии И. А. Бунина и их функционально-семантическое взаимодействие: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. М., 2011. 34 с.
- Пращерук Н. В. О типе художественного сознания И. А. Бунина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 30–35.
- Разумовская А. Г. «И веет свежестью из сада...» Последние страницы усадебного «текста» в поэзии И. А. Бунина и В. В. Набокова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культура. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 138–156.
- Селеменова О. А., Бородина Н. А. Мифологические имена в поэзии И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. 170 с.
- Смирнова А. И. (ред.). «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: Коллективная монография. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. 504 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 43. Сухлость–Телепа. СПб.: Наука, 2010. 349 с.
- Туманова О. Т. Латинско-русский словарь названий растений с указателем русских эквивалентов (около 2000 единиц). М.: Лориэн, 1995. 77 с.
- Четверикова О. В. Средства вербальной манифестации эмоций в лирике И. А. Бунина // International scientific review. 2016. № 2 (12). С. 136–138.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 2002. 807 с.

Ширина С. А., Гремячих Е. А. Особенности создания флористических образов в лирике И. А. Бунина // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 154–157.

References

- Balyubash A. Yu. [The situation of tactile perception and its linguistic representation in I. A. Bunin's poetic speech]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2015, no. 5 (112), pp. 439–444. (In Russ.)
- Buzykina I. N. [Cure, healing, magic, superstition: the symbolism of the mandrake in Antiquity and the Middle Ages from the point of view of Hugo Rahner]. *Rossiiskii zhurnal istorii Tserkvi*, 2022, no. 3 (1), pp. 99–125. (In Russ.)
- Chetverikova O. V. [The means of verbal manifestation of emotions in I. A. Bunin's lyrics]. *International scientific review*, 2016, no. 2 (12), pp. 136–138. (In Russ.)
- Dashieva S. Z. [Symbology of color in the structure of Buddhist thanka]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 6, pp. 154–156. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. II. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.; Vol. IV. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 800 p.
- Gorbachevich K. S. *Slovar' epiteto russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of epithets of the Russian literary language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 224 p.
- Graudina N. K. ["Combinations of the beautiful and the eternal" in I. A. Bunin's lyrics]. *Russkaya rech'*, 2013, no. 5, pp. 15–22. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoy literatury* [Selected works on the language of fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009. 896 p.
- Krasnyanskii V. V. *Slovar' epiteto Ivana Bunina: Okolo 100 000 slovoupotreblenii* [Ivan Bunin's dictionary of epithets: About 100 000 word uses]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 776 p.
- Kurnosova I. M. *Slovar' narodnogo yazyka proizvedenii I. A. Bunina* [Dictionary of the folk language of I. A. Bunin's works]. Yelets, Bunin State University Publ., 2006. 219 p.
- Morkovkin V. V. (ed.). *Tematicheskii slovar' russkogo yazyka: Okolo 25 000 slov* [Thematic dictionary of the Russian language: About 25 000 words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. 556 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 02.03.2025).
- Nikolina H. A. [I. A. Bunin' figure]. *Russkii yazyk v shkole*, 1990, no. 4, pp. 51–59. (In Russ.)
- Norman B. Yu. [Syntactics, cognition and compositional semantics]. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 714–730. (In Russ.)

- Pavlyuchenkova T. A. "Ya vizhu, slyshu, schastliv. Vse vo mne": *leksika poezii I. A. Bunina* ["I see, I hear, I'm happy. Everything is in me": the vocabulary of I. A. Bunin's poetry]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2008. 381 p.
- Pavlyuchenkova T. A. *Foneticheskie i leksicheskie sredstva yazyka poezii I. A. Bunina i ikh funktsional'no-semanticheskoe vzaimodeistvie*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Phonetic and lexical means of the language of I. A. Bunin's poetry and their functional-semantic interaction. Dr. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011. 34 p.
- Prashcheruk N. V. [On the type of artistic consciousness of I. A. Bunin]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2020, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.)
- Razumovskaya A. G. ["And it breathes freshness from the garden..." The last pages of the manor "text" in I. A. Bunin's and V. V. Nabokov's lyrics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istorika. Filologiya. Kul'tura. Vostokovedenie*, 2010, no. 11 (54), pp. 138–156. (In Russ.)
- Selemeneva O. A., Borodina N. A. *Mifologicheskie imena v poezii I. A. Bunina* [Mythological names in I. A. Bunin's lyrics]. Yelets, Bunin State University Publ., 2022. 170 p.
- Shirina S. A., Gremyachikh E. A. [The peculiarities of creating floral images in I. A. Bunin's lyrics]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2010, no. 3, pp. 154–157. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klas-sam slov i znachenii. T. I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya). Slova imenuyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos)* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and reviews. Vol. I: Indicative words (pronouns). Name words: nouns (All living things. Earth. Space)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 807 p.
- Smirnova A. I. (ed.). "Yazyk tsvetov" I tsvety v yazyke, literature I kul'ture: *Kollektivnaya monografiya* ["The language of flowers" and flowers in language, literature and culture: A collective monograph]. Moscow, Zertsalo-M Publ.; Moscow City Pedagogical University Publ., 2024. 504 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 43. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 349 p.
- Tumanova O. T. *Latinsko-russkii slovar' nazvanii rastenii s ukazatelem russkikh ehkvivalentov (okolo 2000 edinits)* [Latin-Russian dictionary of plant names with an index of Russian equivalents (about 2000 units)]. Moscow, Loriehn Publ., 1995. 77 p.
- Zhuravleva G. S., Khashimov R. I. *Slovar' yazyka poehzii Ivana Bunina: V 2 ch.* [Dictionary of the language of poetry by Ivan Bunin: In 2 parts]. Part 1. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015a. 790 p.; Part 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015b. 792 p.

Идиллия над рекой (о двойчатке безголовых сонетов Валерия Брюсова с диссонансными рифмами)

Олег Иванович Федотов¹, Анастасия Павловна Дмитриева²,
Московский государственный педагогический университет (Россия, Москва), o_fedotov@list.ru¹,
sin.csa@yandex.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826010096

АННОТАЦИЯ: В. Я. Брюсов по праву считается законодателем и реформатором стихопозтики Серебряного века, основные принципы которой были изложены им в «Опытах по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (1918). Примерно в это же время им был написан миницикл, состоящий из двух десятистиший с виртуозными диссонансными рифмами: «В тихом блеске дремлет леска...» и «Волшебство — весь мир окрестный...». Оба имеют однотипную рифмовку: (AbAbAbAbAb), без графического расчленения на потенциальные субстрофы. Амбивалентно они могут быть описаны или как увеличенные на два стиха сицилианы (AbAbAbAb+Ab), или как безголовые сонеты со сплошной рифмовкой (AbAb AbA bAb). Обе возможные трактовки почти в одинаковой степени проблематичны. В первом случае поэт непременно нашел бы для них специальную нишу в строфике, обозначив соответствующим термином; во втором — на фоне приверженности к строгим классическим формам сонета (рассматриваемая двойчатка безголовых сонетов и 10 обращений к семистишиям-полусонетам — уникальное исключение) он мог создать экспериментальный прецедент, опередивший свое время. В пользу второго допущения свидетельствует и фоническое задание: все десять рифмопар — идеально организованные

диссонансы, причем порядок ударных гласных закономерно выдерживается в обоих случаях: е-и-а-о-у с эффектом удвоения в каждой паре четных и нечетных стихов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Валерий Брюсов, реформатор стихопозтики, строфика, десятистишия, деформированная сицилиана, безголовый сонет

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федотов О. И., Дмитриева А. П. Идиллия над рекой (о двойчатке безголовых сонетов Валерия Брюсова с диссонансными рифмами) // Русская речь. 2026. № 1. С. 120–127. DOI: 10.7868/S3034592826010096.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья написана при поддержке гранта РНФ; проект № 23-28-00545 «Сонет и сонетные ассоциации в русской поэзии XIX–XXI вв.».

The Language of Fiction

“Idyll over the River”: On the Twinning of Valery Bryusov's Headless Sonnets with Dissonant Rhymes

Oleg I. Fedotov¹, Anastasia P. Dmitrieva², Moscow Pedagogical State University,
o_fedotov@list.ru¹, sin.csa@yandex.ru²

ABSTRACT: V. Ya. Bryusov is rightfully considered a legislator and reformer of Silver Age poetry; its basic principles were outlined by him in Experiments on Meter and Rhythm, on Euphony and Consonance, on Stanza and Forms (1918). At about the same time, he wrote a mini-cycle consisting of two decasyllabic poems with virtuoso dissonant rhymes: “In a quiet brilliance, the fishing line slumbers...” and “Magic is the whole world around...” Both share an identical rhyme scheme: (AbAbAbAbAb), without graphical division into potential strophes. Ambivalently, they can be described either as enlarged by two Sicilian verses (AbAbAbAb+Ab), or as headless sonnets with continuous rhyming (AbAb AbA bAb). Both possible interpretations are almost equally

problematic. In the first case, the poet would certainly have found a special niche for them in the stanza, designating it with the appropriate term; in the second, given his adherence to exclusively classical sonnet forms (with the considered set of headless sonnets and 10 references to semistiches — half-sonnets — being unique exceptions), he could create an experimental precedent that was ahead of its time. The phonic structure also supports the second assumption: all ten rhyming pairs are perfectly organized dissonances, and the order of stressed vowels is consistently maintained in both cases: e-i-a-o-u, with the effect of doubling in each pair of even and odd lines.

KEYWORDS: Valery Bryusov, reformer of poetic poetry, stanza, decadents, deformed siciliana or headless sonnet

FOR CITATION: Fedotov O. I., Dmitrieva A. P. “Idyll over the River”: On the Twinning of Valery Bryusov’s Headless Sonnets with Dissonant Rhymes. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2026. No. 1. Pp. 120–127. DOI: 10.7868/S3034592826010096.

ACKNOWLEDGEMENT: The article was written with the support of the RNF grant; project No. 23-28-00545 “Sonnet and sonnet associations in Russian poetry of the XIX–XXI centuries”.

В 2023 г. мы праздновали 150-летие со дня рождения, в 2024-м — отмечали 100-летие со дня смерти Валерия Брюсова — одного из самых креативных поэтов Серебряного века. Объявив себя вождем отечественного декадентства, он и в самом деле внес весьма существенный вклад в преодоление «технического одичания», свойственного, по его верному слову, русской поэзии предшествующего периода. Если до Брюсова стихотворцы сознательно стремились писать стихи, ориентируясь на прозу, то после него, наоборот, прозаики стали активно использовать в своем творчестве достижения поэзии.

После Октябрьской революции он безоговорочно принял советскую власть и, памятуя о том, что его отец и дед были крепостными крестьянами, с энтузиазмом принялся строить культуру нового государства. Сначала он возглавлял Московскую книжную палату, затем получил должность заведующего отделом научных библиотек Наркомпроса, а с 1919 по 1921 гг. был председателем московского отдела Всероссийского союза поэтов. Много сил и энергии Брюсов отдавал издательскому делу и чтению лекций в 1-м МГУ, а также с 1922 г. — в созданном им Высшем литературно-художественном институте, получившем впоследствии его имя.

Теория и литературная практика всегда шли в его творчестве рука об руку. В 1918 г. им были написаны и изданы «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» со вступительной статьей «Ремесло поэта»¹, в которой было четко сформулировано его творческое кредо:

Задача каждого поэта, — рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, — по возможности способствовать и развитию техники своего искусства. Искать, повторять найденное другими, применяя к своему языку и своему времени, делать о п ы т ы, вот — одна из важных задач, стоящих перед поэтом, если он хочет работать не только для себя, но и для других, и для будущего [Брюсов 1918: 42].

Книга была построена следующим образом. После вступительной статьи и заметки «От автора» последовательно шли собственно опыты в виде оригинальных или переводных произведений Брюсова: I. Опыты по метрике и ритмике (Размеры и напевы); II. Опыты по эвфонии (Звукопись и созвучия); III. Опыты по строфике (Строфы и формы), в заключение они сопровождалась Примечаниями ко всем трем частям.

Нас применительно к уникальной двойчатке² безголовых сонетов 1918 г., отличительным свойством которых стали диссонансные рифмы, более всего интересуют, разумеется, «Опыты по эвфонии и строфике». В разделе, посвященном звукописи и созвучиям, о диссонансах, к сожалению, сказано слишком мало. Точнее, они лишь упоминаются вслед за 1) «собственно рифмами» и 2) «ассонансами». Под третьим номером идут «...диссонансы — созвучия, где одинаковы конечные согласные, но различны ударные гласные», а под четвертым — «полурифмы — созвучие слов до ударной гласной (как написаны некоторые песни скандинавов)» и, видимо, как минус-прием — «стихи без конечной рифмы», называемые «белыми» [Брюсов 1918: 184].

Точно также в рубрике III части, посвященной сонетам, Брюсов сосредоточивает свое внимание на модификациях традиционного склада. «В идеальном сонете, — пишет он, — содержание должно быть расположено сообразно с внешним построением стихотворения: первая кватрина — вводит основную мысль; вторая кватрина развивает ее; первая терцина³ — противопоставляет основной мысли новую; вторая терцина

¹ Это была вступительная лекция к курсу «Стихотворной техники» в Московской «Студии стиховедения», прочитанная 18/5 апреля 1918 г.

² Термин «двойчатка», введенный О. Мандельштамом, используется здесь в значении композиции из двух безголовых (состоящих из одного катрена и двух терцетов) сонетов.

³ Так Брюсов на свой манер именует субстрофические компоненты сонета катрены и терцеты.

дает синтез обеих мыслей». Из аномальных сонетов упомянуты лишь «сонеты с кодою» (с «хвостом»), «то есть с добавочными стихами», «обращенные» (опрокинутые). Все они, по мнению Брюсова, «являются извращением идеи сонета» [Брюсов 1918: 192].

Брюсовский текст 1918 г., состоящий из двух десятистиший «В тихом блеске дремлет леска...» и «Волшебство — весь мир окрестный...», был написан параллельно с «Опытами»; не исключено, что поэт создавал его как экспериментальную строфическую форму, которую можно трактовать как двойчатку безголовых сонетов со сплошной диссонансной рифмовкой (AbAb AbA bAb)x2:

В тихом блеске дремлет <i>леска</i> ;	_U_U_U_U	и е е е
Всплеск воды — как милый <i>смех</i> ;	_U_U_U_	е ы и е
Где-то рядом, где-то <i>близко</i>	_U_U_U_U	е а е и
Свищет дрозд про нас <i>самих</i> .	_U_U_U_	и о а и
Вечер свеж — живая <i>ласка</i> !	_U_U_U_U	е е а а
Ветра — сладостен <i>размах</i> !	_U_UUU_	е а - а
Сколько света! сколько <i>лоска</i> !	_U_U_U_U	о е о о
Нежны травы, мягок <i>мох</i> ...	_U_U_U_	е а а о
Над рекой — девичья <i>блузка</i> ,	UU_U_U_U	- о и у
Взлет стрекоз и ярких <i>мух</i> ...	_U_U_U_	о о а у
Волшебство — весь мир <i>окрестный</i> ;	UU_U_U_U	- о и е
Шелест речки, солнца <i>свет</i> ...	_U_U_U_	е е о е
Запах, сладко-барбарисный,	_U_UUU_U	а а - и
Веет, нежит и язвит.	_U_UUU_	е е - и
Шепчет запад, ярко- <i>красный</i> ,	_U_U_U_U	е а а а
Речи ласки, старый <i>сват</i> ,	_U_U_U_	е а а а
Кроя пруд зелено- <i>росный</i> ,	_U_U_U_U	о у о о
Словно храм лазури <i>свод</i> ,	_U_U_U_	о а у о
И лишь ветер нежно- <i>грустный</i>	UU_U_U_U	- е е у
Знает: тени нас <i>зовут</i> .	_U_U_U_	а е а у

[Брюсов 1974: 381–382]

Оба десятистишия графически не сегментированы на традиционные сонетные субстрофы (4+3+3). Поэтому типологически каждое из них своей структурой и внешним видом напоминает увеличенную на два стиха сицилиану: AbAbAbAb(+)Ab, но, повторимся, амбивалентно с гораздо большим основанием они совокупно могут интерпретироваться и как упомянутая нами двойчатка сплошных безголовых сонетов с редкостными диссонансными рифмами.

В таком случае они могли бы попасть во все три части брюсовских «Опытов». В первую часть — как типичный образец ритмически отчетливого

4-стопного хорей, в котором все нечетные стихи женские, акаталектические⁴, а четные — мужские, усеченные на один слабый слог. Таким образом, соединившись, они составляют в каждом сонете по пять 8-стопных непрерывно-любящихся, как струи живописуемой речки и гармонически вторящие им порывы «нежно-грустного» ветра, акаталектических цепочек. Обратим также внимание на 70%-ную тенденцию к полнударности, а в инициальном стихе все стопоразделы вдобавок совпадают со словоразделами и обыгрывается внутренняя рифма «В тихом | *блеске* | дремлет | *леска*». В результате в метроритмическом строе стихотворения в параллель к его образной структуре и стилистике ощущается полный резонанс с совершенно бесконфликтной, идиллически-мирной лирической ситуацией, воссоздаваемой поэтом.

Лирический субъект и окружающая его природа пребывают в полной гармонии. Он безмятежно удит рыбу, внимая смеху, видимо, не безразличной ему девушки, который сродни всплеску воды и свисту дрозда, слагающему песню «про них». Им сочувствует буквально всё: и свежий вечер, одаривающий их лаской, и сладостный размах ветра, и мягкий вечерний свет, лоском отсвечивающий в речной глади, и берег, покрытый нежной травой и мягким мхом. Где-то боковым зрением лирический герой не теряет из виду белую блузку своей возлюбленной, будоражащую его воображение, как взлет стрекоз и ярких мух.

С одной стороны, подведение некоторого итога предыдущих раздумий, с другой — продолжение томительной медитации можно обнаружить и во втором, одновременно смежном и отчасти автономном сонете. Конечно же, весь окрестный мир, видимый, слышимый, обоняемый и даже осязаемый, в восприятии лирического героя — настоящее волшебство. Он упивается им, растворяется в нем и даже слышит в прощальных лучах ярко-красного запада (заката) ласковые речи сватовства, приглашение к венчанию в храм лазурного небосвода. Только в самом финальном двустишии «И лишь ветер нежно-грустный / Знает: тени нас зовут» можно уловить потаенную рефлексию поэта, так и не преодолевшего до конца мистических воззрений символизма. Правда, что это за «тени» такие, определенно сказать нельзя. Это могут быть и самые естественные признаки приближающейся ночи, и тени ушедших из жизни предков, и, может быть, даже пресловутые Платоновы «тени идей»...

Значительно больше оснований Брюсов имел для того, чтобы включить свою двойчатку во вторую часть как иллюстрацию экзотических диссонансных рифм. Все десять рифмопар — идеально организованные

⁴ Акаталектическими в стиховедении принято называть стихи, в которых отсутствует усечение последней стопы, т. е. все стопы равновелики: _U_U_U_U. Соответственно, стихи с усечением _U_U_U называются каталектическими, а наоборот, с наращением _U_U_U_UU — гиперкаталектическими.

диссонансы, причем порядок ударных гласных закономерно выдерживается в обоих десятистишиях: е-и-а-о-у с эффектом удвоения в каждой паре четных и нечетных стихов. С другой стороны, как и положено, несовпадение рифмующихся акцентов компенсируется с обеих сторон созвучием опорных и заударных согласных. В первом сонете все нечетные стихи аллитерируют на «л»: «леска — близко — ласка — лоска — блузка», а четные — на «м»: «смех — самих — размах — мох — мух». Соответственно во втором сонете в нечетных стихах в качестве опорной аллитерации задействован сонорный звук «р»: «окрестный — барбарисный — красный — росный — грустный», а в нечетных — «в»: «свет — язвит — сват — свод — зовут».

Такую же поддержку диссонансные рифмы получают и в заударной позиции. Женские стихи первого сонета все как на подбор завершаются участвующим в диссонансных рифмах аналогичным или фактически аналогичным троезвучием «ска» или «зко» («близко» и «блузка» звучат как «блиска» и «блуска»). Еще значительнее звуковые комплексы, завершающие женские рифмочлены во втором сонете; в их составе по 4 аналогичных звука: «сний». Мужские стихи, разумеется, имеют гораздо более скромную заударную часть. В первом сонете они довольствуются глухим звуком «х», во втором — твердым глухим «т» (его звонкий вариант в слове «свод» в финальной позиции закономерно оглушается: «свот»).

Наконец, в третьей части «Опытов» стихотворение «В тихом блеске дремлет леска...» вполне могло бы репрезентировать экспериментальные формы дериватов сонета, поскольку Брюсов в своей сонетистике гармонично сочетал верность традиционной классике [Федотов (сост.) 1990: 18–19; Нефедов 2007; Федотов 2011: 192–198; Федотов 2024] со смелыми новаторскими отклонениями от канона, см. [Федотов 2014; Власкин].

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать: два десятистишия Брюсова, выполненные 4-стопным хореем, с регулярным чередованием женских и мужских окончаний, содержащие три четверти полноударных стихов, наделенные экзотическими диссонансными рифмами и объединенные общим лирическим сюжетом, структурно могут быть отнесены к раритетной двойчатке безголовых сонетов. Однако вряд ли таковыми считал их сам поэт. Его версификационная концепция была сориентирована на особо чтимые им классические эталоны. Соответственно, безупречно строгими классическими критериями руководствовался поэт и в области строфики. Безголовые сонеты не упомянуты им даже в «Опытах»... Можно ли в таком случае относить проанализированную нами двойчатку к дериватам аномальных сонетов? Мы склоняемся к положительному ответу на этот вопрос. Структурно-теоретические дефиниции относительно породившей их поэтической практики, как правило, запаздывают.

Источники

Брюсов В. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. (Стихи 1912–1918 гг.). М.: Геликон, 1918. 200 с.

Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. III. Стихотворения 1918–1924. М.: Художественная литература, 1974. 696 с.

Федотов О. И. (сост.). Сонет Серебряного века. М.: Правда, 1990. 768 с.

Литература

Власкин В. Венок сонетов Валерия Брюсова [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall221720548_74520?w=wall221720548_74520 (дата обращения 12.09.2024).

Нефедов И. В. Лингвопоэтическое толкование «Сонета к форме» В. Я. Брюсова // Мир русского слова. 2007. №1–2. С. 57–59.

Федотов О. И. Сонет. М.: РГГУ, 2011. 601 с.

Федотов О. И. Семистишия в строфическом репертуаре Брюсова // Брюсовские чтения 2013 года. Ереван: Лингва, 2014. С. 232–244.

Федотов О. И. Сонеты в составе стихотворных сборников В. Я. Брюсова «Juvenilia» и «Chefs-d'oeuvre» // Брюсовские чтения 2024 года: Сборник статей. Ереван: Лингва, 2024. С. 171–206.

References

Fedotov O. I. *Sonet* [Sonnet]. Moscow, RSUH Publ., 2011. 601 p.

Fedotov O. I. [Stanza in Seven verses from Bryusov's strophic repertoire]. *Bryusovskie chteniya 2013 goda* [Bryusov Readings 2013]. Erevan, Lingva Publ., 2014, pp. 232–244. (In Russ.)

Fedotov O. I. [Sonnets as part of V. Y. Bryusov's poetry collections "Juvenilia" and "Chefs-d'oeuvre"]. *Bryusovskie chteniya 2024 goda. Sbornik statei* [Bryusov Readings 2024. Collection of papers]. Erevan, Lingva Publ., 2024, pp. 171–206. (In Russ.)

Nefedov I. V. [Linguistic and poetic interpretation of the "Sonnet to Form" by V. Y. Bryusov]. *Mir russkogo slova*, 2007, no. 1–2, pp. 57–59. (In Russ.)

Vlaskin V. *Venok sonetov Valeriya Bryusova* [A wreath of sonnets by Valery Bryusov]. Available at: https://vk.com/wall221720548_74520?w=wall221720548_74520 (accessed 12.09.2024).

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-020-2-25
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+